

И. Ф. ПЛОТНИКОВ

**Долой
Колчака!**

«КОЛЧАКОВСКИЕ» ЧИСТЫЕ ПУТИ И НАСЛЕД
СТВИЕ ПОСЛЕДНЕГО СЕРГЕЯ КОЛЧАКА. КАК
ОНИ СЛУЖАТ НАСЛЕДСТВЕННЫМ «ПУТЯМ» КОЛЧАКА
И КАКИЕ ОНИ БУДУТ СЛУЖИТЬ

«КОЛЧАКОВСКИЕ» ЧИСТЫЕ ПУТИ И НАСЛЕД
СТВИЕ ПОСЛЕДНЕГО СЕРГЕЯ КОЛЧАКА. КАК
ОНИ СЛУЖАТ НАСЛЕДСТВЕННЫМ «ПУТЯМ» КОЛЧАКА
И КАКИЕ ОНИ БУДУТ СЛУЖИТЬ

**В ТЫЛУ
ВРАГА**

И.Ф.ПЛОТНИКОВ В ТЫЛУ ВРАГА

*Большевистское подполье Уфим-
ской губернии в годы иностранной
военной интервенции и граждан-
ской войны (1918—1919)*

Плотников И. Ф. В ТЫЛУ ВРАГА. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1971, 144 стр., тираж 5000 экз., цена 16 коп.

Книга профессора И. Ф. Плотникова «В тылу врага» — это историко-документальный очерк о героической деятельности подпольных большевистских организаций и групп Уфимской губернии в годы гражданской войны.

В ней рассказывается, как десятки и сотни подпольщиков-коммунистов и беспартийных трудящихся различными методами боролись в тылу интервентов и белогвардейцев за завоевания Октября.

Книгу с интересом прочтут историки, пропагандисты, преподаватели, студенты, краеведы и широкий круг читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Деятельность подпольных большевистских организаций и групп на территории Уфимской губернии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны составляет важное звено истории Башкирской областной партийной организации.

Специально эта проблема не исследовалась, однако, в той или иной степени частично освещалась некоторыми авторами работ по истории гражданской войны¹.

В разработке проблемы сделаны важные, но лишь первые шаги. Не дано еще единой картины большевистского подполья в крае в целом. Авторам не удалось в достаточной мере раскрыть систему руководства большевистским подпольем, принципы конспирации, осуществление свя-

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966; П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале 1918—1919 гг. Челябинск, 1958 и др.

В связи с тем, что данная книга рассчитана в основном на массового читателя, историографического очерка в ней не дается.

зей местных нелегальных организаций друг с другом, с уральским и сибирским большевистским подпольем.

Таким образом, тема большевистского подполья Уфимской губернии в период гражданской войны разработана недостаточно. Она нуждается в дальнейшем специальном исследовании. Данная работа является первой попыткой дать исторический очерк по указанной теме, однако автор не претендует на ее исчерпывающее освещение.

При подготовке книги автор руководствовался произведениями В. И. Ленина, решениями партии и правительства. Основную базу исследования составили опубликованные и неопубликованные документы и материалы, большинство из которых было извлечено из центральных, местных партийных и государственных архивов¹. Широко привлекаются данные научных и других публикаций.

Географические рамки исследования ограничиваются пределами Уфимской губернии, так как это в большей степени отвечает принципу историзма. Территориально бывшая Уфимская губерния и Башкирия разнятся несущественно. В пределы Башкирской АССР не вошли лишь районы Мензелинского уезда и горнозаводской части Златоустовского и Уфимского уездов и, наоборот, были включены обширные районы Оренбургской губернии.

В отдельных случаях события на территории Уфимской губернии освещаются во взаимосвязи с деятельностью коммунистического подполья других районов Урала.

Хронологические рамки книги: конец весны 1918 — вторая половина лета 1919 годов, т. е. с момента белочехо-словацкого мятежа до полного освобождения территории губернии.

¹ В тексте книги даются ссылки на следующие архивы: ЦГАОР (Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР), ЦПА ИМЛ (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), ЦГАОР (Центральный государственный архив Советской Армии), ПАСО (Партийный архив Свердловского обкома КПСС), ПАЧО (Партийный архив Челябинского обкома КПСС), ПАНО (Партийный архив Новосибирского обкома КПСС), ПАБО (Партийный архив Башкирского обкома КПСС), ПАКО (Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС), ЦГА БАССР (Центральный государственный архив Башкирской АССР), ГАСО (Государственный архив Свердловской области), ГАЧО (Государственный архив Челябинской области), ГАПО (Государственный архив Пермской области).

Внутренняя структура книги — выделение 3-х разделов — продиктована избранной автором периодизацией, в основу которой положены важнейшие факторы социально-экономического и военно-политического характера рассматриваемого периода.

Уфимская губерния была одной из крупнейших в стране. Ее население по данным на 1916—1917 год составляло 3 256 478 человек. Хотя в губернии резко преобладало крестьянство, все же значительным для того времени был и пролетариат, насчитывавший десятки тысяч человек. Рабочие были заняты в промышленности, на строительстве, на транспорте. Только в Уфимских главных железнодорожных мастерских трудился 1931 рабочий.

В 1913 году на 10 горнометаллургических заводах (Златоустовском, Кусинском, Аша-Балашовском, Миньярском, Симском и др.) и Усть-Катавском вагоностроительном заводе было занято 20 108 рабочих¹.

Такой сравнительно небольшой отряд промышленного пролетариата позволял повышать революционность всего трудящегося населения, в том числе крестьянства.

Состав населения Уфимской губернии был многонациональным. Наибольшую группу (свыше одной трети) составляли русские, более одной четверти башкиры; далее шли — татары, чуваша, мордва, удмурты и др. Между широкими трудящимися массами всех национальностей развивались братские, интернациональные отношения.

Во главе трудящихся стояла Уфимская губернская большевистская организация — одна из крупнейших и боеспособных на Урале.

В середине апреля 1918 года она насчитывала 10 545 человек².

Уфимская губерния была одним из районов на Востоке страны, где в силу указанных и других причин в период Великой Октябрьской социалистической революции разгорелись острые классовые битвы и Советская власть со-

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 22—23; «Пройденный путь». К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Предуралье. Вып. 1, Уфа, 1927, стр. 11.

² Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 — июнь 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Уфа, 1957, стр. 295.

вершила победное шествие за сравнительно короткое время.

Более года Уфимская губерния была прифронтовым районом, ареной ожесточенного сражения между советскими войсками и полчищами белогвардейцев и интервентов. Часть ее территории переходила из рук в руки, пока вместе с другими районами не была освобождена окончательно летом 1919 года. Основная масса коммунистов, тысячи рабочих и крестьян-тружеников вступили в Красную Армию, в Сводный Уральский отряд В. К. Блюхера. В связи с этим по размаху подпольной работы губерния отставала от восточных районов Урала и Сибири, где в силу внезапного захвата городов, железнодорожных станций белочехословаками, коммунистов оказалось много.

И тем не менее в губернии имелось и действовало немало крупных и большое число небольших подпольных большевистских организаций и групп. Особенно сильным партийное большевистское подполье было в губернском центре и в восточной, горнозаводской части губернии. Именно этим районам отводится в книге большое место.

СТАНОВЛЕНИЕ И НАЧАЛО ПОДПОЛЯ

В конце мая 1918 года в Уфимской губернии, как и на Урале в целом, началась полоса иностранной военной интервенции и гражданской войны¹.

Объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции навязали Советской республике тяжелую кровопролитную войну, стремясь свергнуть власть трудящихся России, предотвратить распространение влияния Октябрьской революции и рост революционного движения в странах капитализма.

Империалисты, высадившие весной 1918 года войска на Севере, Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье, большие надежды в борьбе с Советской республикой возлагали на чехословацкий корпус, насчитывавший около 50 тысяч человек. Этот корпус был сформирован царским и буржуазным Временным правительством из военнопленных чехов, словаков и представителей других

¹ Начало гражданской войны в стране, в том числе в Уфимской губернии, было положено в октябре 1917 года. Однако до конца весны 1918 года военная интервенция в Уфимской губернии не имела места, вооруженная борьба между силами революции и контрреволюции носила эпизодический характер.

славянских народов, входивших в состав бывшей Австро-Венгерской империи.

После заключения Брестского мира Советское правительство разрешило чехословацкому корпусу, размещавшемуся на Украине, переправиться через Сибирь и Дальний Восток во Францию. К тому времени правительства стран Антанты, используя реакционное офицерство и заблуждения солдатских масс, тайно готовили вооруженное восстание корпуса против Советской власти. Одновременно в сговоре с командованием корпуса и с империалистами Англии, Франции и США к вооруженному выступлению готовились и подпольные белогвардейские организации в Сибири, на Урале, в Поволжье. В конце мая 1918 года командирам частей чехословацкого мятежного корпуса, раскинувшегося от Пензы до Владивостока, по всей транссибирской магистрали, был отдан приказ о выступлении против Советской республики.

25 мая белочехи захватили Мариинск, 26 мая — Новониколаевск, в ночь на 27 мая — Челябинск, затем другие города и целые районы.

Мятеж белочехов представлял особую опасность, так как к этому времени среднее крестьянство совершило резкий поворот вправо, в сторону контрреволюции, усилилась волна кулацко-эсеровских восстаний. Мятеж вызвал к жизни и почти полностью разгромленного атамана Оренбургского казачьего войска Дутова, спешно приступившего к формированию белоказачьих частей и развернувшего наступление на Южный Урал. На Урале, в том числе и в Уфимской губернии, вооруженные силы Советской власти были совершенно недостаточными. Регулярные части Красной Армии только-только начали создаваться. По-настоящему сформированным и обстрелянным был лишь 1-й Уральский стрелковый полк, который вместе с целым рядом отрядов находился в районе Оренбурга.

В Уфимской губернии советские вооруженные силы существовали в виде своеобразных Боевых отрядов народного вооружения (БОНВ) при партийных организациях и Советах. Во главе стоял губернский штаб БОНВ. Всего в боевых организациях насчитывалось около 20 тысяч человек. Начавшаяся реорганизация отрядов в ре-

тулярные части Красной Армии была далека от завершения.

Уфимский губком РКП(б) и губсовнарком, руководители местных организаций, штаба БОНВ с момента контрреволюционного выступления белочехов стали направлять отряды на угрожаемые участки. Губерния была объявлена на военном положении. Основные районы ее, в частности район Уфы, некоторое время находились между двух группировок мятежников — поволжской и челябинско-западносибирской. Они стремились во что бы то ни стало соединиться, продвигаясь навстречу друг другу по Самаро-Златоустовской железной дороге.

Жаркие бои разгорелись в районах Златоуста и Самары. Красногвардейские отряды, немногочисленные и слабоорганизованные, оказывали вымуштрованным соединениям белочехов, кулацко-эсеровским бандам упорное сопротивление. В районе Миасса — Златоуста сражались красногвардейские отряды, прибывшие из различных районов Урала, в том числе из Уфимской губернии — из Уфы, Миасса, Симского, Усть-Катавского, Юрюзанского, Саткинского заводов, Кропачева и других населенных пунктов. Златоустовско-Челябинский участок был в сущности частью Северо-Урало-Сибирского фронта, реорганизованного затем в 3-ю Красную Армию. К концу июня 1918 года в районе Златоуста было сосредоточено 2200 человек¹. Политическим руководителем Златоустовского фронта был председатель Уральского обкома РКП(б) И. М. Малышев. Видную роль в руководстве боевыми действиями отрядов играл коммунист И. Ф. Туманов — заместитель начальника Уфимского губернского штаба БОНВ. Мужество и отвагу проявили многие бойцы и командиры. Особенно отличились златоустовские рабочие-железнодорожники, которыми командовал В. Д. Ковшов. Однако не все отряды, их бойцы и командиры проявляли достаточную организованность, глубокое понимание опасности, нависшей над Советской республикой. Командованию и политическим руководителям приходилось прилагать большие усилия для сплочения и укрупнения отрядов. Бойцы мужали и закалялись в

¹ ЦГА БАССР, ф. Р — 701, оп. 1, д. 7, лл. 1—5; д. 319, лл. 1—6; «Коммунисты Урала в годы гражданской войны». Свердловск, 1959, стр. 140—141.

боях, отбивали атаки контрреволюционных войск. Однако положение советских отрядов становилось с каждым днем все труднее. Силы врага нарастали. Им помогали кулацко-эсеровские банды, возникавшие в период антисоветских мятежей.

27 июня белочехи и белогвардейцы захватили Златоуст. Еще раньше в их руках оказался Миасс. Советские отряды, неся большие потери, постепенно отступали на запад и северо-запад. Около месяца длилось сражение на Златоустовско-Челябинском фронте. Упорная борьба советских отрядов в этом районе сдерживала натиск вражеской группировки, которой командовал полковник Войцеховский.

Уфимские отряды принимали участие в борьбе с врагом и в районе Самары. Частями, сражавшимися под Самарой, командовал уфимский коммунист М. С. Кадомцев. 4 июня он героически погиб под станцией Липяги. 8 июня 1918 года белочехи захватили Самару, затем вместе с белогвардейцами начали продвижение в уфимском направлении с целью прорыва на восток и соединения с войсками Войцеховского. Командующим советскими силами на Уфимско-Самарском направлении был назначен бывший офицер коммунист В. Блохин. Но в его распоряжении имелись недостаточные для отпора врагу силы — к 20 июня всего лишь 675 человек¹. Проявления партизанщины, вплоть до ухода отдельных отрядов с фронта, имели место и здесь, подобно тому, как это было под Златоустом.

Таким образом, заслон от Поволжской группировки врага Уфа имела незначительный. Реальные надежды на то, что ее удастся отстоять, отсутствовали.

Обстановка все более осложнялась и в других районах. Ухудшилось положение под Оренбургом и на юге Уфимской губернии. Продолжали вспыхивать контрреволюционные мятежи. Они охватили многие волости Бирского, Уфимского, Златоустовского, Стерлитамакского и других уездов. Борьба с мятежниками была крайне осложнена из-за недостатка вооруженных сил, отдаленности многих белогвардейско-повстанческих районов и т. д.

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 275.

Советские отряды, включенные во 2-ю армию Восточного фронта, вынуждены были 4 июля спешно оставить Уфу и отойти на северо-запад. Предварительно удалось произвести эвакуацию партийных и советских учреждений. После того, как в августе соединение В. К. Блюхера — братьев Кашириных с боями вышло из Белорецко-Богоявленского района и к середине сентября прорвало фронт белогвардейцев близ села Аскина Бирского уезда, вся губерния оказалась под пятой контрреволюции.

В. К. Блюхер

Малочисленные, слабо организованные, в большинстве случаев не сведенные в регулярные части, не обученные должным образом, плохо вооруженные советские отряды не смогли выдержать напора контрреволюционных войск и отстоять Уфимскую губернию, как и некоторые другие районы.

Но причина временного падения Советской власти заключалась не только в этом. Сказалась недооценка местными работниками, военными руководителями губернии той действительной опасности, которую таили в себе контрреволюционные выступления белочехов, белоказачков, белогвардейцев. В нужный момент на наиболее угрожаемых участках у партийно-советских органов не было необходимых сил. Некоторые отряды оказались разобщенными. Защитники власти Советов, рабочие и деревенская беднота, желавшие вступить в красногвардейские отряды, отряды БОНВ, не в состоянии были этого сделать, объединиться, не имели подчас представления о ходе борьбы на фронтах. Наконец, последняя по счету, но не по важности причина состояла в том, что в некоторых районах не проявили достаточной активности в борьбе с контрреволюцией рабочие и крестьянская беднота, а среднее крестьянство и мелкая буржуазия городов и заводских поселков колебались в сторону контр-

революции. Интервенты и белогвардейцы, опираясь на эсеров, обманывавших трудовые массы деревни и города, сумели использовать эти колебания, и прежде всего колебания среднего крестьянства для свержения Советской власти.

Анализируя причины временных успехов контрреволюции летом 1918 года, В. И. Ленин в июле 1919 года говорил, что миллионы крестьян «год тому назад еще совершенно несознательно смотрели на мир божий, верили на слово всякому, кто красиво говорил об Учредительном собрании, падали духом от тягот большевизма, бежали прочь по первому призыву к борьбе...»¹.

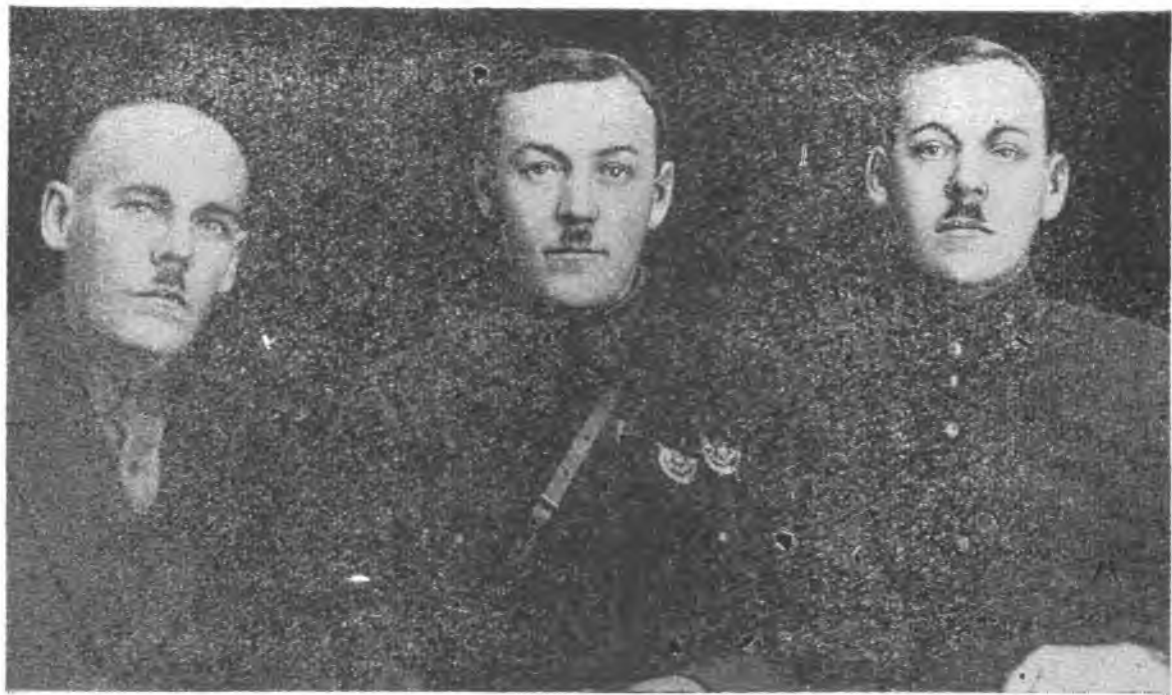
Это высказывание полностью относится и к Уфимской губернии.

В захваченных врагом восточных районах страны сложился ряд местных правительств, в том числе Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, Сибирское правительство в Омске, Уральское областное правительство в Екатеринбурге. Последнее самостоятельной роли не играло и находилось в зависимости от Омского. Кроме того, своего рода правительством являлось правление Оренбургского казачьего войска, существовало Башкирское буржуазно-националистическое правительство З. Валидова, возникшее еще в декабре 1917 года и обосновавшееся после захвата врагом Южного Урала в Челябинске. Сибирское правительство было превращено в деловой аппарат власти Директории, избранной в сентябре 1918 года на так называемом «Государственном совещании» в Уфе. Вслед за этим Комуч и Уральское правительство были распущены.

На первых порах в органах белогвардейской власти преобладали эсеры и меньшевики, в ряде случаев находившиеся в непосредственном «правительственном» блоке с кадетами. Но вне зависимости от партийного состава белогвардейских правительств сущность власти оставалась одна — буржуазная диктатура. Комуч назначил своим уполномоченным по Уфимской губернии В. П. Гиневского². Этот лидер уфимских правых эсеров действовал, опираясь на свою организацию, на меньшевиков,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42.

² З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 295.

Братья Каширины (слева направо: Петр, Николай, Иван Дмитриевичи)

получая поддержку буржуазных партий и националистов. В уезды и районы (группы волостей) были направлены или назначены из местных контрреволюционеров «организаторы» — также в своем большинстве члены мелкобуржуазных партий.

Формально на протяжении первых месяцев белогвардейщины вся Уфимская губерния находилась под властью Комуча. В действительности же, в результате разгоревшейся между Сибирским и самарским правительствами борьбы за господство на Урале, верх взяло первое из них. Оно быстро прибрало к рукам промышленные районы Уфимской губернии, включая Златоустовский уезд, действуя при этом через Приуральский промышленный комитет и военщину. В дальнейшем власть Сибирского правительства стала безраздельной на территории всей губернии.

Пытаясь прикрыть контрреволюционную сущность белогвардейского режима, эсеро-меньшевистские правительства не скупились на громкие фразы, лозунги о «всеобщей демократии», «народовласти» и т. д. На первых порах в Уфимской губернии и в Поволжье учредилорцы стали создавать различные комитеты и комиссии, именую их народными, стремясь добиться в них формального представительства от трудящихся. Так, в «комитеты народной власти», возникшие в ряде мест, наряду с буржуазными дельцами, домовладельцами, офицерами, включались отдельные рабочие из числа меньшевиков, эсеров и им сочувствующих. Кое-где, в частности в Уфе, была предпринята попытка формирования Советов и использования их в антинародных целях, для обмана трудящихся масс. Но вскоре от этих «экспериментов» эсеры и меньшевики отказались, тем более, что буржуазия к ним отнеслась совершенно нетерпимо. Мелкобуржуазные партии, сформированные ими различные органы власти, включая и те, которые возникли в Уфимской губернии, выступали в роли защитников интересов свергнутых капиталистов и помещиков.

Белогвардейские правительства, в том числе Комуч и его ставленники в Уфимской губернии, спешно ликвидировали все политические завоевания трудящихся, возрождали дореволюционную систему власти, частнокапиталистическую собственность на орудия и средства производства. На основе законоположений, принятых

белогвардейскими правительствами, производилась денационализация промышленности, возврат предприятий прежним владельцам, передача помещикам конфискованных Советской властью и переданных в пользование трудящимся крестьянам земель. Сделанные в начале Комучем оговорки, что земля останется «народным достоянием», вскоре были забыты, а помещикам предоставлено право отнимать у крестьян земли, при надобности обращаясь к помощи белогвардейских войск. Катастрофически снижалась реальная заработная плата рабочих.

С крестьян взимались непосильные налоги, в том числе и «недоимки» за 1915—1917 годы. Росла дороговизна на предметы первой необходимости, от которой страдали прежде всего рабочие. Например, в Уфе на многие из этих товаров цены поднялись до 400 процентов, другие в продаже перестали появляться вообще¹.

Трудящиеся подвергались репрессиям. Они обрушились как на русское население, так и на трудящихся других национальностей. Башкирские буржуазные националисты, «правительство» Валидова, кантонные и юртовые управы, сформированные им, посылали в башкирские селения карательные отряды, производили аресты, избиения и расстрелы. Сплошь да рядом, оставив в стороне разногласия с белогвардейскими властями, валидовцы объединяли с ними усилия в борьбе за новое закабаление трудящихся масс.

Башкирское, а также татарское, чувашское, марийское и другое население оказалось, как и до Октябрьской революции, под двойным гнетом — русской буржуазии и помещиков и местных купцов, баев и духовенства. Гнет социальный дополнялся национальным, который по мере усиления реакции приобретал все более ярко выраженный характер. Завоеванное трудящимися башкирами, татарами и другими в союзе с русскими рабочими и крестьянами политическое равноправие наций оказалось утраченным.

Тюрьмы Уфы, Стерлитамака, Златоуста, Бирска и других городов были переполнены партийными и советскими работниками, лицами, сочувствующими Советской власти. За решеткой оказались не успевшие эвакуироваться вид-

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 209.

ные уфимские коммунисты А. К. Евлампиев, И. С. Кадомцев, Г. В. Андреев, семьи Н. И. Подвойского, А. Д. Цюрупы, Н. П. Брюханова, А. А. Юрьева и др.¹ Тюрем не хватало. Спешно создавались концентрационные лагеря. Производились массовые расстрелы. Так, летом и осенью 1918 года в Стерлитамаке в подвалах, школах томились тысячи арестованных. Их нещадно пороли, около 1500 человек расстреляли. В Уфе лишь в августе 1918 года без суда и следствия белые казнили 73 партийных и советских работника².

В сводке командования Восточного фронта за сентябрь 1918 года указывалось, что в Уфе «тюрьма полна... У моста реки каждую ночь в час или в два ночи проходят расстрелы»³. Особенно жуткую картину представлял концентрационный лагерь по улице Центральной (ныне ул. Ленина). Здесь в солдатских бараках, за колючей проволокой, в голоде и холоде, в ожидании страшной участи сидели 2000 заключенных⁴. А контрразведка хватала все новых и новых людей...

Приведенные факты — только капля в море из всего того, что творили белогвардейцы, в том числе мелкобуржуазные партии, в отношении наиболее сознательной части трудящихся. Разгул контрреволюции привел к возникновению такой обстановки, в которой коммунистам необычайно трудно было развертывать нелегальную работу. Сложность обстановки выражалась не только в проводившихся белогвардейскими властями репрессиях. Дело заключалось и в том, что широкие слои крестьян, определенная часть рабочих, мелкая городская буржуазия, большая часть интеллигенции продолжали колебаться. Одни из них оказывали поддержку силам контрреволюции, другие, большинство — стремились остаться в стороне от борьбы, не смыкались с контрреволюцией, но и не спешили выступить в защиту Советской власти. Среди указанных слоев населения широким влия-

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 302—303.

² «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 2. Уфа, 1966, стр. 107; Х. С. Сайранов. Упрочение Советской власти в Башкирии (1919—1922 гг.). Уфа, 1957, стр. 9.

³ ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 558, л. 13.

⁴ «За власть Советов». Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии. Уфа, 1961, стр. 287.

нием в то время пользовались мелкобуржуазные партии — эсеры, меньшевики и другие, тогда как влияние большевиков резко уменьшилось.

«Колебание среди крестьян нас не удивляет,— говорил. В. И. Ленин в июле 1918 года.— Крестьянская масса не прошла такой жизненной школы, какую прошел пролетариат, который привык десятилетиями видеть в капиталисте своего классового врага и который сумел сплотить свои силы для борьбы с ним. Мы знаем, что крестьяне такого университета не прошли. Одно время они шли вместе с пролетариатом, теперь у них наблюдается период колебания, когда крестьянская масса раскалывается»¹.

Коммунистическая партия понимала, что колебания средних слоев населения носят временный характер и прекратятся не только под воздействием антинародной, реакционной политики белогвардейцев, реставрировавших повсюду буржуазно-помещичьи порядки, но и в результате разоблачения контрреволюции, в том числе мелкобуржуазных партий, и разносторонней и всемерной борьбы за массы.

Неустойчивые слои трудящихся города и деревни в период гражданской войны и иностранной интервенции были объектом борьбы между Коммунистической и мелкобуржуазными партиями.

Эсеровско-меньшевистские организации Уфимской губернии, как и других губерний Урала, прилагали все усилия к тому, чтобы запугать массы мнимой недемократичностью системы диктатуры пролетариата, вызвать недоверие к Коммунистической партии, неверие в возможность осуществления ее программных лозунгов. Со страниц издававшихся в Уфе газет «Народное дело» и «Голос рабочего» (органы правозсеровской и меньшевистской губернских организаций) и других, выходивших на русском и татарском языках, многочисленных листовок, как из рога изобилия изливались потоки грязной клеветы на Советскую власть, на большевистскую партию. Всячески превозносилось Учредительное собрание, система белогвардейской власти, свобода торговли и т. д.

Эсеры и меньшевики развернули неистовую антибольшевистскую кампанию и на местах: в уездных городах,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 37, стр. 16.

заводских поселках и селах. Они действовали через свои местные организации и специально командированных из губернского центра лиц.

Коммунисты-подпольщики острее своей печатной и устной пропаганды и агитации направляли на разоблачение мелкобуржуазной идеологии эсеров и меньшевиков, их единения с буржуазными партиями, предательства интересов трудового народа. Большевики и сочувствующие им рабочие и крестьяне все смелее выступали с критикой действий мелкобуржуазных партий, срывали проводимые ими собрания, конференции, сходы и митинги.

Интерес представляет такой факт. 24 июля 1918 года в Уфе меньшевиками была созвана рабочая конференция. На ней присутствовало 250 человек. Как ни трудились меньшевики над тем, чтобы подобрать угодный себе состав конференции и добиться беспрепятственного принятия резолюций об оказании поддержки Комучу, этого не получилось.

В первый же день работы на конференции раздались мужественные голоса в защиту Советской власти от выпадов социал-предателей. Так, делегат Кукушкин, отмечая инсинуации меньшевиков в адрес Советской власти, заявил, что она «была одна истинно пролетарской, выражавшей интересы рабочих». Когда организаторы конференции стали призывать к поддержке Комуча, раздались протестующие возгласы с мест. Резолюцию по текущему моменту, предложенную меньшевиком Ахтямовым, удалось протащить незначительным большинством. За нее проголосовали 92 делегата, против — 45, воздержалось 17 и уклонилось от голосования 96 делегатов¹. Это была пиррова победа. Подобным образом проходили конференции и собрания, созывавшиеся мелкобуржуазными организациями, в Златоусте, некоторых заводских поселках и в сельской местности. Среди материалов уфимских белогвардейских властей, хранящихся в архивах, имеется большое количество отчетов и докладов представителей губернских органов власти, посылавшихся в волости «агитаторов». В них подчас фиксировались выступления на собраниях сторонников Советов,

¹ Г. И. Гужвенко. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941, стр. 72.

факты об открытых протестах крестьян против действий белогвардейцев, мероприятий учредилловцев. Имелись случаи, как, например, в башкирской деревне Москове Бирского уезда, когда агитаторы крестьянами просто-напросто изгонялись¹. Это не было случайностью. О том, к каким средствам прибегали учредилловцы, может свидетельствовать «деятельность» «районного организатора» в Байкинской, Байкибашевской и Халиловской волостях того же уезда Кузнецова. По его собственному признанию, в выступлениях перед крестьянами он говорил, «что большевистское правительство заключило оборонительно-наступательный союз с немцами, и что Вильгельм разрешил Ленину мобилизовать своих и австрийских подданных, находящихся в пределах России»².

Один из руководителей подпольной большевистской организации на Симском заводе — М. И. Яковлев о настроениях части рабочих летом 1918 года вспоминал: «Пришел я в механический цех. Здесь остались только пожилые рабочие, находившиеся под влиянием эсеров. Встретили меня холодно, а старый жестянщик Аристарх Харьков зло крикнул:

— Ну, расскажи, расскажи нам, как вы, большевики, народ расстреливали. Теперь-то конец пришел вашей власти!

Обидно мне показалось слышать это от старого рабочего, у которого к тому же сын Григорий служил в Красной Армии.

— Чему ты радуешься, Аристарх,—возразил я с упреком.— Вот поживешь — увидишь, хороша ли для рабочего человека белогвардейская власть. А что касается Советской власти, то для нее свет клином не сошелся на Симском заводе. Жива она и будет жить! — повернулся и вышел.

...Очень скоро рабочие, поверившие эсеровско-меньшевистским красноречиям, на своей собственной спине убедились, что такое «демократия», которую им обещали. Все видели, как «освободители», забыв свои разговоры про любовь к народу, сеяли кругом страдания и смерть, как они бросали в тюрьмы, запарывали нагайками со

¹ ЦГАОР, ф. 673, оп. 1, д. 7, лл. 70—130; З. А. Амннев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 310.

² ЦГАОР, ф. 673, оп. 1, д. 7, лл. 93—94.

свинцовыми наконечниками, вешали и расстреливали сотни честных людей. Теперь тот же Аристарх Харьков, кричавший с чужого голоса о «зверствах большевиков», норовил завести разговор про то, «как бы этих белых сволочей выгнать из Сима». Подобные настроения появились у большинства рабочих. Когда к нам в цех стали поступать от белого командования запросы с требованием сообщить о благонадежности того или иного арестованного из наших товарищей, то рабочие выгораживали его и даже всем цехом брали на поруки»¹.

Ломка настроений была характерна для проявивших колебания рабочих других предприятий губернии, в частности, в Уфимских железнодорожных мастерских.

Антинародная политика мелкобуржуазных партий не могла не способствовать отходу от них и трудящихся крестьян.

Следовательно, уже летом 1918 года эсерово-меньшевистская антибольшевистская агитация, практические мероприятия по утверждению белогвардейского кровавого режима не находили поддержки и сочувствия среди все более широких слоев трудящихся города и деревни. И хотя колебания основной части этих масс продолжались еще длительное время, определенные сдвиги влево в их среде в Уфимской губернии к осени стали несомненным фактом. «Там, где нет большевиков,— отмечал В. И. Ленин в конце июля 1918 года,— и господствуют чехословацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехословаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехословаков за Советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов»². Сдвиги влево выражались прежде всего в повышении политической активности рабочих и крестьянской бедноты, часть которых в начале лета 1918 года проявила пассивность.

Вырывались из плена буржуазной идеологии многие середняки, представители городской мелкой буржуазии.

¹ В борьбе за власть Советов. Воспоминания. Свердловск, 1957. стр. 222—223.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 16—17.

Но поворот части мелкой буржуазии в сторону Советской власти летом и осенью 1918 года не был достаточно устойчивым и во многом зависел от положения на фронте. Это проявлялось и в поведении части представителей мелкобуржуазных партий. «Колебания мелкобуржуазных демократов неизбежны,— писал В. И. Ленин.— Достаточно было немногих побед чехословаков, и эти демократы впали в панику, сеяли панику, перебегали к «победителям», готовы были раболепно встречать их. Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь — достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилятся паника, умножатся случаи распространения паники, случаи измены и перелетов на сторону империалистов и так далее, и тому подобное»¹. В дальнейшем в связи с временными военными успехами Колчака эти мудрые ленинские прогнозы подтвердились.

Для летне-осеннего периода 1918 года было характерно начало нового и последнего этапа политического кризиса и следовавшего затем полного краха мелкобуржуазных партий. Это выразилось в колебаниях их левого крыла, главным образом левых эсеров, что явилось отражением настроений масс, проявлением боязни потери влияния в их среде и известным опасением дальнейшего усиления реакции, военщины, иноземного империалистического засилья. Однако в первые месяцы белогвардейщины левое крыло мелкобуржуазных партий в целом проводило, как и правые эсеры и меньшевики, антисоветскую политику. Вот почему большевистские подпольные организации решительно боролись как против правых, так и против левых течений мелкобуржуазных партий.

Несмотря на необычайно тяжелую обстановку, революционная борьба масс, деятельность большевистского подполья стали развертываться в первые же месяцы, а в отдельных местах в первые недели власти белогвардейцев. Но лето 1918 года было по преимуществу периодом собирания партийных сил, становления большевистского подполья. Говоря об образовании большевистского подполья, следует рассмотреть его характер, структуру.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 197.

Практически дело обстояло так, что подпольные организации в различных местах были неоднородными по составу: в одни входили только члены РКП(б), в другие, помимо них, и беспартийные, (подчас преимущественно) в большинстве своем оформившие принадлежность к партии по изгнанию врага, в третьи — не только большевики, беспартийные, но и выходцы из левого крыла мелкобуржуазных партий, фактически порвавшие с ними.

Пестрота состава подпольных организаций для Уфимской губернии менее характерна, чем для других районов Урала, особенно Сибири, но ее не брать во внимание нельзя. По традиции в сущности сложилось так, что в исторической литературе все три типа организаций и групп, указанных выше, поскольку они стояли на платформе РКП(б) и боролись с врагом под ее руководством, квалифицируются как большевистское подполье. Отсюда, следовательно, можно рассматривать понятие «большевистское подполье» в узком, то есть точном смысле слова, как систему строго оформленных партийных организаций РКП(б), и в широком, с включением всех организаций и групп, которые действовали в тылу интервентов и белогвардейцев под руководством большевистской партии, признавали ее программу и устав, выполняли ее директивы и партийные решения.

Большевистское подполье было построено в соответствии с ленинскими принципами конспирации. Организации и группы в большинстве своем состояли из изолированных друг от друга «пятерок» и «десятков», направляемых через их руководителей вышестоящими звеньями подполья или непосредственно районными, общегородскими, заводскими подпольными партийными комитетами. Члены комитетов, руководители подполья знали также ограниченное число лиц, главным образом тех работников, которые возглавляли непосредственно нижестоящие звенья, группы организации. Такая конспиративная система позволяла избежать в случае проникновения в организацию провокатора или ареста белогвардейцами состава одного из звеньев общего провала. Особенностью большевистского подполья Уфимской губернии, во-первых, было то, что в некоторых местах дробления организаций и групп на мелкие звенья не производилось, во-вторых, единообразия и строго выдержанной системы конспирации, подобной такой, которая имела в Челя-

бинске, Екатеринбурге, Омске, Красноярске и других крупнейших городах Сибири, не имелось. Большевистское подполье Уфимской губернии представляло собой одно из многих звеньев системы нелегальных организаций всех районов, находившихся за линией Восточного фронта. Правда, уфимское подполье не имело достаточно тесных связей с другими большевистскими организациями. Эти связи не были регулярными, особенно с Сибирью, и установились они не сразу. Такие выводы диктуются содержанием изученных материалов.

Летом 1918 года в Сибири и на Урале работу по собиранию партийных сил развернуло организационное бюро РКП(б) Сибири, образованное в Тюмени в середине июля, до эвакуации города, и переместившееся в Томск. Создание оргбюро явилось результатом инициативы актива западно-сибирских партийных организаций, эвакуировавшихся в Тюмень, и руководителей Уральского обкома партии и Северо-Урало-Сибирского фронта. Можно полагать, что этот шаг был предпринят на основе указаний Центрального Комитета РКП(б) о налаживании подпольной работы в тылу врага. Так, член партии с 1914 года К. П. Чудинова, являвшаяся в июле 1918 года сотрудником Военно-революционного штаба Западной Сибири, находившегося в Тюмени, отмечает: «Для всех нас в этот период было уже ясно, что, уходя из того или другого нашего города, мы должны оставлять там наших людей для подпольной работы и об этом же у нас было указание из Москвы»¹.

Члены бюро, привлеченные им к организационной работе активные коммунисты подготовили и в начале сентября 1918 года провели в Томске I Сибирскую нелегальную большевистскую конференцию, на которой было представлено и уральское подполье — Челябинск и Екатеринбург². Был избран областной подпольный комитет, возглавивший работу в громадном районе. Принятые на конференции решения нацеливали сибирских и уральских коммунистов на всемерное развертывание во вражеском тылу революционной борьбы, в том числе и прежде всего вооруженной. Эти решения были доведены до местных

¹ Письмо К. П. Чудиновой автору данных строк.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1431, л. 64; «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 98; К. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921, стр. 17.

партийных организаций. Поскольку осенью 1918 года некоторые подпольные организации Уфимской губернии, в частности миньярская, имели связи с челябинской, то, очевидно, решения конференции стали известны и им, и они руководствовались ими в своей практической деятельности.

Одновременно подпольные организации и группы Уфимской губернии получали директивные указания и помощь из-за линии фронта, со стороны Уральского обкома, Уфимского губкома партии и партийно-политических органов соединений Восточного фронта. В свою очередь деятельность этих партийных органов направлялась Центральным Комитетом РКП(б). Этот участок работы держал в поле зрения В. И. Ленин. Практическое руководство подпольными организациями в тылу противника осуществлял Я. М. Свердлов.

Центральный Комитет, правильно оценив обстановку затяжной гражданской войны, требовал от местных партийных комитетов, чтобы они уделяли внимание подготовке надежных коммунистов для работы в тылу противника и направляли их деятельность. Вопрос о развертывании революционной борьбы в тылу белогвардейцев был предметом рассмотрения на заседаниях Уралобкома и Уфимского губкома РКП(б). Обкомом и губкомом партии, другими местными комитетами, военно-политическими органами, их ответственными работниками он решался и в процессе текущей работы; ими были оставлены в различных городах или направлены через линию фронта для подпольной партийной работы группы и отдельные коммунисты¹. Значительное внимание уделялось налаживанию нелегальной партийной работы в губернском центре.

Несмотря на поспешность ухода из Уфы, руководители губернской и городской партийных организаций для работы в тылу белогвардейцев и интервентов оставили ряд стойких и опытных коммунистов. В их числе были Ф. И. Карклин, братья А. И. и И. И. Шеломенцевы, В. С. Зуйков и др. Они-то и составили ядро подпольной организации, сложившейся позднее. Среди оставленных для

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 233, лл. 43—44; д. 259, л. 46; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16; «За власть Советов», стр. 284—285, З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 321.

подпольной работы лиц были и беспартийные советские патриоты. Некоторые из них, как и часть членов РКП(б), оказались в тылу врага случайно — не успели выехать в связи со срочной эвакуацией города.

В числе коммунистов были татары и башкиры. Например, активную работу вел молодой большевик Я. Х. Ахметов. Уже летом 1918 года он вместе с членом партии С. Никитиным организовал из рабочей молодежи подпольную боевую дружину, которая совершала диверсии против белогвардейцев. Когда командование белых решило вооружить и направить против Красной Армии военнопленных, находившихся в Уфе, дружинники во главе с Якубом Ахметовым произвели налет на лагерь военнопленных и выпустили их, тем самым сорвав планы белогвардейцев¹.

Явно заметной уже на первых порах была агитация подпольщиков. Об этом свидетельствует объявление, которое приказал вывесить всюду комендант станции Уфа Жейглиц 26 июля: «Ввиду появившихся в полосе железной дороги агитаторов и подстрекателей против нас, призывающих к порче пути, зданий, паровозов и т. д. — объявляю всю полосу железной дороги и станцию Уфа на военном положении и всякие действия против чешско-словацких войск будут строго караться по законам военного времени.

1) Всякие совещания, митинги, собрания, сборы, сходки и т. п. в полосе отчуждения могут состояться только с моего разрешения.

2) Лица вооруженные не смеют появляться в полосе железной дороги, не имея разрешения на право ношения оружия»².

Но в общем в первое время подпольщики не предпринимали активных действий. Им пришлось скрываться на конспиративных квартирах и у знакомых. Затем они, принимая максимальные меры предосторожности, стали устраиваться на работу. Некоторые из них включились в состав богатого революционными традициями коллектива уфимских рабочих-железнодорожников. В августе 1918 года в городе действовало несколько подпольных

¹ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 2, стр. 108; Т. Ш. Саяпов. Ленинский комсомол Башкирии (краткие очерки). Уфа, 1967, стр. 43.

² ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 106, л. 198.

Я. Х. Ахметов

РСДРП(б). Организация, созданная среди латышей-беженцев империалистической войны еще до начала гражданской войны, насчитывала несколько десятков человек. Оставляя ее в тылу врага, руководители Уфимского губкома рассчитывали на то, что ей удастся сохраниться и приступить к работе в полном составе². Но различные уфимские группы, латышская организация вначале действовали разрозненно. Сказывались недостаточность подготовки коммунистов, оставшихся в городе, к подпольной работе, сложность обстановки, массовые аресты, отсутствие у многих опыта конспирации, четкого плана действий.

Осенью 1918 года в Уфу по заданию политотдела 5-й армии прибыл волевой коммунист и хороший конспиратор М. А. Чистяков³. Он устроился в железнодорожных

групп, главным образом на железной дороге. В сборном цехе Уфимских железнодорожных мастерских работала группа в составе: А. И. и И. И. Шеломенцевых, В. Трясоногова, П. Нечаева, М. Петухова и др.¹ Она установила связи с другими группами подпольщиков-железнодорожников, рабочих предприятий Уфы. Но наиболее крупной, ранее других приступившей к практической деятельности, была латышская большевистская организация во главе с Ф. И. Карклиным, членом партии с 1911 года, направленным в Уфу в феврале 1918 года Центральным Комитетом

¹ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16; «За власть Советов». Сборник воспоминаний, стр. 288—289.

² «Наш путь», 12 января 1919 г.

³ Точное время приезда М. А. Чистякова в Уфу назвать не представляется возможным. Однако этот вопрос важен, ибо он связан с выяснением момента формирования в Уфе единой подпольной ор-

мастерских, где раньше работал слесарем, но под фамилией Митрошкина¹. М. А. Чистяков быстро установил связь со всеми подпольными ячейками среди железнодорожников, сплотив их в одну конспиративную организацию, начал устанавливать и укреплять связи с другими группами города, в том числе и латышской. Подобную же организационную работу проводил Ф. И. Карклин и коммунист-миньярцы Ф. И. Локацков и М. П. Локацков. Оба они приехали в Уфу после белогвардейского переворота —

Ф. И. Локацков

первый из Миньярского завода, где скрывался в лесу, второй — из Сибири. М. П. Локацков — член партии с 1905 года, накануне гражданской войны работал в Иркутске. Оттуда вынужден был уехать, опасаясь ареста. По возвращении на Урал некоторое время находился в Златоусте, но установить связь с местным подпольем не смог и приехал в Уфу.

Осенью на окраине города на квартире Короткова состоялось нелегальное собрание активных участников подполья: Ф. И. Локацкова, М. А. Чистякова, М. П. Локацкова, И. Каргопольцева, П. Нечаева, А. И. и И. И. Шеломенцевых и др.² Перед собравшимися с докладом

организации и городского комитета РКП(б). В воспоминаниях И. И. Шеломенцева указывается на участие Чистякова в работе нелегального партийного собрания. Автор воспоминания датирует его осторожно: «было это осенью, если не ошибаюсь, — в сентябре 1918 г. («За власть Советов», стр. 288). В воспоминаниях И. А. Белоусова, вовлеченного в железнодорожную подпольную большевистскую организацию Чистяковым, говорится: «В один из октябрьских дней в мастерских появился Чистяков Михаил Андреевич» (ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16). В воспоминаниях и анкете А. Я. Бакаева приезд М. А. Чистякова датируется «второй половиной ноября». (ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 15; ПАКО, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, л. 54).

¹ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16.

² ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1140, лл. 4—6; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 16.

выступил М. А. Чистяков. Он проинформировал о положении на занятой врагом части советской страны, о действиях Красной Армии и поставил задачу: готовить вооруженное восстание. Последнее предлагалось провести в тот момент, когда советские войска будут на подступах к городу. Перед подпольщиками в связи с этим вставляли такие задачи, как изыскание оружия, развертывание смелой агитации среди солдат, вовлечение их в подпольную организацию и подготовка к восстанию рабочих. На подпольном собрании его участники создали боевой штаб во главе с Ф. И. Локацковым. На А. И. Шеломенцева, бывшего штабс-капитана возлагается организация боевых подпольных групп и учет оружия. Конкретные задания получил и ряд других товарищей.

После собрания в жизни подпольной организации железнодорожников Уфы наступил новый этап. Работа стала более целенаправленной. Не раз еще собирались подпольщики для обсуждения и решения различных вопросов. Первостепенной задачей было вовлечение в организацию сочувствующих большевистской партии рабочих. Коммунисты и вовлеченные в подпольные группы беспартийные беседовали с рабочими на политические темы в обеденные перерывы, после смены по пути домой и т. д. Организация росла, вместе с тем укреплялась и связь с рабочими, усиливалась большевистская агитация. Делались первые шаги по подготовке вооруженного восстания. В этот период железнодорожникам удалось установить непосредственный контакт с латышской организацией.

Кроме этих двух крупных организаций имелось немало и небольших подпольных групп на предприятиях Уфы и в белогвардейских частях. В одну из них входили С. Малых, Х. Андреева. Несколько подпольщиков группировалось вокруг А. Ермолаевой, поддерживавшей непосредственную связь и с железнодорожной, и с латышской организациями¹. В городе находилась по заданию командования 5-й армии и вела разведывательную работу группа В. С. Зуйкова².

¹ «За власть Советов», стр. 291—292.

² З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 323.

Работали подпольные группы и в Старицком затоне, среди речников. В конце сентября 1918 года белогвардейцы отмечали, что подпольная деятельность имеет место на пароходе «Пальма». Помощник машиниста этого парохода И. П. Кутузов в отсутствии начальника «военно-политической охраны» провел тайное собрание команды и находившихся на борту солдат. Выступая перед матросами и солдатами, он призывал «к неповиновению офицерам, властям» и т. д. В сентябре на пароходе распространялась большевистская литература¹.

Обращают на себя внимание белогвардейские материалы слежки за группой лиц, объединявшихся вокруг С. Юдина в Староуфимском районе города. В августе 1918 года контрразведка получила сведения о том, что на берегу реки Уфы близ Благовещенского монастыря, в шалаше, построенном Юдиным якобы для рыболовства, «часто, в особенности вечером, собираются какие-то подозрительные люди и о чем-то осторожно говорят». Белогвардейцы полагали, что С. Юдин действует вместе с другими «видными и рядовыми большевиками» в составе большой организации, которая имеет задачей «беспощадную борьбу с защитниками Учредительного собрания, дабы восстановить власть Советов». В дальнейшем аналогичные сведения были получены белогвардейцами и из других источников. Путем слежки им удалось выяснить, что встречи происходят и в самом городе, в доме Юдина. На одной из них обсуждался вопрос о приобретении оружия и боеприпасов. В сентябре контрразведка арестовала П. Соболева, Д. Ф. Семенова, Г. Е. Ванюшина, А. С. Лягаева, проживавших в Старой Уфе. На допросах они отрицали участие в подпольной работе. С. Юдина арестовать не удалось, так как он скрылся². Последнее обстоятельство можно расценивать как определенное подтверждение правдоподобности агентурных сведений белогвардейцев о существовании подпольной группы в Старой Уфе.

Коммунисты-подпольщики Уфы действовали также на городской электростанции и водопроводе, на заводе Гутмана, среди печатников, военнопленных и солдат белогвардейских частей³.

¹ ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 82, л. 3.

² ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 5, лл. 1—12.

³ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 19; «Наш путь», 12 января 1919 г.

После установления контактов в работе между железнодорожной и латышской организациями и отдельными группами назрела необходимость создания единого подпольного центра. И такой подпольный центр-комитет возник¹. Произошло это, по всей вероятности, в ноябре 1918 года. Создание комитета отчасти связано и с приездом в город члена РКП(б) с 1906 года, видного работника Омской большевистской подпольной организации А. Я. Бакаева². Он был направлен руководителями подполья в Москву для связи с Центральным Комитетом партии и передачи ему писем и обширной информации. А. Я. Бакаев некоторое время находился в Челябинске и совместно с руководителями местной организации принял участие в подготовке забастовки и празднования рабочими первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В Уфу А. Я. Бакаев прибыл, как он вспоминал, «числа 14—15 ноября». Специальной явки к подпольщикам он не имел (ею не располагала ни омская, ни челябинская организации), поэтому отыскал семью П. А. Вавилова—одного из руководителей омского, а затем сибирско-уральского большевистского подполья,—его мать и брата Ива-

¹ Уфимский подпольный центр, несомненно, носил наименование «комитета». Так он именуется в воспоминаниях одного из организаторов — А. Я. Бакаева (ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 15; ПАКО, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, л. 54) и видных подпольщиков С. С. Гончарской (ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 79, л. 76), И. А. Белоусова (ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, лл. 20—23) и др. Последний из них называет комитет «общегородским». Так именовались подпольные комитеты почти во всех губернских и иных крупных городах Сибири и Урала.

² В неопубликованной части воспоминаний И. И. Шеломенцева рассказывается, что вместе с А. Я. Бакаевым в Уфу приехал и коммунист-латыш М. И. Эзерман (Шмидт), оставшийся на нелегальной работе в городе (ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 375, лл. 23—25). Сам по себе факт пребывания М. И. Эзермана в Уфе сомнений не вызывает. Он действительно был послан из Омска, от латышской подпольной организации с докладом в ЦК РКП(б). Но это произошло еще летом и прибыл Эзерман в ЦК 30 августа 1918 г. («Вопросы истории КПСС», 1966, № 6, стр. 51). В воспоминаниях А. Я. Бакаева о совместной поездке с М. И. Эзерманом не упоминается. Возможно, И. И. Шеломенцев несколько запечатлел события и пребывание Эзермана в Уфе летом отнес к более позднему времени. Возможно и другое: быть может М. И. Эзерман по поручению ЦК партии осенью 1918 г. был послан через линию фронта, оказался в Уфе и включился в подпольную работу в составе латышской организации или сразу же, или после поездки в Омск и возвращения оттуда. Когда в начале января 1919 г. в Уфе обосновалось Сибирское бюро

на и поселился на квартире последнего. Бакаев через И. А. Вавилова связался с другими видными местными подпольщиками¹. «Комитета в это время в Уфе не было, — отмечал А. Я. Бакаев, — а работали параллельно две группы: группа латышей и группа железнодорожников, не зная друг друга². По данным Бакаева, в те дни и был организован подпольный комитет. Воспоминаниям Бакаева и с точки зрения описания событий, и с точки зрения их датировки есть основание вполне доверять, ибо проверка документами имеющихся в них других данных подтверждает их достоверность.

В состав Уфимского общегородского подпольного комитета РКП(б), судя по имеющимся в нашем распоряжении воспоминаниям, входили Ф. И. Карклин, М. А. Чистяков, Ф. И. Локацков и др.³ По сведениям члена подпольной организации И. А. Белоусова, председателем комитета являлся Ф. И. Карклин⁴.

Таким образом, процесс объединения уфимских подпольных групп в единую организацию, завершившийся формированием общегородского партийного комитета, закончился примерно в конце осени 1918 года, значительно позднее, чем во многих крупных сибирских и уральских городах и на отдельных заводах губернии. Лишь после организационного периода представилась возможность для наиболее активных, смелых и в то же время глубоко продуманных действий с применением самых разнообраз-

ЩК РКП(б), то в числе его видных сотрудников оказался и М. И. Эзерман (ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 318, лл. 5—6). Можно предполагать, что Эзерман являлся тем разведчиком, который прибыл в Уфу вместе или почти одновременно с Чистяковым. Об этом указывается в воспоминаниях А. Я. Бакаева, но фамилия разведчика не названа (ПАКО, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, л. 54). В связи с несомненным фактом пребывания латышского коммуниста М. И. Эзермана в Уфе можно отметить следующие два важных момента: во-первых, уфимская организация поддерживала непосредственные связи с Центральным Комитетом партии еще до декабря 1918 года, во-вторых, она, точнее ее латышская организация, имела связи с омской латышской большевистской подпольной организацией, очень разветвленной, имевшей группы во многих населенных пунктах Сибири.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 15; ПАКО, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, л. 53.

² ПАКО, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, л. 54.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 15; ПАКО, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, л. 54; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 20; «За власть Советов», стр. 292.

⁴ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 21.

Н. А. Белоусов

ных форм и методов революционной борьбы. Выдвижение в качестве руководителей организации наиболее видных и многоопытных революционеров открывало перед уфимскими подпольщиками большие перспективы в последующих действиях. Но организация и прежде, и в дальнейшем нуждалась в опытных партийных кадрах. О помощи подпольщикам не забывали Уфимский губком и губревком, находившиеся в Николо-Березовке, затем Сарапуле, Вятских Полянах и Вятке, а после ликвидации этих органов — их бывшие ответственные работники.

В Уфу с большим трудом прибыла посланец губкома партии С. С. Гончарская и включилась в работу. С задачей прибыть в Уфу, передать коммунистам-подпольщикам крупную денежную сумму и приступить к работе была оставлена при отступлении советских войск в Сарапуле группа коммунистов в составе П. Кузнецова, А. Рябовой и др. Правда, в Уфу удалось пробраться лишь двоим. Некоторые оказались арестованными белогвардейцами, другие остались в Сарапуле и других местах¹.

Работа Уфимской организации была разносторонней. Много внимания уделялось агитации. Подпольные группы на станции Уфа развертывали эту работу среди железнодорожников, включая и членов паровозных бригад, и в городе, а также среди солдат и проезжающих через станцию пассажиров. Латышская же организация вела работу среди беженцев, военнопленных в лагере, в белогвардейских частях. Но в центре внимания были рабочие, в частности речники в Старицком затоне и др.²

Уфимские подпольщики выпускали листовки и про-

¹ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 79, лл. 15—96; ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 151, л. 10.

² «Наш путь», 12 января 1919 г.

кламации. Латышская группа печатала листовки в местных типографиях в ночное время, используя для этой работы вовлеченных в организацию наборщиков. Две из выпущенных листовок были отпечатаны большим тиражом — по 2 тысячи каждая¹. Есть некоторые основания предполагать, что латышская организация распространяла среди населения марксистскую литературу. Осенью 1918 года в Уфе были арестованы латыши Я. М. Дравит и Э. К. Грюнберг по обвинению в «распространении нелегальной литературы: «Карл Маркс» и «Карл Маркс и профессиональное движение». У них оказалось всего около 15 пудов различных революционных изданий².

На одном из заседаний штаба железнодорожной организации для составления и выпуска листовок подпольщики создали редакционную тройку в составе И. А. Вавилова, А. Калинина и И. И. Шеломенцева. Первая прокламация была посвящена разъяснению населению города военно-политической обстановки, наступательным операциям Красной Армии. Разоблачалось предательство эсеров и меньшевиков. Население призывалось к борьбе с белогвардейцами. Листовка вышла от имени «Российской Коммунистической партии». Позднее, в декабре, выходит и распространяется еще две листовки³.

Уфимцы-подпольщики прилагали большие усилия к развертыванию работы и в других населенных пунктах губернии, оказывали местным коммунистам помощь деньгами и т. д. Судя по целому ряду источников, можно с определенным основанием утверждать, что Уфимский подпольный комитет РКП(б) фактически являлся губернским подпольным партийным центром. Во всяком случае, он осуществлял руководство рядом подпольных организаций и групп на востоке и юге губернии и стремился возглавить некоторые другие.

Осенью в Богоявленский завод была послана С. С. Гончарская (там она работала до июля 1918 года). В связи с уходом в середине августа с войсками В. К. Блюхера Богоявленского партизанского полка (командир М. В. Калмыков) на заводе осталось мало мужчин, да и то в основном те, кто болел и т. д. В их числе были коммунисты С. С. Калашников, А. М. Казаринов, М. Елома-

¹ «Наш путь», 12 января 1919 г.

² ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 29, лл. 1—3.

³ «За власть Советов», стр. 290—291, 295.

М. В. Калмыков

нов, В. И. Зудов, несколько беспартийных стариков-рабочих, включая отца помощника командира Богоявленского полка Ф. Ландграфа, старика Паппа. По приезде С. С. Гончарская созвала нелегальное совещание. Собравшиеся получили информацию о положении на фронте, о борьбе трудящихся в тылу белогвардейцев, узнали о выздоровлении В. И. Ленина после ранения его 30 августа 1918 года. Радость у участников совещания была неподдельно великой. Вызывалась глубокая уверенность в победе Красной Армии. Паппу и Ландграфу С. С. Гончарская дала явку в

Уфе и сказала, что у уфимских подпольщиков они могут взять присланные для богоявленцев деньги. А в дальнейшем эти деньги были получены и розданы нуждающимся семьям партизан.

В соответствии с указанием уфимского подполья С. С. Гончарская затем отправилась к линии фронта. Ее переправляли от одной деревни к другой башкирские и татарские крестьяне, сочувствовавшие Советской власти. Этот факт, как и многие другие, свидетельствовал о крепнувших интернациональных связях.

С. С. Гончарская, благополучно перейдя линию фронта, прибыла в штаб 26-й дивизии, информировала его членов о положении во вражеском тылу. Вскоре ее назначили начальником политотдела этой дивизии¹.

¹ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 79, лл. 90—96; «Научная сессия по истории советского рабочего класса Башкирской АССР, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1967, стр. 14. В дальнейшем многие партийные и беспартийные богоявленские подпольщики были расстреляны или отправлены в сибирские тюрьмы. Однако борьба рабочих не прекратилась. В конце 1918 года они создали вооруженный отряд, который спас завод от разрушения его отступающими белогвардейцами.

При отступлении в июле 1918 года была оставлена подпольная группа из коммунистов и советских работников в городе Бирске. Сюда затем прибыло еще несколько человек через линию фронта, среди них председатель следственной комиссии из села Николо-Березовки В. С. Имашев. Но вскоре он был схвачен контрразведкой и отправлен в Уфу. Агитацию в Бирске вели А. Колтышев, М. М. Шлейников (Штенников) и др. Шлейников говорил горожанам, что «большевистские войска все равно возьмут, т. е. займут Бирск, что большевики в конце концов будут победителями и власть будет существовать Советская»¹.

С. С. Гончарская

В Благовещенском заводе подпольную работу вели П. Н. Полстовалов, С. Я. Воробьев, А. И. Хаев, И. В. Рыбников. Коммунист С. Я. Воробьев был оставлен на заводе с поручением оказывать помощь деньгами рабочим, красноармейским семьям. Эту задачу он выполнил. П. Н. Полстовалов призывал молодежь укрываться от мобилизации в белогвардейскую армию, разъяснял, что установившаяся власть является контрреволюционной, буржуазной. П. Н. Полстовалов с гордостью говорил, что тщательно изучает ленинские работы и стремится к всемерному укреплению **большевизма**. Будучи арестованным, он вел себя исключительно стойко².

Следует отметить, что в упомянутых выше населенных пунктах большевистское подполье было незначительным. Другое дело — Златоустовский уезд и восточная часть Уфимского уезда, особенно Симско-Миньярский заводской район. Здесь в заводских поселках существовали

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 327.

² ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 1, лл. 5, 29, д. 19-г, лл. 2—4; ЦГА БАССР, ф. 703, оп. 1, д. 1, л. 44.

многочисленные и активные подпольные большевистские организации. Уфимский партийный подпольный комитет РКП(б) поддерживал с ними связь и в некоторой степени являлся их руководителем. Правда, нужно отметить, что эти организации, особенно Златоустовская, были связаны с сильным и влиятельным на Урале челябинским большевистским центром. Дело также и в том, что накануне 1919 года Уфа обрела освобождение от белогвардейцев, а миньярская, симская и другие большевистские организации, продолжая находиться в подполье, стали искать более тесных связей с подпольными группами других городов и заводов, прежде всего Челябинска.

В момент эвакуации Златоуста в июне 1918 года городской партийный комитет создал будущую подпольную группу во главе с И. В. Теплоуховым, незадолго до восстания белочехов присланным на работу из Екатеринбурга, Пудовкиным и др. Отдельные партийные ячейки, в частности железнодорожная, также оставляли коммунистов, преимущественно молодых. В Златоусте только в середине июля 1918 года белогвардейцы арестовали свыше 200 человек, подозреваемых в большевизме. Обыски, аресты продолжались. Обстановка для развертывания подпольной работы была крайне неблагоприятна. Однако благодаря энергии И. В. Теплоухова, Пудовкина, В. Геппа и других подпольная деятельность в городе постепенно налаживается¹. Правда, в первые месяцы она была малозначительной, единая организация в Златоусте отсутствовала. Дело сложилось так, что в подпольной работе особенно выделялись молодые коммунисты. В центральных районах города они группировались вокруг В. Геппа, в районе железной дороги — вокруг члена партии с 1918 года Н. И. Астафьевой и др. Организационное оформление этих групп произошло в конце осени и зимой 1918—1919 годов.

Крупный очаг подпольной работы к осени возник в Симском горном округе, западнее Златоуста. Находясь в глубоком белогвардейском окружении, миньярские и симские рабочие-красногвардейцы запрятали оружие в лесу, и с приходом врага решили приступить к подпольной работе. Коммунисты, красногвардейцы скрывались в лесу. Когда Симский завод заняли белые, они

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 344, л. 128.

согнали население на площадь. Угрожая, потребовали указать места, где скрывались коммунисты, красногвардейцы, где спрятано оружие. Но сведений рабочие не дали. Позднее, с помощью предателей, белогвардейцы нашли большую часть оружия симцев¹. Когда белогвардейцы вскрыли основной склад оружия и вывезли часть его в Симский завод, намереваясь вернуться за остальным, группа рабочих, человек в 10, во главе с коммунистом В. А. Чевардиным быстро, в три приема унесла остатки оружия, боеприпасов и продовольствие в глубину леса и запрятала². Оружие же миньярцев, даже два артиллерийских орудия, врагу обнаружить вообще не удалось. Не смогли они вырвать эту тайну и путем пыток у арестованных. В окрестности поселка белогвардейцы посылали отряды и группы солдат на розыски оружия. Но поиски «вслепую», при явной боязни углубиться далеко в лес, результатов не дали. Это свидетельствовало о реальных и больших возможностях для развертывания в районе Миньярского завода партизанского движения, подрывных действий подпольщиков. Но на первых порах бывшие красногвардейцы, находившиеся в лесах, оказались в сложном положении: не хватало продовольствия, в бедственном положении находились их семьи. По решению партийного актива многие симские, как и миньярские, рабочие вернулись в поселки.

Возвратившиеся на Симский завод коммунисты стали вести подпольную работу. Они сплачивали рабочий коллектив, сами объединялись в группы. Например, в механическом цехе действовали молодые энергичные коммунисты М. И. Яковлев, Н. К. Лаптев, Г. Мальков, Г. М. Рокутов и другие. Когда начались аресты, подпольщики поставили цель — освободить своих товарищей. В механическом цехе по инициативе коммунистов созывались собрания. Поднимались вопросы о выдаче характеристик арестованным, наброски которых составлялись М. И. Яковлевым и Г. М. Рокутовым. В них обычно отмечалось, что данный гражданин против белых не выступал, рабочие цеха ручаются за его поведение, берут на поруки и просят из заключения освободить³. В президиум собраний избирались подпольщи-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 592, л. 15; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 191.

³ Там же, л. 73.

ки, и их предложения-характеристики принимались. Таким образом удалось освободить из тюрьмы немало людей. Подпольщики через коллектив рабочих действовали на администрацию цеха, заставили ее принять на должность мастера связанного с подпольем И. М. Головяшкина¹.

Коммунисты Симского завода предприняли попытку создать подпольную организацию еще в августе 1918 года, но она не удалась из-за ареста В. Назарова, К. Горбунова, В. Чевардина, Г. Малькова². В первых числах сентября И. Ф. Масленников и К. В. Рындин на квартире последнего созывают совещание. Помимо К. В. Рындина и И. Ф. Масленникова в нем приняли участие Н. К. Лаптев и М. И. Яковлев. Решили немедленно приступить к созданию подпольной организации. Предварительно обсудили кандидатуры в партком, наметили состав и срок созыва первого организационного партийного собрания³, которое состоялось 29 сентября возле урочища Синий Камень. На собрание коммунисты шли с завода по глухим лесным тропинкам, кто с топором, кто с уздечкой под видом ищущих своих коней и т. д.⁴ Собралось 18 человек. Открыл собрание И. Ф. Масленников, который с наиболее известными членами партии продолжал скрываться в лесу⁵. Симская организация выдвинула перед собой такие важнейшие задачи: 1) вовлечение в организацию новых членов; 2) агитация среди рабочих, организация их на борьбу за восстановление власти Советов; 3) помощь семьям красноармейцев; 4) подготовка к вооруженному восстанию и дезорганизации тыла белогвардейской армии, разложение ее частей⁶.

На собрании коммунистов принимается резолюция, которая носила характер устава. В ней имелось 9 пунктов. Приводим копию этого документа (первый пункт не сохранился): «2. Провокатору смерть. 3. Все дела решаются большинством голосов (простым голосованием, т. е. поднятием рук). 4. Для ведения дела партии избирается

¹ «В борьбе за власть Советов», стр. 223.

² Там же.

³ «В боях и походах». Воспоминания участников гражданской войны на Урале, Свердловск, 1959, стр. 400—401.

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 3; д. 1213, л. 76.

⁵ Там же.

⁶ «В боях и походах», стр. 401.

комитет в составе 4 лиц: председателя, секретаря, тов. председателя и кассира. 5. Все постановления комитета, не опровергнутые общим собранием членов партии, обязательны для каждого члена партии. 6. Члены, не подчиняющиеся постановлениям комитета или общего собрания членов партии, передаются товарищескому суду членов партии. 7. Каждый член обязуется посещать собрания аккуратно. 8. Вновь поступающие члены утверждаются общим собранием членов. 9. Каждый член, знающий где-либо какое оружие, обязуется в первый свободный день пойти и

И. Ф. Масленников

прибрать таковое, о чем довести до сведения комитета партии КБ (коммунистов-большевиков. — Авт) и завязать связь с Миньярским заводом через Винса»¹.

Как видно, организация ставила перед своими членами строгие рамки партийной дисциплины. Устав предусматривал проведение общих партийных собраний, официальный прием членов в большевистскую партию с обсуждением и утверждением их кандидатур на собраниях. Последние моменты могут показаться неприемлемыми для нелегальной организации, действующей в условиях свирепой реакции.

Общие собрания в подавляющем большинстве случаев в подпольных организациях городов и промышленных поселков ввиду нарушения правил конспирации не практиковались. Однако симская организация имела некоторые особенности: вначале она была немногочисленной, все ее члены были хорошо проверены; в богатой истории большевистской организации Симского завода случаев предательства почти не было; население в по-

¹ ПАСО, ф. 1, оп. 1, д. 507, л. 15. При публикации этого документа (в сборнике «Гражданская война на Южном Урале». 1918—1919 гг. Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962, стр. 278) допущены неточности. Неправильно указана и ссылка на источник.

давяющей части было настроено революционно и помогало коммунистам, скрывало их от белогвардейцев. Все это делало допустимым сохранение в практической деятельности организации принципа демократического централизма. И все же даже в симских условиях общие собрания и тому подобные мероприятия оказались неоправданными. Они стали одной из причин массового провала организации зимой в связи с проникновением в ее ряды провокатора. Провал мог бы быть еще более массовым, если бы руководители организации на деле не отступили от принятого 29 сентября устава, не ввели бы практику посещения собраний только отдельными представителями группы старейших коммунистов, скрывающихся в лесу.

На собрании 29 сентября обсуждались вопросы конспирации. Члены партии получили подпольные клички. Избирается партийный комитет в составе: М. И. Яковлева — кличка «Уральский» (председатель), Н. К. Лаптева — «Тузлуков» (товарищ председателя), А. П. Субботина — «Бывший» (секретарь) и Г. М. Рокутова (кассир)¹. Члены избранного комитета обратились к коммунистам еще раз с призывом к стойкости, непоколебимости, конспиративному ведению работы, смелой революционной борьбе². На этом собрание закончилось.

Следует подчеркнуть, что среди симцев имелось немало коммунистов с большим партийным стажем. Однако в комитет была избрана партийная молодежь, проживавшая на заводе легально. Это делалось специально, по рекомендации опытных коммунистов. Молодые коммунисты имели возможность проживать в поселке и даже работать на заводе, встречаться с товарищами, рабочими. Таким образом комитет мог дольше существовать и действовать. В дальнейшем состав комитета неоднократно менялся, но руководство симской организации оставалось неизменным: это группа в составе К. В. Рындина, И. Ф. Масленникова и И. Ф. Салова. Член РКП(б) с 1906 года И. Ф. Салов 28 июня 1918 года под нелегальной фамилией был послан руководителями

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 15—17, 37; д. 1213, л. 76; «В борьбе за власть Советов», стр. 224; «В боях и походах», стр. 401.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 76.

Уральской партийной организации для связи с южно-уральскими заводами. В Красноуфимском уезде, близ Ачита, он был арестован и заключен в Екатеринбургскую тюрьму, однако в конце ноября освобожден, затем приехал в Симский завод, связался с организацией и находился в лесу. Именно эта тройка стала идейно-политическим руководителем коммунистов и всех рабочих завода. Она направляла работу подпольного комитета всех составов ¹.

И. Ф. Салов

Прошло немного времени и симская подпольная организация выросла до 30 человек ². Расширение ее рядов позволило усилить подпольную борьбу с белогвардейщиной, ставить и решать более сложные задачи, основательней вести подготовку вооруженного восстания, следить за действиями и планами врага. Потребовалось совершенствование методов и организационных форм работы. Уже на втором общем собрании организации 6 октября создается контрразведка во главе с П. М. Усачевым; 11 ноября он вновь переизбирается на этот пост ³. В задачи контрразведки входила разведывательная работа в тылу белых, установление и поддержание связи с Красной Армией, передача ее командованию различных сведений военно-политического характера. На партийных собраниях 7 и 11 ноября создается военный штаб при подпольном комитете из трех коммунистов: Н. А. Масленникова (начальника), В. Пердакова (помощника начальника) и М. И. Яковлева (секретаря) ⁴. Штаб имел своей задачей организовать сбор и

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1702, лл. 2—4; ПАСО, ф. 41 оп. 1, д. 1213, лл. 75—78; «В боях и походах», стр. 401.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 4.

³ Там же, лл. 16—17.

⁴ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 17.

Н. А. Масленников

приобретение оружия, обучать подпольщиков военному делу, готовить вооруженное восстание, руководить им. Симская организация не была единственной в Уфимской губернии, которая создавала военный штаб. Штабы, носившие различные названия, имелись в Уфе, в ряде организаций горнозаводского района губернии. Создание штабов предусматривалось решениями сибирско-уральских нелегальных большевистских конференций. Коммунисты использовали и опыт дореволюционной военно-боевой работы. Создание военных, военно-революционных, боевых

штабов. Это являлось выражением готовности подпольщиков к диверсионно-боевой работе, вооруженным восстаниям и партизанскому движению.

11 ноября симцы переизбрали и партийный комитет. На этот раз в него вошли три человека. В протоколе собрания говорится: «Перевыборы комитета — оказались нижеследующие: Тузлуков, Бывший и 8-15-5»¹. Тузлуков и Бывший — клички Н. К. Лаптева и А. П. Субботина. Фамилию третьего члена мы узнаем из материалов военного контроля штаба 6-го белогвардейского корпуса. Им был Г. М. Рокутов. Председателем комитета стал Н. К. Лаптев, его товарищем и казначеем — Г. М. Рокутов, секретарем — А. П. Субботин².

Симская подпольная организация — одна из немногих, в которой велись протоколы и в большинстве своем они сохранились. Несмотря на их чрезвычайную лаконичность, создается достаточно четкое представление об основных направлениях деятельности организации, подпольного комитета и штаба, о подготовке собраний, приеме в партию и т. д.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 17.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89.

Перед тем, как провести 6 октября общее собрание, партийный комитет рассмотрел вопросы об изыскании средств в фонд подпольной организации, плане действия «перед переворотом» (в момент выступления против белогвардейцев), об оружии, создании контрразведки, установлении связи с миньярским подпольем и регистрации членов партии. Члены комитета приняли постановления, обязательные для всех коммунистов. В фонд организации решено было отработать один день или вечер. Каждому члену партии предлагалось иметь к моменту вооруженного выступления винтовку, патроны и «все необходимое к наступлению». Членов партии решили из конспиративных соображений регистрировать условными цифрами. Задание по установлению связи с миньярцами возлагалось на М. И. Яковлева. Отдельные вопросы решено было вынести на общее собрание¹.

На общих собраниях, проводившихся обычно два раза в месяц, рассматривался широкий круг самых различных вопросов: о дружбе и товариществе, приобретении оружия и вооружении им каждого члена партии, подготовке вооруженного выступления, отчеты о действиях подпольного комитета и отдельных коммунистов, выборах и перевыборах в руководящие подпольные органы, об установлении связи с подпольем других заводов и другие².

Подпольная организация жила полнокровной боевой жизнью. Она из месяца в месяц росла. На общих собраниях осуществлялся прием новых членов партии из числа проверенных рабочих. К лицам, изъявившим желание вступить в Коммунистическую партию, относились со всей осторожностью. Нередки были случаи, когда тем или иным рабочим собрание отказывало в приеме в силу их недостаточной активности в революционной борьбе и т. д.³

В результате приема в партию лучших рабочих к концу осени организация достигла примерно 50 человек. К ним примыкало немало беспартийных, которые участвовали в выполнении отдельных поручений. Большинство коммунистов находилось в заводском поселке, остальные

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 19.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 15—19; «Гражданская война на Южном Урале», стр. 279.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 16—17.

скрывались в лесу. Связь между заводом и «лесной» группой была постоянной. Однако состав той и другой части организации менялся. Некоторые подпольщики возвращались из леса на Симский завод и осенью, после первых арестов. Они пытались включиться в работу, но в большинстве своем вынуждены были вновь скрываться. В лес уходили и те, кто оставался на заводе с момента установления белогвардейской диктатуры, но над которыми нависла угроза ареста. Коммунисты в течение осени успели провести на заводе значительную агитационную работу, разоблачали местных эсеров и меньшевиков, колчаковский режим.

Более крупной была соседняя — миньярская подпольная большевистская организация. Ее возглавили опытные коммунисты: Ф. И. Локацков (до отъезда в Уфу), А. Н. Коковихин, М. Н. Коковихин, Я. Г. Заикин, М. Заикин, М. П. Сорокин и другие, составлявшие «лесной партком»¹. Кое-кто из членов парткома, его актива затем вернулся на завод (в их числе — А. Н. Коковихин, М. Заикин, И. Г. Шведов, Ф. Е. Фатеев, Г. П. Новиков²). Но большая часть подпольного комитета вынуждена была скрываться в лесу в течение всего периода белогвардейщины³.

Миньярская организация в осуществлении руководства деятельностью коммунистов, рабочих на заводе поступила примерно так же, как и симская. Налаживание подпольной работы на заводе поручалось и опытным, и сравнительно молодым коммунистам. Председателем партийного комитета здесь стал волевой и исключительно смелый подпольщик, член партии с 1905 года Г. П. Новиков. Прежде он был малозаметным работником, и коммунисты надеялись, что ему удастся, находясь на заводе, возглавить непосредственно работу среди населения. Организация не ошиблась в выборе. Галактион Новиков прекрасно справлялся с порученным ему делом⁴.

Миньярцы с особой тщательностью укрывали и хранили оружие: 2 горных орудия с 60 снарядами, около

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 230.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 139, 140.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 231.

⁴ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 416, л. 4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 89.

200 винтовок, несколько пулеметов, 40 ящиков с патронами, большие запасы взрывчатки, гранаты и другое оружие¹. Хранила организация и около двух миллионов рублей, принадлежавших ранее правлению Симского горного округа. Для их подсчета и хранения была избрана ответственная комиссия. Она считала организацию не вправе расходовать эти деньги и лишь небольшую часть их изъела для выдачи остро нуждающихся бывшим красногвардейцам и их семьям².

В Миньярском заводе постоянный гарнизон долгое время отсутствовал. Там находился лишь небольшой белогвардейский отряд, который размещался на станции в вагонах и проводить карательные операции не решался. Белогвардейская милиция также не в состоянии была бороться с коммунистами. Она лишь сигнализировала в Аша-Балашовский завод о случаях их прихода из леса.

Белогвардейцы не раз пытались застать подпольщиков врасплох, высылали со станции Аша-Балашово сильный отряд, который принимал боевой порядок и вместе с местным отрядом с опаской шел на взятие заводского поселка. Но подпольщики были начеку. Их разведка, служба связи и оповещения работали надежно. Связь с ашabalашовцами поддерживалась постоянно. Оттуда вовремя сообщали об отправке карателей. Если же этого сделать не удавалось и каратели появлялись близ завода неожиданно, то приходилось подавать гудок. Когда на завод «победоносно» вступали каратели, то коммунистов уже не было, они скрывались в лесу или в тайниках. Каратели, срывая злость, начинали обыски, глумление над стариками, женщинами и детьми, случайно попавшими им под руку рабочими. Однако иногда они хватали и подпольщиков. Отдельным из них удавалось освободиться, другие томились в тюрьмах. Некоторые были убиты.

Подпольная организация применилась к этим эпизодическим набегам карателей и в промежутках между ними вела революционную работу. Всеобщая ненависть к белогвардейской власти была характерной для населения Миньярского завода.

Миньярская организация стремилась к установлению

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 42; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 61. По некоторым сведениям, винтовок было значительно больше.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 191.

связи с другими подпольными группами Урала и даже Сибири. Осенью 1918 года с этой целью по поручению «лесного комитета» в Златоусте, Челябинске, Омске, на ближайших заводах побывал М. Заикин. Возложенную задачу он отчасти решил и в начале зимы вернулся в Миньярский завод¹. А на соседних заводах и станциях: Аша-Балашовском, Катав-Ивановском, Саткинском, Юрюзанском, Вязовой и других — разворачивалась также подпольная работа, возглавляемая коммунистами. Правда, к осени 1918 года она не получила еще такого размаха, как на Миньярском и Симском заводах.

Горнозаводские районы Уфимской губернии и Уфа стали основной базой революционной подпольной работы в юго-западной части Урала.

Во всей своей деятельности большевики-подпольщики первостепенное значение придавали работе среди пролетарских масс. Промышленные рабочие губернии, несмотря на то, что многие из них сражались в рядах Красной Армии, продолжали составлять довольно значительную силу.

Ведя борьбу против меньшевиков и эсеров, прилагавших максимальные усилия к тому, чтобы сохранить и даже расширить влияние на часть пролетариата, большевики добивались более тесного сплочения рабочих горнозаводской, фабрично-заводской и других отраслей промышленности и железнодорожников. Для этого они использовали профессиональные и другие организации, стремясь вытеснить из них представителей мелкобуржуазных партий. На некоторых заводах Златоустовского и Уфимского уездов профсоюзы возглавлялись коммунистами, в частности, на Миньярском заводе — членом партии с 1904 года А. Н. Коковихиным, на Симском заводе — А. Минцевичем, на Аша-Балашовском заводе — Г. К. Фокиным².

Подпольщики использовали профсоюзные организации для оказания помощи арестованным рабочим, скрывающимся в подполье коммунистам, их семьям. Эти организации добивались в отдельных случаях освобождения революционно настроенных рабочих из-под ареста, брали их «на поруки», а затем помогали скрываться.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, лл. 230, 231.

² ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 343, л. 41; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190.

С помощью профсоюзных ячеек большевики-подпольщики развертывали забастовочную борьбу, парализовавшую производство и железнодорожное сообщение.

В условиях жестокого белогвардейского режима поднимать рабочих на забастовки часто приходилось под экономическими лозунгами. Действительными же мотивами обычно были политические соображения. Летом и осенью 1918 года в Уфимской губернии неоднократно вспыхивали забастовки. В газете «Уральский рабочий» за 2 октября 1918 года сообщалось: «Недавно в Уфе прошла всеобщая забастовка рабочих, начавшаяся с железнодорожных рабочих и распространившаяся затем на все отрасли труда. Были предъявлены следующие требования: выплата задержанной заработной платы, отмена насилий над рабочими организациями и протест против увеличения рабочего дня». В Уфе имели место и частичные забастовки, в частности железнодорожников; позднее они вспыхивали на некоторых заводах Златоустовского уезда.

В связи с усилением репрессий против забастовок, расстрелами их организаторов в последующем приходилось действовать осторожней, чаще прибегать к скрытым формам саботажа, срыва выполнения заказов и т. д. Революционная борьба рабочих Уфимской губернии вызывала большое беспокойство у белогвардейцев. Вместе с тем эта борьба оказывала серьезное влияние на поведение трудящегося крестьянства, содействовала классово-политической дифференциации деревни, нарастанию в ней революционных настроений и открытых выступлений.

В селах и деревнях Уфимской губернии, так же как и в промышленных центрах и поселках, коммунисты, сочувствующие им активисты из бывших членов Советов стали развертывать подпольную работу уже летом 1918 года.

Численность коммунистов в селах накануне иностранной военной интервенции и гражданской войны была невелика, а партийные ячейки имелись лишь в немногих, преимущественно в волостных центрах. Большинство их членов с приходом белогвардейцев или уходило на фронт, или скрывались. Вот почему и в тех селах, где при Советской власти имелись большевистские организации, они, как правило, не сохранились. Оставшаяся не-

значительная часть ячеек перешла на нелегальное положение. Возможности для их деятельности имелись там, где широкие крестьянские массы сочувствовали Советской власти, а кулачество было изолировано. Помощь в создании подпольных групп на селе со стороны городских и заводских организаций летом 1918 года была незначительной, так как последние только складывались, делали первые шаги в работе. Чаще всего эти группы возникали самостоятельно. В губернии подпольная работа налаживалась во многих сельских районах: в Златоустовском, Уфимском, Бирском и других уездах.

Активно и смело действовали подпольщики в Бирском уезде. Среди крестьян деревни Ново-Петрово Старо-Петровской волости агитационную работу вел А. Е. Иванов, в селе Касево Базановской волости — солдат-коммунист В. С. Белобородов, в деревне Кускеево той же волости — Д. М. Кандаков, в селе Артакул — Н. С. Зимнина, в деревне Старо-Акбулатово Казганбашевской волости — А. Харисов, Ф. Абдуллин, в деревне Ново-Ишметово Московской волости — Г. Латыпов, в Николо-Березовке — коммунист, библиотекарь Ф. С. Санчук. В Тепляковской волости подпольную работу долгое время вел А. Т. Сурин, которому удалось устроиться помощником волостного коменданта. Сурин агитировал за Советскую власть, призывал к борьбе за ее восстановление. По доносу белогвардейского агента он был схвачен¹. Когда осенью 1918 года в западные волости Бирского уезда, тесня белогвардейцев, стала вступать Красная Армия, крестьяне прифронтовых сел оказывали ей помощь, вступали добровольцами в ее ряды. Крестьяне деревни Ново-Ишметово связались с частью, находившейся в деревне Аканеевой, и передали ей два воза с винтовками и военным имуществом².

Значительная подпольная работа разворачивалась коммунистами на севере уезда — в Аскинской волости. После того как волость оказалась во вражеском тылу, коммунист Ф. Г. Попцов — бывший председатель волостного Совета — совместно со скрывающимися активистами Туйно-Озерской волости создал отряд в 30 че-

¹ ЦГАОР, ф. 209, оп. 1, д. 17, лл. 10—11; З. А. Амннев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 327—328.

² ЦГАОР, ф. 209, оп. 1, д. 17, лл. 10, 14.

ловек. Попцов пытался установить связь с частями Красной Армии, но был схвачен белогвардейской контрразведкой и брошен в Бирскую тюрьму. В селе Кумегском большевистскую агитацию вел бывший председатель местного Совета столяр А. М. Дубровиков¹.

В деревне Королеве действовала «Солдатская организация», созданная для борьбы за Советскую власть и социалистические преобразования еще зимой 1917—1918 годов. Ею руководил В. Ф. Зуев. Кроме него, в организацию входили коммунисты и сочувствующие: И. Г. Борисов, П. Ф. Зуев, Ф. Н. Плотников, Д. Н. Лузин и др. Некоторые из них в июне 1918 года арестовывались, но были освобождены и вновь включились в работу. Членам организации приходилось скрываться, особенно по ночам, когда из волостного центра в деревню для ареста и обысков приезжали каратели.

Организация, возглавляемая В. Ф. Зуевым, проводила среди крестьян Королева и ближайших деревень агитацию, призывала их к отказу платить налоги, поставлять белогвардейским отрядам транспорт, фураж. У организации имелось несколько винтовок, револьверов, патроны. Но в связи с близостью фронта, большой концентрацией вражеских сил трудно было надеяться на успех местного вооруженного выступления. Вот почему подпольщики все чаще поднимали вопрос о создании отряда, о переходе через линию фронта и присоединении к Красной Армии. Однако в начале сентября стало известно о победоносном походе с Южного Урала партизанской армии В. К. Блюхера, а вскоре ее авангард — отряд Н. Д. Томина — вошел в Королево. Радушно встретили подпольщики и все трудящиеся крестьяне своих освободителей. Состоялось собрание населения деревни. Выступили коммунисты. Они разъяснили политику Коммунистической партии и Советской власти, направленную на защиту интересов трудящихся масс, рассказали о героическом походе, несокрушимости Красной Армии. Затем прошла запись добровольцев в отряд. В него вступили члены бывшей подпольной организации В. Ф. Зуев, Ф. Н. Плотников, Д. А. Щукин, И. Г. Борисов, П. И. Колокольников и другие, многие молодые крестьяне. К отряду присоединились и некоторые пожилые королевцы,

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 327.

в их числе: Н. С. Плотников, Н. Трапезников. Они проделали с блохеровцами завершающий этап легендарного полуторатысячекилометрового рейда по тылам белогвардейских войск и в дальнейшем сражались в рядах прославленных 30-й и 21-й (Пермской) стрелковых дивизий¹.

Большая работа проводилась коммунистами в селах Златоустовского и Уфимского уездов. Так, в 20 километрах от Усть-Катавского завода, в Серпиевке и других селах члены партии Ф. Е. Бахарев, А. М. Скрыбинский, И. А. Скрыбинский и другие создали подпольную организацию, которая распространяла среди местных крестьян рукописные листовки за подписью «Большевистский Комитет» или просто: «Большевики». В одной из них говорилось: «Товарищи крестьяне! Знайте, что белогвардейщина будет отбирать у Вас землю для кулаков и кровососов. Активней боритесь против белогвардейцев и эсеров и иноземцев-чехословаков...»². Читая листовки, население узнавало политические новости, чувствовало, что здесь, рядом с ним, действуют защитники Советской власти. Под воздействием большевистской агитации трудящиеся крестьяне все чаще выступали против мероприятий белогвардейских властей, в частности отказывались платить налоги. В то же время они тайно снабжали продуктами партизан и скрывавшихся в лесу раненых красноармейцев³.

Подпольные группы существовали в Биянке, Муратовке и других селах в районе Миньярского, Симского заводов и станции Кропачево. Сеть таких групп в горнозаводской части Уфимского и Златоустовского уездов, где имелись многочисленные промышленные очаги, была густой.

Подпольная революционная работа, заключавшаяся в основном в антибелогвардейской агитации, постепенно развертывалась и в башкирских и татарских селах Уфимской губернии. Южнее и юго-западнее Уфы подпольные группы сочувствующих большевикам, кое-где возглавляемые членами партии, имелись в Кармалах, Сафарове, Таперыше и других деревнях.

¹ ЦГАСА, ф. 1293, оп. 1, д. 546, л. 348; ф. 1346, оп. 2, д. 817, ч. 1, лл. 92, 304; ЦГА БССР, ф. 723, оп. 1, д. 83, лл. 1—5; ГАПО, ф. 178, оп. 2, д. 411, лл. 1—5.

² ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 343, л. 51.

³ Там же, лл. 51—52.

Когда из Таперыша ушел белогвардейский отряд, то крестьяне создали продолжавший нелегально существовать Совет и решили послать делегацию к Красной Армии через фронт, который проходил в нескольких десятках километров западнее. Делегации поручили просить Красную Армию быстрее прийти и освободить Таперыш и другие деревни. Кулаки донесли о существовании подпольного Совета. В деревню нагрянули каратели. Было арестовано до 50 человек, 10 из них были расстреляны белогвардейцами, остальных выпороли. Много большевистски настроенных людей боролось с белогвардейцами и в Сафарове, в районе железной дороги Уфа — Бугульма¹.

Во многих волостях Уфимской губернии, в частности в Бирском уезде, велась агитация против белогвардейской власти за сохранение земли, полученной от Советов. Губернские и уездные власти направляли в села специально подготовленных «агитаторов». Но на сходах и собраниях крестьяне их и слушать не хотели, требуя лишь ответа на вопрос о том, почему отнимается земля, а у власти утверждаются буржуи. Один из «агитаторов» после поездки в северные волости Бирского уезда в отчете писал: «И вот в этой обстановке приходится работать нашим агитаторам. Однако каково?» И далее добавлял, что на вопросы крестьян можно ответить, «но это будет ложь!»². Вскоре белогвардейцы бросили затею с «агитаторами» и стали действовать и в этих волостях своими привычными методами штыка и нагайки.

Довольно широкое распространение среди крестьян получила такая форма протеста, как отказ от вступления в белогвардейскую армию. Общее собрание крестьян башкирских и русских деревень Московской волости Бирского уезда 14 ноября 1918 года вынесло постановление, что согласны на мобилизацию «тогда только, когда будут мобилизовать весь Бирский уезд от 18 до 45 лет, оставляя только раненых»³. В этом заключалась своеобразная «хитрость». Разумеется, всю деревню или уезд мобилизовать невозможно, но предлог для отказа давать в армию молодежь был найден. А раздавшееся кое-где требование вооружить мобилизованных «на мес-

¹ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 79, лл. 86—92.

² ЦГАОР, ф. 673, оп. 1, д. 7, лл. 94, 97, 123.

³ Там же, л. 79.

тах» означало, что трудящиеся крестьяне намерены были завладеть оружием и вступить в вооруженную борьбу с контрреволюционными силами.

Учитывая неблагоприятный для белогвардейцев во многих районах ход мобилизации, командир Уральского корпуса издал свирепый приказ о принятии «всех мер для правильного и спокойного проведения набора», в частности «в корне пресекать большевистскую агитацию... Для предупреждения эксцессов в местах скопления, не бойтесь действовать силою оружия, привлекая для этого как войска, так и милицию»¹. Только такие меры позволяли белогвардейцам находить пополнение для армии.

Следует отметить, что вооруженная борьба крестьян Уфимской губернии летом и осенью 1918 года была в зачаточном состоянии. В нее включалась деревенская беднота лишь там, где недавно шли бои революционных войск с белогвардейскими частями. Так, летом 1918 года в Белебеевском уезде возникали мелкие отряды в отдельных селах, они пытались оказывать сопротивление белогвардейцам. 30 июля начальник обороны города Белебея препроводил начальнику белочешских войск в Уфе 30 арестованных — большевиков и красноармейцев, которые «выступали и активно выступают против чехо-словаков и продолжают призывать в настоящее время для выступления против чехо-словаков,... всяческими способами поддерживают связь с населением, стремясь возбудить в нем чувства вражды к чехо-словакам» и в «тюрьме вели себя вызывающе»². В числе этих 30 борцов за Советскую власть были И. Квашнин, С. Тазетдинов, Г. Субханкулов, В. Артищев, Н. Букин, В. Иванов, И. М. Маслов, бывшие военнопленные Иштван Гениш, Матис Мерц и др. Один из них, В. Иванов, ходил по деревням и агитировал за восстание против контрреволюционной власти. Н. Букин во время призыва новобранцев агитировал на сборном пункте «не идти по призыву и звал к выступлению против белогвардейцев». Некоторым активистам удалось поднять группы крестьян на вооруженную борьбу. Так, П. Рязанов организовал отряд в районе села Давлеканова, оказавший сопротивление белогвардейцам³. Т. Сахаутдинов — бывший член Беле-

¹ ЦГАОР, ф. 3825, оп. 1, д. 4, л. 11.

² ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 50, л. 22.

³ Там же, лл. 22—23.

беевского уездного исполкома агитировал против Учредительного собрания, выезжая с отрядом для поимки лиц, идущих против Советской власти, настаивал на необходимости разгрома белочехов. Д. Ш. Субханкулов — коммунист, бывший начальник штаба Белебеевской боевой организации — вел агитационную и разведывательную работу¹. Под влиянием большевистской агитации 2 августа 1918 года в Белебее призванные в белогвардейскую армию крестьяне восстали. Они сумели захватить пулеметы и винтовки, напали на отряд добровольцев, но не смогли добиться победы и были разоружены². В Карьявдинской, Кручевской и других соседних волостях Белебеевского уезда крестьяне сожгли несколько имений после того, как белогвардейские власти потребовали возвратить помещичьи земли. Вследствие этого за топоры и вилы взялись и крестьяне в Шарыповской волости Уфимского уезда. Их выступление было также жестоко подавлено³.

Так в общих чертах выглядело положение в сельской местности летом и осенью 1918 года. В селах развертывалась революционная борьба, охватившая бедноту и батраков, не желавших мириться с контрреволюционным режимом. Но эта борьба еще не была активной, решительной и повсеместной. Она охватывала только незначительную часть крестьян, выступавших в большинстве случаев стихийно. Что касается революционного подполья, то, во-первых, в связи с ограниченностью источников трудно нарисовать широкую картину его деятельности, во-вторых, можно считать, что лишь часть подполья составляли члены РКП(б), но они вовлекали в нелегальную работу многих беспартийных, политических зрелых крестьян.

Шаг за шагом в Уфимской губернии развертывалась большевистская агитация в белогвардейских войсках, прежде всего в частях уфимского гарнизона. В августе-сентябре 1918 года велась такая работа в 14-м стрелковом полку. Особую активность при этом проявляли молодые солдаты 9-й роты А. Лесин и И. Планда. Они призывали не подчиняться офицерам, не выходить на занятия, а по-

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 325.

² Там же, стр. 326.

³ Р. М. Раимов. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952, стр. 220.

прибытии на фронт переходить к красным. Многие солдаты соглашались с ними¹. В сентябре за антибелогвардейскую агитацию и по подозрению в принадлежности к большевистской партии был арестован солдат 2-й роты железнодорожного батальона В. П. Золотов².

Агитация против белогвардейцев, особенно в конце 1918 года — начале 1919 года, имела место и в частях, которые формировались из башкир и татар, в том числе в дивизии (в дальнейшем преобразована в корпус), находившейся в распоряжении националистического башкирского правительства Валидова. Завоеванию на свою сторону башкирских солдат уделяли внимание партийно-политические органы 5-й и других армий Восточного фронта. Издавались специальные листовки на татарском языке, которые распространялись среди крестьян и солдат в занятых врагом районах губернии. Так, работник политотдела 5-й армии, один из видных башкирских коммунистов Ш. А. Худайбердин в обращении «К башкирской бедноте» писал, что башкирские буржуазные националисты подняли трудящихся башкир на борьбу против Советской власти обманном путем, и призывал «башкирских джигитов» к борьбе с контрреволюцией. В башкирских частях росло дезертирство солдат, были случаи отказа воевать против Советской власти и перехода на сторону Красной Армии³. Так, в конце августа отказалась бороться с войсками В. К. Блюхера и подняла бунт башкирская рота, которую белогвардейцы привели под конвоем в Уфу⁴.

Советская печать, командование в своих сводках отмечали резкий рост революционных настроений среди башкирских солдатских масс, трения между башкирами и белоказаками. В ноябре 1918 года 1-й башкирский полк на Актюбинском участке фронта отказался идти в наступление, требуя увольнения на отдых и заявляя, что башкирские солдаты не желают защищать казахов

¹ ЦГАОР, ф. 209, оп. 1, д. 8, л. 5.

² ЦГАОР, ф. 191, оп. 1, д. 81, лл. 4—6.

³ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 331.

⁴ «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1, М., 1940, стр. 369.

станции. Не пошел в наступление и Юрматынский башкирский отряд¹.

Избрание подпольщиками в качестве одного из решающих направлений своей деятельности — разложение войск контрреволюции, завоевание солдат на сторону Советской власти — было большим достижением в разработке ими революционной тактики. Контрреволюция держалась на штыках. Лишение ее войск, хотя бы незначительной части их, в обстановке гражданской войны, героических действий Красной Армии вело в конечном итоге к полному торжеству Советской власти.

Деятельность большевистского подполья на Урале, в том числе в Уфимской губернии, героический рейд Сводного Уральского отряда В. К. Блюхера, наносившего белогвардейцам мощные удары, революционная борьба трудящихся масс в целом ослабляли врага и оказывали значительную помощь Красной Армии. В свою очередь, успехи Красной Армии играли решающую роль в усилении революционной борьбы трудящихся в тылу противника.

Партией и правительством огромное внимание уделялось Восточному фронту, являвшемуся летом и осенью 1918 года главным. На этот фронт направлялись не только воинские части, новые пополнения, но и тысячи мобилизованных по решению ЦК партии коммунистов. К осени 1918 года положение советских войск на Восточном фронте упрочилось. Были сорваны планы империалистов быстро покончить с Красной Армией в этом районе. Ее бойцы и командиры показали, что они могут одерживать победы над внешней и внутренней контрреволюцией. В. И. Ленин в конце августа 1918 года, отмечая, что борьба на Восточном фронте имеет решающее значение, говорил: «Мы уже имеем сведения, что та армия, которую бесконечно предавали генералы, армия, которая бесконечно устала, эта армия, с приходом наших товарищей, коммунистов, рабочих, начинает побеждать, начинает проявлять революционный энтузиазм в борьбе».

¹ «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов». Уфа, 1959, стр. 191; З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 331—332.

«с мировой буржуазией».¹ Белогвардейцы стали терпеть поражения на многих участках Восточного фронта, в том числе в Поволжье, в непосредственной близости от Уфимской губернии. Красная Армия освободила в сентябре Казань, Симбирск, Вольск, 3 октября — Сызрань, 7 октября — Самару. В Прикамье советские войска также достигли успеха: они вступили в Ижевск и Воткинск.

В этот период под ударами Красной Армии, развивавшей наступление на Уфу, Оренбург, Уральск, фронт белогвардейцев и интервентов заколебался. Тяжелым для советских войск продолжало оставаться лишь положение на северном участке Восточного фронта, где действовала 3-я армия. Она вела тяжелые оборонительные бои против белогвардейцев и постепенно отступала в пермском направлении. В общем же положение на Восточном фронте к ноябрю 1918 года складывалось явно в пользу Красной Армии.

Резкий перелом на Восточном фронте способствовал успехам Красной Армии на других фронтах, в том числе и на Южном, ставшем в ноябре 1918 года главным. Определенный вклад в достижение этих успехов внесли трудящиеся массы, действовавшие в тылу врага, в том числе и на территории Уфимской губернии.

*
* *
*

Рассмотренные нами выше материалы о деятельности коммунистов-подпольщиков Уфимской губернии в начальный, доколчаковский период позволяют сделать некоторые выводы.

Обстановка, в которой приходилось действовать коммунистам Уфимской губернии в тылу врага, была необычайно тяжелой. Она потребовала незамедлительного перехода в подполье и применения нелегальных методов борьбы при соблюдении строжайшей конспирации.

Большевистским подпольем губернии руководил Центральный Комитет партии через Уральский областной и Уфимский губернский комитеты РКП(б). Уралобком, Уфимский губком и некоторые партийные комитеты на местах при эвакуации и отступлении оставляли коммунистов для подпольной работы в тылу белогвардейцев.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 70.

Однако, когда этого сделать не удавалось, большевистские организации и группы складывались в процессе самоорганизации из случайно оказавшихся в тылу врага коммунистов. Определенную роль в консолидации партийных сил сыграли направлявшиеся во вражеский тыл коммунисты из-за линии фронта. Ко второй половине осени 1918 года в Уфимской губернии закончился этап становления и организационного оформления большевистского подполья. Этому способствовали решения нелегальной партийной конференции большевиков Сибири и Урала, состоявшейся в начале сентября 1918 года.

В Уфимской губернии, как и в других районах, подпольные организации и группы по своему составу не были однородными, но работали они под руководством и в соответствии с программой Коммунистической партии. И в этом смысле все они являлись большевистскими.

В основе структуры подпольных организаций были в одних случаях конспиративные ячейки — «десятки» и «пятерки», в других — представляли собой единое целое или сумму из двух-трех крупных групп. По своему составу большевистское подполье было многонациональным. Большевистские организации Уфимской губернии являлись составной частью большевистского подполья Урала и Сибири.

Уфимский общегородской подпольный комитет партии стремился стать во главе большевистского подполья всей губернии и добился в этом определенных успехов.

Главной в деятельности коммунистов-подпольщиков была работа в массах, осложнявшаяся не только обстановкой террора, но и колебаниями средних слоев населения. Вокруг подпольных большевистских организаций спланивались все более широкие массы рабочих и деревенской бедноты. Но в летне-осенний период 1918 года коммунисты сумели овладеть и повести на революционную борьбу только часть из них. Революционные выступления и действия трудящихся носили в основном стихийный характер, являлись результатом антибелогвардейской агитации отдельных групп, лиц и т. д.

Организованные, руководимые коммунистами, и стихийные выступления против интервентов и белогвардейцев разворачивались по широкому фронту, охватывая город и деревню, рабочих, крестьян и солдат. Они являлись продолжением той борьбы, которая велась Крас-

ной Армией, беднейшими слоями населения накануне захвата Уфимской губернии белогвардейцами. Южный Урал, в том числе Уфимская губерния, является ярким примером мужественной и победоносной борьбы соединения красноармейских и партизанских отрядов Блюхера и Кашириных в глубоком тылу врага. В целом же революционное движение в губернии, не считая рейд Блюхера, в первые месяцы белогвардейщины не достигло широкого размаха. Это объяснялось, во-первых, уходом с Красной Армией, соединением В. К. Блюхера значительной и наиболее революционно настроенной части трудящихся; во-вторых, продолжающимися колебаниями мелкобуржуазных слоев населения; в-третьих, социальной демагогией эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов, местных белогвардейских властей, прикрывавших свои реакционные действия псевдodemократическими лозунгами; в-четвертых, огромной насыщенностью Уфимской губернии, являвшейся прифронтовым краем, войсками интервентов и белогвардейцев, беспощадно подавлявших выступления масс; в-пятых, недостаточно активными действиями коммунистов по завоеванию на сторону Советской власти трудящихся масс, так как большевистское подполье находилось лишь в состоянии организации, и другими факторами.

Дальнейший рост и успехи революционного движения масс в решающей степени зависели от размаха подпольной работы коммунистов, эффективности их действий. Итоги первых месяцев деятельности коммунистов Уфимской губернии, всего Урала и Сибири в тылу противника определенно указывали, что для этого имелись все предпосылки.

ПОДПОЛЬЩИКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ КОЛЧАКА

Первые крупные поражения белогвардейских войск на Восточном фронте осенью 1918 года внесли замешательство в стан урало-сибирской контрреволюции и интервентов. В середине октября 1918 года в дневнике члена Директории и главнокомандующего белогвардейскими войсками генерала Болдырева была такая запись: «На Самарском фронте плохо. Чехи деморализованы, наши — тоже. Опять появились офицеры — «беженцы». Очень тяжелое положение создается для Уральского войска и Оренбурга. Помочь почти нечем»¹.

Уральская и сибирская буржуазия стала уповать на эсеров и меньшевиков, входивших в органы власти, объясняя военно-политические неудачи непригодностью для своего дела мелкобуржуазных партий. На такой же точке зрения стояли иностранные империалисты. При обоюдном согласии буржуазии и интервентов решено было укрепить белогвардейский режим, установив в Сибири

¹ В. Г. Болдырев. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет», 1917—1922 гг.). Новониколаевск, 1925, стр. 73.

и на Урале военную диктатуру и одновременно увеличив контингенты войск интервентов. При этом иностранные империалисты, все сильней проникавшие в экономику богатейших восточных районов России, надеялись закабалить их.

18 ноября 1918 года в Омске произошел правительственный переворот, директория была разогнана. К власти пришел прямой ставленник интервентов, ярый монархист адмирал Колчак, провозглашенный верховным правителем России.

Таким образом эсеры и меньшевики своими контрреволюционными действиями подготовили приход к власти Колчака, установление военной буржуазно-монархической кровавой диктатуры. В. И. Ленин указывал, что эти партии «помогли родиться на свет» колчаковщине, «...на деле сыграли роль *пособников белогвардейщины*»¹.

Наступление реакции на трудящихся Сибири и Урала привело к усилению репрессий. Для их проведения укреплялись и расширялись карательные органы контрреволюции. Так, управляющий Уфимской губернией Соловьев в Омск сообщал: «Наличие в губернии значительного числа заводов с рабочим элементом, еще не отрезвившимся от большевистского угара, вызывает необходимость создания усиленного штата милиции (так белогвардейцы именовали возрожденную ими полицию.— Авт.) как для тщательного наблюдения за настроением населения, так и для своевременного пресечения противоправительственной агитации и попыток к активным выступлениям»². В центре губернии учреждается контрразведывательное отделение. Кроме того, на территории губернии действовала большая сеть армейских контрразведывательных отделов и пунктов.

Обосновавшийся в Уфе «главный начальник Самаро-Уфимского края» генерал-майор Вишневский основной своей задачей считал организацию репрессий против рабочих и всех, кто казался большевиком, сторонником Советской власти. Зверства колчаковцев не знали предела. Расстреливали, не жалея патронов. Колчаковский генерал Вишневский телеграфировал в Омск, что контрразведкой с 14 по 28 марта 1919 года в городе «выявлено 200

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 156.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 2, д. 28, л. 68.

коммунистов», часть из которых арестована и расстреляна¹. В другой его телеграмме сообщалось, что с 29 марта по 16 апреля в Уфе произведено 1950 обысков, 375 человек арестовано, а общее число заключенных местной тюрьмы составило 1117 человек². И это не считая тех, кто к тому времени был замучен и расстрелян! Уфимская контрразведка производила аресты не только в губернском центре, но и далеко за его пределами, в том числе в уездных городах. Так, в Белебее был арестован врач П. Н. Владимирский, по данным колчаковцев, «ярый коммунист», бывший комиссар здравоохранения, который вел «умелую агитацию»³. Десятки рабочих, крестьян и солдат хватали контрразведывательные отделы и пункты воинских соединений. Например, военный контроль 6-го Уральского корпуса, находившийся на станции Аша-Балашовская, только 2 февраля 1919 года арестовал 19 человек⁴.

Чудовищными репрессиями колчаковское правительство стремилось запугать трудящихся, подавить их волю к революционной борьбе. И хотя колчаковцы стремились, используя такой экономический рычаг, как свобода торговли, сохранить влияние среди мелкой буржуазии, особенно среди многочисленных середняцких слоев деревни, сдвиг последних влево, переход на позиции поддержки Советской власти из месяца в месяц усиливался. Уже к концу зимы 1919 года произошли коренные сдвиги в соотношении классовых сил на Урале и в Сибири. Пожалуй, явственней, чем в других районах, это проявлялось в Уфимской губернии.

Ярким выражением изменений настроения крестьян явилось постановление съезда представителей 33 селений Дуван-Табынской башкирской волости Стерлитамакского уезда от 3 февраля 1919 года: «За тяжелое время пребывания в нашем краю белогвардейцев мы поняли, что они являются защитниками интересов имущего класса и что только наша славная защитница Красная Армия борется за наше благополучие. Поэтому мы бу-

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 14, д. 20, л. 132.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 13-а, л. 5; ф. 176, оп. 1, д. 60, л. 24.

³ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 13, ч. 2, л. 287.

⁴ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 47.

дем поддерживать свою кровную, твердую власть рабочих и крестьян»¹.

В. И. Ленин в середине марта 1919 года говорил: «Там, где побывали чехословаки, за Волгой и в Уфимской губернии, настроение даже зажиточных крестьян круто изменилось в пользу Советской власти, ибо чехословаки дали им жестокий предметный урок... в Предуралье... крестьяне теперь за Советскую власть»².

Правда, к началу весны 1919 года поворот мелкой буржуазии города и деревни на сторону Советской власти завершился не везде. В. И. Ленин в цитированной выше работе говорил о «повороте значительной части крестьянских масс», имея в виду их в целом. Колебания некоторой части середняка, несколько усилившиеся в середине весны в связи с временными неудачами Красной Армии, продолжались и в последующий период. Но в Уфимской губернии колеблющаяся прослойка трудового крестьянства оставалась все менее заметной. Делу завершения поворота на сторону Советов среднего крестьянства весной 1919 года объективно служили репрессии колчаковцев, особенно их военных властей. «Колчак дал нам, — говорил В. И. Ленин, — миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать»³. Нарастающая в тылу колчаковской армии революционная волна была одним из решающих факторов победы трудящихся над интервентами и белогвардейцами.

Классовые сдвиги влево зимой и весной 1919 года резко усилились не только среди русского, но и башкирского крестьянства. С приходом к власти Колчака стала проводиться еще более реакционная политика и в области национальных взаимоотношений. По отношению к нерусским народам, населявшим Урал, в том числе Уфимскую губернию, — башкирам, татарам, марийцам, чувашам, удмуртам и другим — проводилась политика «единой и неделимой России». Усилилось культивирование реакционных взглядов о «неполноценности» «инородцев». Из-за отказа в праве на автономию, угроз

¹ Р. М. Раимов. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, стр. 233.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 31—32.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 241.

репрессий в конфликт с колчаковским правительством вступили башкирские националисты. Валидов и его сподвижники установили связь с советскими представителями и стали готовиться к переходу вместе с войсками на сторону Красной Армии, что и было осуществлено 18 февраля 1919 года.

Однако противоречия между валидовцами и колчаковцами являлись не единственной и даже не главной причиной перехода башкирских войск на сторону Советской республики. В период успешного наступления Красной Армии зимой 1918—1919 годов на Южном и Центральном участках Восточного фронта Валидов не мог не почувствовать, что дни колчаковщины сочтены. Буржуазные националисты видели рост революционных выступлений населения и явного недовольства солдатских масс башкирских частей в антисоветском руководстве. В башкирских полках, как рассказывалось выше, велась революционная работа, участились случаи перехода солдат на сторону Красной Армии. В этой обстановке сотрудничать с колчаковцами, не желая окончательно потерять влияние в массах, было немислимо. Жизнь показала, что многие из руководителей башкирского войска, командного состава, включая З. Валидова, не отрешились от буржуазно-националистических устремлений и историей были отмечены.

Идя навстречу чаяниям трудящихся-башкир, ВЦИК и СНК РСФСР 20 марта 1919 года, в дни тяжелых оборонительных боев и временного отступления армий Восточного фронта, подписали, а 23 марта опубликовали документ об образовании Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики¹. В Башкирскую АССР в тот период вошли южные районы Уфимской губернии и северные районы Оренбургской губернии (так называемая «Малая Башкирия»).

Это вызвало усиленный приток башкирского населения в Красную Армию.

Таким образом, приход к власти Колчака, крайне правых сил реакции, привел к дальнейшему резкому усилению репрессий, консолидации сил контрреволюции, но вместе с тем к постепенному и все большему сплочению

¹ З. А. Аминева. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 402—403.

трудящихся масс и нарастанию их революционной борьбы.

Как же в конце 1918 и в первые четыре месяца 1919 года разворачивались военные события на Восточном фронте? В этот период положение Советской республики продолжало оставаться особенно сложным. В связи с капитуляцией Германии осенью 1918 года мировая империалистическая война закончилась. Это, с одной стороны, благоприятствовало Советской республике, ибо представилась и была реализована возможность аннулировать кабальный Брестский договор, освободить ряд западных районов; с другой стороны, Антанта, руки которой оказались развязанными, усилила интервенцию в страну Советов, используя при этом военные силы германского империализма.

Но вместе с тем росла и крепла Красная Армия. Осенью 1918 года в ее рядах насчитывалось более 800 тысяч, а к концу года — свыше миллиона человек¹. Вооруженные силы Советской власти не только оборонялись, но и наносили врагу сокрушительные удары.

Осенью 1918 года Реввоенсовет республики выдвинул перед войсками Восточного фронта задачу освободить Уфу, Оренбург, Екатеринбург и другие города, т. е. большую часть Урала. Наступление, однако, удалось развернуть лишь на правом крыле фронта. Были освобождены: 28 ноября Белебей, 29 декабря Стерлитамак, в ночь на 31 декабря 1918 года Уфа, 9 января 1919 года (вторично) Бирск, 22 января Оренбург, 24 января Уральск, а 27 февраля Орск.

Неудачно сложилась обстановка лишь на левом крыле фронта. Ослабленные в непрерывных боях 2-я и 3-я армии оказались не в силах выполнить поставленные перед ними задачи. Колчаковцы бросили против 3-й армии новые силы и, развернув наступление на Пермь, в ночь на 25 декабря ворвались в город. Им удалось захватить обширные районы северного и западного Урала. Однако западнее Перми наступление белых войск, понесших огромные потери, было остановлено.

В целом, несмотря на неудачу под Пермью, зимой 1918/1919 года Красная Армия, хотя полностью и не выполнила поставленных перед нею задач, тем не менее до-

¹ «История гражданской войны в СССР», т. 3, стр. 321.

стигла выдающихся успехов. В качестве одной из блестящих страниц летописи боевых событий гражданской войны вошло сражение за Уфу, другие западные районы Уфимской губернии и их освобождение 5-й и 2-й армиями.

4—6 марта 1919 года Колчак вновь начал наступление. К середине марта он имел в первой линии фронта 112 тысяч штыков и сабель при 764 орудиях, против 96 тысяч при 377 орудиях Красной Армии¹. Используя численное превосходство в живой силе, огневых средствах, враг стал продвигаться на запад, рассчитывая затем начать общее наступление на Москву. Если осенью 1918 года решающим был Южный фронт, то теперь Восточный фронт вновь стал главным фронтом республики.

Стойко оборонялись войска Восточного фронта, в том числе 5-я армия, действовавшая на центральном участке протяженностью более 200 километров — от Архангельского завода на юге и до деревни Бураево на севере. Кроме нее, в северных районах Уфимской губернии сражались части 2-й, а в южных — 1-й армий. Против 5-й армии и соседних с нею дивизий других армий действовала Западная армия Колчака. Она насчитывала более 47 тысяч солдат и офицеров, тогда как в 5-й армии не было и 12 тысяч человек. Двукратным было превосходство колчаковской армии в огневой мощи. Это предопределяло успех наступления Западной армии (по аналогичным причинам и Сибирской армии) и временные неудачи советских соединений.

Реввоенсовет 5-й армии прилагал все усилия к сдерживанию натиска колчаковцев. С этой целью он совместно с Уфимским губкомом партии и губревкомом организовал мобилизацию добровольцев во всех западных районах губернии. Были быстро сформированы два уфимских полка, затем брошены на помощь 26-й и 27-й дивизиям. Новые части формировались и в других городах губернии. Добровольцами в Красную Армию вступало много башкир, татар и др. Под Уфой и западнее ее успешно сражались рабочие. Так, в боях особо отличился Уфимский рабочий полк, который длительное время героически сдерживал соединения 3-го белогвардейского Уральского корпуса, рвавшего на Белебей, и почти полностью погиб. Замечательные боевые дела сопутствова-

¹ «Исторический архив». 1958, № 1, стр. 43—45.

ли кратковременному существованию и действиям отряда уфимских рабочих под командованием коммуниста Я. Х. Ахметова. Этот отряд, выросший со 160 до 1500 бойцов, сражался за Уфу, а после ее оставления был направлен во вражеский тыл. Действуя смело и решительно, ахметовцы держали в напряжении врага, срывали его замыслы, выводили из строя коммуникации, затем освободили станцию Давлеканово. Против отряда колчаковского командование бросило несколько своих частей. Почти все красноармейцы во главе со своим командиром пали смертью героев в неравном бою¹.

Несмотря на героизм советских соединений 5-й и других армий Восточного фронта, колчаковцы сумели достичь военных успехов. 13 марта они вступили в оставленную Красной Армией Уфу. Тремя днями раньше в руках врага оказался Бирск. 4 апреля колчаковцы захватили Стерлитамак, 7-го — Белебей. Кроме того, в марте и первой половине апреля они захватили Бугульму, Бугуруслан, Воткинск, Сарапул и другие города. Враг вновь находился в непосредственной близости от Волги. Нависла угроза над Казанью, Симбирском и Самарой, над центральными районами страны. Тяжелое положение создалось и на других фронтах.

Партия и правительство принимали решительные меры для отпора врагу, для разгрома белогвардейских армий, войск интервентов. Огромное значение в сплочении трудящихся как Советской части страны, так и захваченных врагом районов, в повышении военной мощи сыграли исторические решения состоявшегося 18—23 марта 1919 года VIII съезда партии, которым руководил В. И. Ленин.

В принятой съездом новой программе определялись задачи партии как руководящей силы диктатуры пролетариата на весь переходный период к социализму в государственном, хозяйственном и социально-культурном строительстве. Съезд уделил исключительное внимание вопросу об отношении к среднему крестьянству. По предложению В. И. Ленина был провозглашен курс на прочный союз рабочего класса с середняком при опоре на

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 408—412; Г. Х. Эйхе. Уфимская авантюра Колчака (март — апрель 1919 г.). М., 1960, стр. 101—160.

бедноту. В связи с поворотом середняцких масс деревни на сторону Советской власти политика нейтрализации по отношению к ним перестала отвечать задачам времени. Союз с середняком позволял сплотить вокруг пролетариата многомиллионные массы трудового крестьянства и успешно решать задачи борьбы с классовыми врагами Советской власти.

Важное значение имело решение съезда и по военному вопросу, способствовавшее резкому укреплению Красной Армии, повышению ее боеспособности. Решения VIII съезда партии, их претворение в жизнь предопределили успех дальнейшей борьбы против объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции. Наступление Колчака уже к середине апреля 1919 года захлебнулось. На Восточном фронте, в революционном движении в тылу врага, наступил переломный момент, начался новый этап борьбы с колчаковщиной.

Таким в основных чертах было положение в стране, на Восточном фронте, на Урале и в Сибири в период прихода к власти Колчака на Востоке и весеннего наступления его войск.

Большевистские подпольные организации Урала, Сибири и других восточных районов учитывали изменения в военной обстановке, классовые сдвиги, усилившееся положение широких трудящихся масс населения и то новое, что стало явственно проявляться в среде мелкобуржуазных партий, усиление кризиса и разложения в их рядах. Для того, чтобы вооружить коммунистов отвечавшей новой обстановке тактикой, представители подпольных организаций 23 ноября 1918 года собрались в Томске на II Сибирскую (I Общесибирскую) подпольную конференцию РКП(б). На ней делегатом от челябинской большевистской организации был представлен и Урал. Конференция приняла резолюции «По текущему моменту» и «О белом терроре». В них перед коммунистами выдвигались задачи организовать «всеобщее восстание рабочих, беднейших крестьянских и солдатских масс»¹. Не отвергалась и возможность проведения восстаний в «более или менее крупных районах при наличии особо благоприятных условий» и «местных восстаний» в тех районах, которые в связи с приближением Красной Ар-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 37.

мии становились ближайшим тылом противника. Вместе с тем конференция потребовала от подпольных организаций обеспечить руководство всеми стихийными восстаниями масс¹.

Конференция нацеливала коммунистов на использование самых разнообразных форм борьбы, отвечающих конкретным условиям. Было уделено внимание вопросу об отношении к мелкобуржуазным партиям. Суть решений заключалась в необходимости их дальнейшего разоблачения. Общесибирская конференция указала на наличие двух групп в мелкобуржуазных партиях — меньшевиков и правых эсеров, окончательно дискредитировавших себя в глазах трудящихся масс, и меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров и максималистов, которые не представляли реальной силы, не имели влияния на массы. И если какие-либо соглашения с первыми конференцией не допускались, то по отношению к части меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров, максималистов, анархистов, включившихся в подпольную борьбу с Колчаком, допускалось использование «в момент восстания их боевых сил»².

В. И. Ленин, учитывая метание мелкобуржуазных демократов между двумя лагерями, звал к дальнейшей борьбе с ними, разоблачению их. Он считал возможным такие соглашения с ними, когда они фактически под контролем Коммунистической партии, совместно с ней могли участвовать в борьбе с Колчаком. «Надо заметить, между прочим,— писал В. И. Ленин в 1920 году,— что победа большевиков над меньшевиками требовала не только до Октябрьской революции 1917 года, *но и после нее*, применения тактики лавирования, соглашательства, компромиссов, разумеется, такого и таких, которое облегчало, ускоряло, упрочивало, усиливало большевиков насчет меньшевиков»³.

Как видно из решений I Общесибирской конференции, большевики-подпольщики также не исключали определенных соглашений с мелкобуржуазными партиями, рассчитывая на усиление натиска на Колчака.

¹ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)». Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 64.

² Там же, стр. 65.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 59.

Новым важным шагом в разработке тактики большевистских подпольных организаций явилась III Сибирская (II Общесибирская) большевистская подпольная конференция, состоявшаяся 20—21 марта 1919 года в Омске, куда после предыдущей конференции переместился областной комитет партии (некоторое время, между этими конференциями, он назывался Центральным Комитетом РКП(б) Сибири). В ее работе принимал участие делегат челябинской подпольной организации. Конференция в своих решениях вновь, как на главную задачу, указывала на необходимость подготовки и проведения вооруженных восстаний. Вместе с тем она большое внимание уделила такой важнейшей форме вооруженной борьбы с врагом, как партизанское движение, которое приобретало все более широкий размах. В определении форм работы подпольных организаций, их тактики конференция исходила из факта усиления революционных настроений средних слоев населения, поворота на сторону Советской власти середняка.

Подпольная работа в тылу Колчака между тем все больше и больше разрасталась. В конце 1918 — начале 1919 года она достигла большого размаха и в Уфимской губернии.

Со второй половины ноября 1918 года большевистской организацией в Уфе продолжал руководить комитет во главе с Ф. И. Карклиным, Ф. И. Локацковым и М. А. Чистяковым. Развертыванию его деятельности способствовала обширная информация, полученная от А. Я. Бакаева, о событиях в Сибири, о работе челябинской организации и подготовке в крупнейших городах к вооруженному восстанию. В связи с начавшимся успешным наступлением Красной Армии и приближением к городу перед уфимскими подпольщиками всталла задача подготовки к вооруженному восстанию.

На заседаниях общегородского партийного комитета этот вопрос рассматривался конкретно. С ним связывалось дальнейшее расширение влияния коммунистов на массы, прежде всего посредством создания новых нелегальных ячеек на предприятиях и активизации их деятельности. Комитет заслушал доклады руководителей подпольных групп о настроениях рабочих и намечал те или иные мероприятия¹.

¹ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, л. 21.

Основательно готовились к вооруженному выступлению руководимые общегородским комитетом латышская и железнодорожная организации, а также отдельные группы. Первая из них имела более сотни винтовок, два пулемета, револьверы, ручные гранаты, 25 пироксилиновых шашек. Все это было собрано или добыто подпольщиками в результате разоружения белогвардейских патрулей и спрятано еще летом 1918 года¹. Рабочие-железнодорожники создали склады оружия в Золотухинской слободе, на мельнице в селе Богородском и в других местах. Учитывая, что Красная Армия быстро приближалась к Уфе, решили одновременно с началом восстания в городе организовать крушение воинского эшелона около станции Шакша, чтобы создать пробку на железной дороге, усилить панику в стане врага. Определила частные вопросы плана совместного выступления и латышская организация. Уфимский подпольный комитет призывал рабочих в выпущенной в то время листовке не допускать вывоза колчаковцами оборудования предприятий, ждать момента восстания, готовиться к нему. Неожиданно планы уфимских коммунистов смешались, подготовку к восстанию пришлось прервать.

В организацию проник провокатор Деулин. Как бывший начальник штаба Симской БОНВ, он пользовался доверием, многие подпольщики знали его лично. Деулин, присутствуя на заседаниях комитета², узнал членов в лицо, стал их выслеживать. Примерно 5—6 декабря он выдал многих членов общегородского комитета и подпольных групп, главным образом латышской.

Случай с проникновением провокатора в Уфимскую подпольную организацию сам по себе не был единичным. Подобных примеров на Урале и в Сибири было немало: в колчаковских органах контрразведки и охраны находилось много опытных защитников буржуазно-помещичьего строя из числа бывших царских жандармов, провокаторов и сыщиков. Они прилагали все усилия к вербовке и засылке в большевистское подполье агентов, и не всегда безуспешно. Проникновение контрразведки в самое сердце организации, в ее комитет явилось при-

¹ «Наш путь», 12 января 1919 г.

² По данным А. Я. Бакаева, Деулин входил в состав комитета (ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 672, л. 15).

чиной особенно сильного удара по Уфимской подпольной организации.

На протяжении нескольких дней в числе многих были схвачены и брошены в тюрьму Ф. И. Карклин, В. Косовский, И. А. Белоусов, В. В. Трофимов и В. Кузнецов. Арестованные подвергались истязаниям и пыткам. Колчаковцы добивались сведений об уфимской и заводских организациях Уфимского и Златоустовского уездов, но не получили их. Подпольщики выдерживали все допросы и побои. По сведениям И. А. Белоусова, часть арестованных казнили, остальных ожидала такая же участь, но в конце декабря 1918 года они вместе с другими политзаключенными были освобождены Красной Армией. Через одного надзирателя, сочувствующего большевикам, арестованные установили и поддерживали связь с городским большевистским подпольем¹.

Некоторым из выданных Деулиным и выслеженных подпольщиков, предупрежденных о начавшихся обысках и арестах, удалось скрыться. В их числе были А. Я. Бакаев и И. А. Вавилов. Контрразведчики особенно рьяно охотились за Бакаевым, представителем сибирского большевистского подполья, пробирающимся в ЦК РКП(б). А. Я. Бакаев длительное время оставался в Уфе главным образом для того, чтобы собрать дополнительную информацию о состоянии партийной работы, настроении населения и солдат колчаковской армии и доставить ее в ЦК и командованию Восточного фронта. Он действовал совместно с М. А. Чистяковым, также имевшим разведывательное задание, и еще одним разведчиком, прибывшим осенью 1918 года в Уфу из-за линии фронта. Следовательно, Уфимская большевистская организация вместе с А. Я. Бакаевым и посланцами советских соединений Восточного фронта выполняла важную работу по сбору и систематизации сведений военного-политического характера. Были приняты меры по обеспечению переправы А. Я. Бакаева и ценнейших информационных сведений через линию фронта. Эта задача решалась уже в обстановке начавшихся арестов. Вместе с Бакаевым на советскую территорию решил пробраться и Вавилов. На подводе с надежным возницей Верещагиным оба направились к фронтовой полосе. Уфимская подпольная

¹ ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 31, лл. 23—28; «За власть Советов», стр. 294—295.

организация снабдила А. Я. Бакаева документами подрядчика по закупке продовольствия для одного из белогвардейских полков. Для отвода глаз местных кулаков, могущих заподозрить, что Бакаев — мнимый подрядчик, в некоторых селах пришлось под «заготавливаемый провиант» давать задаток.

Так, следуя от базара к базару, от села к селу, подпольщики добрались до фронта. У самой линии фронта, которая не везде была сплошной, Бакаев и Вавилов ночью благополучно пробрались на сторону Красной Армии у села Пономаревки. 12 декабря они находились уже в Самаре. А. Я. Бакаев сообщил о положении и партийной работе в тылу противника Самарскому губкому. По прибытии во второй половине декабря 1918 года в Москву он сделал доклад секретарю ЦК партии Я. М. Свердлову, передал ему записку от руководителя Омского (впоследствии руководителя Сибирского) подпольного комитета РКП(б) А. А. Масленникова. Информацию военно-политического характера, которая была внесена тайнописью в книгу, Бакаев и Вавилов передали советскому командованию. Вернувшийся в Уфу возчик Верецагин сообщил подпольной организации, что А. Я. Бакаев и И. А. Вавилов переправились через фронт благополучно¹.

Справившись от частичного провала, уфимские подпольщики решили продолжать подготовку восстания. Однако времени для завершения этой работы было мало. Восстания в городе не произошло. Советские войска ворвались в Уфу неожиданно в ночь на 31 декабря 1918 года. Враг в замешательстве поспешно бежал. Подрывная работа коммунистов на железной дороге, меры по срыву вывоза колчаковцами оборудования свою роль сыграли: они содействовали дезорганизации ближайшего тыла белогвардейских частей. Вооруженные группы подпольщиков оказывали советским частям помощь в наведении порядка в городе.

После вторичного захвата (13 марта 1919 год) Уфы белогвардейцами обстановка здесь для подпольной работы оказалась еще более тяжелой, нежели во второй половине 1918 года. Несмотря на чудовищный террор, повальные обыски и массовые аресты, большевистское

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 672, лл. 11—15; ПАКО, ф. 1—5, оп. 8, д. 54, лл. 54—55; ПАБО, ф. 7655, оп. 1, д. 375, лл. 24—26.

подполье в городе существовало, действовало. Уже 28 марта начальник военного контроля штаба 6-го корпуса начальнику штаба докладывал: «По имеющимся у меня сведениям, большевики, уходя из города Уфы, оставили в ней значительное количество партийных коммунистов для внутренней организации среди всех слоев населения, преимущественно среди рабочей массы. Задача оставленных — вести агитацию, срывать объявления военной власти, расклеивать свои прокламации, совершать террористические акты¹ и, если обстановка будет благоприятной, подготовить внутреннее восстание»². Возможность восстания в городе колчаковцам казалась настолько вероятной, что командующий Западной Армией генерал Ханжин отдал секретный приказ, в котором указывалось: «Общее командование всеми воинскими частями, предназначенными для противодействия выступлению, возложить на начальника гарнизона...». «Для предупреждения выступления и ликвидации его» в соответствии с этим приказом Уфа делилась на четыре района во главе с особыми начальниками. В городе было усилено дневное и особенно ночное патрулирование³.

В дальнейшем колчаковцы вновь отмечают, что в Уфе имеется подполье, хотя, по их мнению, единой организации у коммунистов не было, действовали только группы⁴. Но на след организации, подпольных партийных групп напасть белогвардейцам не удалось. После более чем месячных упорных поисков, арестов и допросов многих сотен людей они вынуждены были констатировать: «Организации коммунистов, как таковой, пока не обнаружено. Из дознания арестованных явствует, что большевистская организация на окраинах города пользуется услугами местных типографских работников, служащих в конторе службы тяги при станции Уфа, а также милиционеров... Со слов арестованных, у большевистских милиционеров скрываются типографии малого калибра, на которых печатаются прокламации, приуроченные к

¹ Такой задачи Сибирское бюро ЦК перед коммунистами ставить не могло, так как было против индивидуального террора в тылу войск Колчака.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 122.

³ ЦГАОР, ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 1, л. 302.

⁴ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 13-а, л. 5; ф. 176, оп. 1, д. 60, л. 24.

1 Мая»¹. Тогда же колчаковцы отмечали, что «выступления отдельных рабочих кружков парализованы»². В данном случае, вероятно, речь идет о стихийно организующихся группах рабочих или низовых звеньях городского подполья.

Весной 1919 года в Уфе действительно имелась большевистская подпольная организация. С ней поддерживали связь челябинские коммунисты. В конце апреля в Уфу приезжал один из подпольщиков, по имевшейся у него явке встретился с представителями местной организации³. Выпущенные к 1 Мая листовки были не первыми. Они выпускались и раньше, после вступления в город колчаковцев. В одной из них уфимские подпольщики говорили о зверствах и бесчинствах, творившихся в городе. «Пойдите, посмотрите на кровавые груды, что навалены за базаром! Посмотрите — кто в этих кучах: разве только большевики! Сколько в них простых неграмотных рабочих и невинных горожан!

Вчера поручик Ганкевич застрелил в доме Морозова двух гимназисток за то, что они были переписчицами в профессиональном союзе... А посмотрите на эту сволочь, что понаехала к нам в Уфу! На чьи деньги их «благородия» пьют шампанское, а напившись, порют мобилизованных. Пойдите в 3-й стрелковый полк! Спросите, как выпороли прапорщики мобилизованных 6-й роты?»⁴.

Имеются определенные данные об участии в подпольной работе в Уфе и комсомольцев. В городе осталось шесть членов комсомольской организации железнодорожного района. По поручению старших товарищей они срывали приказы колчаковского командования, расклеивали и разбрасывали листовки, выполняли роль связных, несли охрану конспиративных квартир, изыскивали оружие⁵.

Вне зависимости от того, была ли единая подпольная организация в Уфе в то время или действовало несколько разрозненных групп, вклад коммунистов в борьбу с Колчаком был значительным. К сожалению, нам не уда-

¹ ЦГАОР, ф. 176, оп. 4, д. 60, лл. 23—24.

² Там же, л. 8.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 546, лл. 16—23.

⁴ Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М., 1957, стр. 103.

⁵ Т. Ш. Саяпов. Ленинский комсомол Башкирии. Уф., 1967, стр. 43.

лось выяснить имена славных героев уфимского подполья в этот период.

Уфимские подпольщики до первого освобождения Уфы поддерживали связь с челябинской организацией¹, возможно, и с другими, включая те, которые имелись в горнозаводской части губернии и которые действовали на протяжении всего рассматриваемого нами периода. К началу зимы 1918—1919 годов наиболее активными продолжали оставаться миньярская и симская подпольные организации.

Симской подпольной организацией руководил К. В. Рындин, И. Ф. Масленников, И. Ф. Салов и другие. Они направляли работу комитета, членами которого как и до ноября 1918 года были Н. К. Лаптев, Г. М. Рокутов и А. П. Субботин. На Симском заводе не прекращалась большевистская агитация, хотя после колчаковского переворота проводить ее стало еще труднее. Многие коммунисты, жившие в поселке, вынуждены были бросить работу и отсиживаться дома. По ночам они отправлялись на завод, встречались с рабочими, разговаривали на политические темы. Сообщали об успешном наступлении Красной Армии на Уфу, о приближении фронта. Нетерпеливые рабочие спрашивали, скоро ли их призвут к восстанию. Рабочие ждали открытой вооруженной борьбы с белогвардейцами.

Подготовка к восстанию продолжалась. Для приобретения оружия дополнительно к уже имеющемуся, а также на другие нужды организации — оказание помощи семьям красногвардейцев — требовались деньги. Подпольщики решили выехать за ними на Миньярский завод и одновременно укрепить связь с миньярцами. Направили туда М. И. Яковлева². Связь была установлена. Произошел обмен мнениями относительно дальнейшей работы организаций. Миньярский комитет выдал Яковлеву 10 тысяч рублей³. Вернувшись на Симской завод, он ознакомил своих товарищей по подполью с положением на Миньярском заводе. Деньги специальной комиссией большей частью были распределены для передачи семьям

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 546, лл. 16—23.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 191. По некоторым сведениям, вместе с ним ездил и Е. И. Булыкин. (ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 338-а, л. 253).

³ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89.

красногвардейцев по 250—500 рублей каждой. Деньги раздавали М. И. Яковлев и Е. И. Булыкин¹.

В ноябре-декабре 1918 года симская организация работала без значительных потерь. Имели место практически лишь случайные аресты. Это объяснялось хорошей постановкой контрразведывательной работы. Надежным осведомителем организации был начальник Симской почтовой конторы В. Е. Разуваев. Он перехватывал все важнейшие служебные телеграммы, переписку, собирал секретные военные сведения². Определенную ценность составляли информация и помощь, получаемые подпольной организацией от заведующих литейным и механическими цехами завода В. А. Булыкина и А. В. Китаева. Помогали они подпольщикам и материально, продолжая начислять зарплату даже тем, кто скрывался в лесах, не являлся на завод неделями³. Но особенно ценной для организации представлялась помощь, оказываемая офицером, начальником местной полиции Д. Измestьевым. Он заранее сообщал о готовящихся арестах и облавах на коммунистов, предупреждал о времени прибытия карательных отрядов и т. д. В случаях, когда коммунисты и беспартийные рабочие все же попадали в лапы белогвардейцев, Измestьев прилагал все силы к их освобождению и в некоторых случаях добивался успеха⁴. После его отъезда из Сима положение подпольщиков резко ухудшилось. Кое-какая помощь организации оказывалась и вовлеченными в подпольную работу солдатами, в том числе сербом Иваном. Этот солдат однажды сумел освободить задержанных во время выполнения задания Г. М. Рокутова, М. И. Яковлева, П. Д. Заварзина и Сидинева⁵. Коммунисты все чаще прибегали к подложным документам, к их фабрикации. Для лучшей постановки этого ответственного и сложного дела 24 декабря создается паспортное бюро в составе В. Л. Соколова (Быстрого), Пусанова и Булыкина⁶.

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 338-а, л. 253; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, лл. 77—78.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, лл. 89, 91; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1225, л. 20.

³ ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 474, л. 30.

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, лл. 73—74; ф. 221, оп. 2, д. 473, л. 124.

⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, лл. 78—79.

⁶ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 35, 37.

Так работала симская организация до середины зимы. Но вот в 20-х числах декабря в Симском заводе появился Деулин. Ему, ставшему агентом колчаковской контрразведки и сделавшему свое черное дело в Уфе, поручалось раскрыть симскую и, если удастся, и другие организации, особенно места, где скрывались видные коммунисты и хранилось оружие. Белогвардейцам, вероятно, казалось, что эта задача для Деулина не будет сложной, так как на заводе его знали как участника борьбы против дутовщины. Контрразведка сфабриковала провокатору «удостоверение» от имени уфимской подпольной организации. В нем говорилось, что Деулину поручено установить связь с симской, миньярской, усть-катавской, юрюзанской и другими южноуральскими подпольными группами, получить из денег Симского горного округа 160 тысяч рублей «для уфимских коммунистов». На «удостоверении» стоял оттиск печати латышской организации, захваченной в результате ее разгрома.

Симский подпольный комитет особого внимания на печать не обратил, удовлетворившись ответом Деулина, что уфимская организация пользуется этой печатью. 24 декабря на расширенном заседании комитета и штаба подпольной организации был заслушан «доклад» Деулина, как представителя Уфимского комитета, о работе уфимской организации, подготовке ею вооруженного восстания. В свою очередь Деулину рассказали о деятельности симских коммунистов. Решили в ближайший период начать вооруженное восстание, веря сообщению Деулина, что в Уфе в скором времени оно произойдет.

Для организации встречи Деулина с руководителями миньярской организации и сопровождения его был назначен М. И. Яковлев¹. По прибытии в Миньяр М. И. Яковлев оставил Деулина в доме приезжих и встретился с П. А. Горшковым. Последний заявил, что, как сообщили подпольщики из Уфы, Деулин — провокатор. Охранка допустила просчет, полагая, что между организациями южноуральских заводов и Уфой связи нет. Не помогла ей и такая уловка, как временная приостановка ареста кого-либо из симцов и миньярцев, находившихся в Уфе. М. И. Яковлев, ошеломленный известием, вместе с

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 35; д. 1213, лл. 86—87; «В боях и походах», стр. 402.

П. А. Горшковым пошел к старейшему коммунисту Я. Г. Заикину и рассказал о случившемся. Заикин посоветовал сказать провокатору, что после прошедшего недавно налета карателей никакой подпольной организации в Миньяре больше не существует. М. И. Яковлев так и сделал. После этого провокатор из поля зрения симцев и миньярцев исчез¹.

Тем временем симская организация развернула подготовку к восстанию. Этот вопрос стал главным на общем собрании коммунистов 26 декабря и расширенном заседании членов Симского комитета 29 декабря. Для приведения всей организации, рабочих в боевую готовность решили организовать 5 подрайонных комитетов в цехах и конторе, по 2—3 работника в каждом. Во главе этих комитетов стоял «организатор»². В механическом цехе избрали В. Л. Соколова, литейном — А. М. Харчевникова, кузнечном и болторезном — Е. И. Булькина, проверочно-сборном — П. М. Усачева и в конторе — Н. Вихрева³.

Подрайонные комитеты должны были собрать все сведения о наличии вооружения у членов подпольной организации, распределить их по роду оружия, подготовить к восстанию как коммунистов, так и рабочих вообще. 29 декабря решили вооружить всех членов партии; тем, кто оружия не имел, постановили выдать из запасов, имеющихся у организации. План вооруженного восстания предусматривал сбор по сигналу на определенном пункте, участке, которые следовало занять. Подготовили и красное знамя. Достигнутые результаты были так ощутимы, что в активном выступлении подавляющей части рабочего коллектива с оружием в случае поступления приказа из Уфы сомневаться не приходилось.

¹ «В борьбе за власть Советов», стр. 229—230. В дальнейшем Деулин бежал с остатками колчаковцев в Маньчжурию.

² В воспоминании И. Ф. Масленникова «Симские подпольщики» (см. сб.: «В боях и походах», стр. 403) говорится, что было создано 6 подрайонных комитетов. В воспоминание вкралась неточность. В протоколе общего собрания от 26 декабря указывается лишь 5 подрайкомов. Решений о создании нового подрайкома в последующем не принималось (см. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 18—37; «Гражданская война на Южном Урале», стр. 283).

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, лл. 18, 37; ф. 221, оп. 2, д. 474, лл. 2—5, 26.

В разгар подготовки восстания с Миньярского завода вернулся М. И. Яковлев (Уральский). На квартире Е. И. Булыкина 31 декабря состоялось собрание членов комитета, штаба и актива. Был заслушан доклад Уральского о результатах поездки¹. Как ни верилось симским коммунистам, что Деулин провокатор, но они решили все же принять срочные меры по смене конспиративных квартир, отправке всего актива в лес и т. д. 1 января 1919 года подпольщики стали уходить с завода. Только большинство из них успело скрыться — как начались обыски и аресты. Не успевшие уйти в лес подпольщики Н. К. Лаптев, П. И. Куренков, Д. Д. Изюмов и другие были схвачены. Арестованы престарелые родители некоторых подпольщиков. Колчаковцы рыскали и в окрестностях завода, пытались найти спрятанное оружие. Они заявили и на один из пчельников, где хранился пулемет. Однако опоздали, ибо за несколько дней до этого Н. А. Масленников, Г. М. Рокутов и А. П. Субботин его перепрытали. Найти оружие врагу не удалось².

Колчаковцы пытались использовать для полного разгрома организации и полученные в результате попыток сведения от некоторых подпольщиков, не проявивших достаточной стойкости³. Так они решили захватить группу подпольщиков, скрывавшуюся в лесной сторожке в Точильном долу. Здесь было семь человек, в том числе Н. М. Дорожников, Н. И. Трусов, Р. Д. Мосур и другие. Они имели одну винтовку с 15 патронами. Сюда нагрянул отряд карателей. В сторожку вошел обер-офицер военного контроля Еникеев. Он подскочил к Р. Д. Мосуру, которого за огромный рост принял за командира группы, выхватил револьвер и крикнул:

— Руки вверх!

— Кому руки вверх, а кому и ноги,— ответил подпольщик и могучим ударом кулака сбил не успевшего выстрелить офицера.

Дверь захлопнули, закрыли на засов. Офицера пристрелили. Вооружились и его наганом. Началась перестрелка. Но расходовать небольшой запас патронов было опасно. И когда подпольщики увидели, что каратели скрылись, устроив засаду, решили прорываться. Рвану-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 36.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 507, л. 7; д. 1213, л. 92.

³ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 91.

лись вперед и прорвались. Но вражеская пуля настигла Мосура. Он был убит¹.

Дорого обошлась провакационная «деятельность» Деулина симцам, как и уфимцам. Часть арестованных погибла, другие были освобождены из сибирских застенков лишь в 1920 году. В те дни арестовали В. Е. Разуваева — начальника почтовой конторы, помогавшего организации. Н. Лаптеву и П. Куренкову, отправленным в Аша-Балашовский завод, в тюремный вагон, 19 января удалось бежать². Но организация в целом удар выдержала. Сохранилось и ее руководящее ядро.

На заводе осталась совсем небольшая группа подпольщиков. Но их поддерживали беспартийные рабочие, борьба продолжалась. Подпольную работу на заводе поручили возглавить В. Я. Харькову и П. Д. Заварзину, которые находились на легальном положении и подозрений у колчаковцев не вызывали. Но деятельностью этих коммунистов организация была недовольна. Позднее, в мае 1919 года на партийном собрании вынесли решение: подпольный комитет на заводе не создавать, а руководство всей работой сосредоточить в руках работников, находившихся в лесу. Зимой и весной 1919 года на Симском заводе все же удалось осуществить немало. В конце января, по сведениям колчаковцев, симская организация, насчитывающая около 50 членов, имела один пулемет «Максим», 7 лент к нему, около 100 винтовок и 12 револьверов³. Не отбросили симцы и идею проведения восстания при приближении к заводу Красной Армии.

Р. Д. Мосур

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, лл. 98—99; «В борьбе за власть Советов», стр. 229—230.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, лл. 89—91; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, лл. 94—98.

³ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89.

Ф. И. Голощекин

Резкому усилению подпольной работы в начале 1919 года в Уфимской губернии, прежде всего в Златоустовском и горно-заводской части Уфимского уезда, в огромной степени способствовало создание специального органа, на который возлагалось руководство большевистским подпольем в тылу Колчака. 17 декабря 1918 года Центральным Комитетом партии организуется Сибирское бюро ЦК РКП (б) — на правах отдела ЦК. В его состав вошли: Ф. И. Голощекин, И. Н. Смирнов, А. Я. Нейбут и А. А. Масленников¹. Фактически работу в

нем выполняли лишь первые двое, ибо Нейбут и Масленников находились далеко в тылу врага и вскоре погибли. Бюро имело небольшой штат сотрудников из числа опытных коммунистов: М. А. Чистякова (один из руководителей Уфимской подпольной организации в 1918 году), А. Я. Бакаева, М. И. Шмидта, З. И. Лобкова и др. Бессменным секретарем бюро работала Д. К. Гончарова. Бюро ЦК должно находиться при Реввоенсовете 5-й армии. Поскольку части 5-й армии 31 декабря 1918 года освободили Уфу, Реввоенсовет в январе — середине марта 1919 года расположился в этом городе, то и бюро разместилось здесь.

Организуя бюро для руководства подпольной работой коммунистов в Сибири, Центральный Комитет исходил из предположения, что наступление зимой 1919 года приведет к полному освобождению этого края. Однако последнее, как отмечено выше, тогда осуществить не удалось. Кроме того, в середине января 1919 года по постановлению ЦК был ликвидирован Уральский обком

¹ «Из истории гражданской войны в СССР». Сборник документов и материалов в трех томах, т. 1. М., 1960, стр. 445. В бюро был включен и М. И. Сычев, но его в декабре 1918 года уже не было в живых (расстрелян белогвардейцами). Об этом Центральному Комитету партии стало известно позднее.

партии. В связи с этим бюро ЦК пришлось руководить большевистским подпольем и в Сибири, и на Урале. Вот почему оно стало именоваться, при сохранении прежнего официального названия, одновременно и Урало-сибирским бюро ЦК РКП(б).

По инициативе Ф. И. Голощекина в первых числах января 1919 года создается также отделение Урало-сибирского бюро ЦК РКП(б). В него вошли Н. И. Уфимцев, С. Ф. Баранов, несколько позднее А. А. Ляк, а в начале апреля М. А. Беляев¹. Местропробывание отделения было определено при Реввоенсовете 3-й армии. С самого начала и почти до конца своей деятельности оно находилось в Вятке.

Бюро ЦК помимо общего руководства, непосредственно возглавляло подпольную работу на Южном Урале, в том числе в Уфимской губернии и в Сибири. Отделению же поручалось организовать и направлять подпольную работу в остальных, то есть центральных, северных и северо-западных районах Урала. Следует подчеркнуть, что в период борьбы Красной Армии за Урал бюро ЦК особенно большое внимание уделяло руководству большевистским подпольем и партизанским движением на Южном Урале, в частности в восточных районах Уфимской губернии, в ближайшем тылу 5-й армии.

Сибирскому бюро большую помощь оказывал Я. М. Свердлов и другие работники аппарата ЦК, в том числе Е. Д. Стасова, К. Т. Новгородцева. В Москву неоднократно выезжали члены бюро и его отделения, их сотрудники. Таким образом, несмотря на значительное расстояние, отделявшее Сибирское бюро от Москвы, вся его дея-

З. И. Лобков

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1186, лл. 2—4; «Гражданская война на Южном Урале», стр. 211—212.

Д. К. Гончарова

тельность постоянно контролировалась и направлялась Центральным Комитетом партии.

Для налаживания работы и помощи подпольным организациям Урала и Сибири бюро и отделению были переданы крупные суммы. В распоряжение бюро и отделения ЦК РКП(б) направлял коммунистов для ответственной работы и для связи с подпольем. Так, в бюро в разное время прибыли И. Б. Борисов (Цветков), А. Я. Михеева, А. А. Карлов, Д. Д. Киселев¹. Но подавляющая часть работников для переброски во вражеский тыл подбиралась в Уфе и Вятке. Так, было приглашено для

работы немало активных коммунистов Миньяра, Сима и других заводов Уфимской губернии, находившихся в Уфе, в том числе К. М. Туманов, Ф. Фатеев, В. П. Заикин, М. В. Летучев, Е. Е. Энтальцев².

В подготовке коммунистов к подпольной работе в тылу врага принимали участие все члены Сибирского бюро и некоторые его сотрудники. Особенно много в этом отношении сделал М. А. Чистяков. Им лично или в сотрудничестве с другими был экипирован, проинструктирован для подпольной работы не один десяток человек³.

После тщательной подготовки в тыл белых проникали в основном на двух участках юго-восточнее Уфы, в районе сел Никольского и Темясово, где сплошной линии фронта до марта 1919 года не было⁴. В докладе Центральному Комитету партии о работе Сибирского бюро

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 43; д. 504, лл. 117, 120.

² ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 120, лл. 70, 75, 77; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 87.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 2211, л. 2.

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 11; д. 585, лл. 22—23.

за январь отмечалось: «В Уфимском направлении нами организуются две границы (т. е. линии, направления.— *Авт.*), через которые пойдет вся работа»¹. Представители бюро ЦК А. Я. Бакаев, М. И. Шмидт, Гольцман, обычно доставлявшие работников в прифронтовую полосу, сделали первые шаги по созданию цепочки от указанных сел на десятки километров в глубину вражеского тыла. По пути следования подпольщиков в деревнях создавались пункты (явки) у надежных местных крестьян — русских и башкир, которые оказывали помощь продуктами, подводами, перевозили коммунистов от одной деревни к другой.

Д. Д. Киселев

Одним из проводников на линии переправы в Темясово был местный крестьянин И. М. Митавилов. Ему доверили переправу нескольких видных коммунистов, и он с поручениями справился успешно². В районе Никольского в качестве проводников также привлекались местные крестьяне, например Д. Гайтанов, и рабочие Симского горного округа³. Данный участок оказался особенно удобен, ибо на восток от него начинался большой лесной массив, и местное население в подавляющей массе было настроено большевистски. После того, как началось весеннее наступление колчаковской армии, советским войскам пришлось отступать, а Сибирскому бюро ЦК использовать иные места переправы партийных работников. Часть коммунистов в первые же месяцы работы бюро

¹ «Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)». Документы и материалы. М. 1962, стр. 336.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 11—12.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 22; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 84—87.

направлялась в ближайший тыл колчаковцев — в Уфимский и Златоустовский уезды.

Одним из первых городов Южного Урала, который привлек особое внимание бюро ЦК, стал Златоуст. Принимается решение усилить позиции коммунистов в этом уездном городе, занимавшем важное стратегическое положение на пути предполагавшегося наступления 5-й армии на Челябинск. В случае создания в городе сильной подпольной большевистской организации можно было рассчитывать на вооруженное восстание или активную подрывную деятельность местных рабочих. Это могло бы значительно ослабить позиции противника на важном участке железнодорожной магистрали, содействовать успеху 5-й армии. Для «постановки партийной организации и разведки» Сибирское бюро 18 февраля направляет в Златоуст И. И. Антонова, совсем еще юного, девятнадцатилетнего члена партии с 1918 года ¹.

И. И. Антонова обстоятельно проинструктировали о целях, задачах и методах предстоящей работы. Он должен был создать в Златоусте партийный комитет из 4—5 человек, распределив между ними следующие функции: ответственный пропагандист, ответственный организатор по Златоусту, ответственный организатор по округу и руководитель военной организации. От членов Сибирского бюро И. И. Антонов получил указание, что в основу организации должен быть положен принцип централизма, комитет ни в коем случае не должен выбираться. Следовало приложить все силы к тому, чтобы в случае провала подпольный центр оставался невредимым. Перед ответственными организаторами выдвигалась задача создавать подпольные ячейки в Златоусте и на заводах, прилегающих к городу.

С этой целью организатор по округу должен был постоянно разъезжать. В обязанности ответственного пропагандиста входила организация выпуска листовок как можно в большом количестве. Для этого следовало поставить типографию, подобрать специальных лиц для работы в ней и составления листовок. При успешном развитии работы можно было создать партийную школу. Лектором, как и организатором ее мог стать ответственный пропагандист. Особо важное значение члены Сибирского бюро придавали правильной, конспиративной пос-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 8; оп. 6, д. 120, л. 69.

тановке военной организации. Предлагалось создавать среди солдат небольшие подпольные ячейки. На организацию крупных групп следовало идти лишь перед выступлением. Осторожность вызывалась не только общими требованиями конспирации, но и тем обстоятельством, что нередко колчаковские военные власти в каждую роту под видом рядовых солдат засылали офицеров, о чем солдаты обычно не знали. Антонову было также указано, что если мобилизованные рабочие Златоустовского и других заводов будут помещены в казармах, среди них нужно создавать «прочную партийную боевую организацию. Если мобилизованных повезут дальше — препятствовать их отправке всякими средствами»¹. Предполагалось заранее организовать группы разведчиков и подрывников. Взрывчатые вещества следовало доставать на заводах. По сигналу подрывники должны были взрывать железнодорожное полотно, уничтожать средства связи — телеграф, телефон и др.²

Разработка задания для И. И. Антонова — документ, свидетельствующий о том, как верно подмечали члены Сибирского бюро ЦК характерные особенности положения в колчаковском тылу, насколько глубоко продуманными являлись их инструктивные установки.

И. И. Антонов благополучно перешел линию фронта, заехал для связи в Челябинск, прибыл в Златоуст, где стал одним из руководителей местной подпольной организации³.

Бюро налаживало непосредственные связи со многими заводскими поселками Уфимского и Златоустовского уездов. Еще 1 февраля А. Я. Бакаев направил в Миньярский завод через Никольское К. М. Туманова. Его сопровождал Д. Гайтанов. Оба были задержаны белыми, но сумели, пользуясь вечерними сумерками, бежать⁴. К. М. Туманов имел специальное поручение к Миньярскому подпольному комитету. В январе членам Сибирского бюро стало известно, что близ Миньярского завода подпольной организацией хранится около 2 миллионов рублей, принадлежавших Симскому горному

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 15.

² Там же.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 1—3.

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 1; д. 585, л. 22; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 87.

округу¹. Бюро решило передать часть этих денег подпольным организациям Урала и Сибири. В письме бюро в адрес Центрального Комитета РКП(б) от 17 января сообщалось об имеющихся у миньярцев деньгах и запрашивался документ, в котором «необходимо дать им предписание от имени ЦИКа и ЦЕКА за подписями Ленина и Свердлова такого содержания: «Коммунистическим организациям Миньярского и Симского заводов. Постановлением ЦК партии образовано Сибирское бюро при ЦК для объединения партийной и военно-боевой работы в Сибири и на Урале. Предписы-

К. М. Туманов

вается всем партийным организациям Урала и Сибири вступать в связь с Сибирским Бюро и Центральным Комитетом Сиб. Коммунистической партии. Все имеющиеся средства передать в распоряжение Сибирского ЦК, составляющего с Сибирским Бюро единый партийный центр — Сибирско-Уральский комитет партии².

Но ждать такой документ было некогда. Решили дать указание от имени Сибирского бюро. Учитывалось, что Миньярский комитет выполнит указание бюро, если его доставит авторитетный и хорошо известный местным коммунистам член партии. Распоряжение на Миньярский завод как раз и доставил К. М. Туманов³. Пока знакомые коммунисты-рабочие устанавливали связь с председателем подпольного комитета Г. П. Новиковым, К. М. Туманов скрывался в тайнике у П. И. Чертова. В тот период находиться в поселке было крайне опасно: он был наводнен белыми, производились аресты. К. М. Ту-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 2; ЦГАОР, ф. 1428, оп. i, д. 13, л. 89.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 42.

³ Там же, л. 22; д. 593, л. 251; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 84—86.

манов перебирается на пасеку Ф. Е. Фатеева, являвшуюся своеобразной явочной «квартирой». Здесь состоялось совещание активных подпольщиков. Вернувшись на завод, Туманов встретился с Г. П. Новиковым. От имени бюро ЦК он поставил задачу извлечь часть денег из тайника и вместе с доставленными им из Уфы двумястами тысячами рублей направить в Челябинск для передачи местной организации, а также в Златоуст, Вязовую, на Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Аша-Балашовский заводы и в Омск. Одновременно с передачей денег предлагалось установить заново или упрочить имеющиеся связи с подпольными организациями указанных городов и заводов ¹.

Общая сумма в 639 тысяч рублей между организациями была распределена следующим образом: в Омск — 320 000, Челябинск — 100 000, Златоуст — 150 000, на Усть-Катавский завод, Катав-Ивановский завод, в Вязовую — 50 000, на Аша-Балашовский завод — 10 000 и Миньярский завод — 9000 рублей ². Деньги отправлялись с совершенно надежными и опытными работниками. Судя по воспоминаниям Ф. Е. Фатеева и П. И. Чертова, деньги были посланы с подпольщиками П. И. Чертовым и Стукиным, которых К. М. Туманов знал превосходно ³. К. М. Туманов оставался в Миньярском заводе до возвращения курьеров. Вернувшись они сообщили об успехе поездки, установлении связей и вручении указанных сумм по назначению. Доставили расписки представителей подпольных организаций о получении денег ⁴. Деньги, предназначенные для Омска, то есть, для Центрального Комитета РКП(б) Сибири, поступили по назначению в первой половине марта через члена Челябинского комитета партии.

В восточные районы Уфимской губернии бюро ЦК направляло не только работников, деньги, но и транспорты с советской литературой, газетами, листовками.

Особое значение для завоевания на сторону Коммунистической партии трудящихся масс и мобилизации

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 2; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 88—89, 140.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 2.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 88, 140; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 416, л. 4.

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 2.

Солдаты и казаки

Доколе Вы будете посылать? Доколе Вы будете развораживать Россию? Доколе Вы будете учить себя и, равных себе, рабочих и крестьян?

Подумайте: во всей необъятной России эксплуатируют рабочие и крестьяне и они не получают свою землю — помещикам, собственникам — капиталистам, они не хотят быть рабами царских офицеров и генералов.

Рабочие и крестьяне России проклинают тех, убивающих своих братьев. Вы глубоко обидитесь и поймете, что Вашими руками делается злое дело. Это уже посяли рабочие и крестьяне Сибири и Урала.

Во всей Сибири идут восстания: крестьяне, рабочие и солдат против Колчака, против изуверских насильственных убийц.

Советская Россия с каждым днем крепнет. Все, что было завоевано у нас, снова стало нашим, так снова власть перешла к рабочим и крестьянам. Не довольны-ли обманом, не довольны-ли страдаете Вы и от Вас — отложите Ваше оружие против своих насильников.

Переходите к нам! Не верьте лживым уверениям, что мы растравляем. Это лаялая ложь.

Мы воюем с помещиками, с капиталистами, с царскими генералами и офицерами всеми теми, кто стоит на дороге русского народа к крепостничеству, к рабству.

Гуку, товарищи — солдаты и казаки — От Вас зависит Ваше счастье и счастье русского народа.

Мы ждем Вас и всех казавшихся истинных сынов отсталого народа.

Урал-Сибирское Бюро Российской коммунистической партии.

их на революционную борьбу с Колчаком имели три листовки, выпущенные в середине февраля 1919 года Сибирским бюро ЦК. Все они представляли собой единую серию и адресовывались прежде всего к самым широким трудящимся слоям населения Урала — к рабочим, крестьянам и казакам, а также ко всем мобилизованным и солдатам колчаковской армии. Листовки, изданные за подписью «Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б)», в тысячах экземпляров и переправленные за линию фронта, раскрывали глаза рабочим, крестьянам, казакам и солдатам на ту пропасть — войну против трудящихся центральных районов страны, в которую реакция их толкала.

Во всех трех листовках бюро ЦК содержался призыв к трудящимся готовиться к вооруженной борьбе, выступлению с оружием в руках, нанесению удара в тыл врага.

Листовка, выпущенная 13 февраля 1919 года в Уфе Сибирским (Урало-Сибирским) бюро ЦК РКП(б)

Это не было призывом к стихийным выступлениям. Урал-Сибирское бюро, призывая трудящихся Урала к восстанию, исходило из предположения о новом наступлении советских войск, приближении фронта к промышленно-пролетарским районам Урала.

Усилилось революционное брожение на южноуральских заводах, в городах и селах. Поступали многочисленные сообщения о возможности стихийных выступлений рабочих, особенно мобилизованных. 15 февраля члены бюро писали: «Настроение широких рабочих и даже крестьянских масс безусловно большевистское. Но во всех заводах (имеются в виду южноуральские заводы.— Авт.) стояли войска, в Аше — штаб казачьей дивизии и поэтому все сжато. В лесах бродят сотни бежавших от мобилизации и дезертиров народной армии. На 10 февраля назначена мобилизация всей прифронтовой полосы в возрасте с 1913—1919 годов и всех унтер-офицеров. Есть опасение, что это ускорит взрыв. Мы что можем — делаем, дабы это не вылилось стихийно и не потратились бы напрасно силы»¹.

Таким образом, выпуск листовок был приурочен к моменту белогвардейской мобилизации и рассчитан преимущественно на трудящихся прифронтовых районов и солдатские массы. По замыслу бюро листовки должны были стать одним из средств подготовки вооруженного восстания на Южном Урале, в ближайшем тылу противника. Южному Уралу, прежде всего Симско-Миньярскому промышленному району, уделялось особое внимание. Уже в первом докладе бюро Центральному Комитету партии отмечалось: «В эту сторону (т. е. в район южноуральских заводов.— Авт.) мы направляем все наши силы...»².

Причин для такого пристального внимания к данному району имелось достаточно. Сибирскому бюро очень быстро удалось установить с Миньярским, Аша-Балашовским, Симским и другими заводами постоянную и тесную связь. Стало известно, что там имеются сильные подпольные организации, возглавляющиеся опытными коммунистами, что в районе Миньяра хранились большие запасы оружия, включая два артиллерийских

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 31.

орудия, боеприпасы, взрывчатка и деньги. Это были готовые средства и снаряжение для создания повстанческих отрядов. Одно за другим сообщения, доставляемые участниками подполья, подтверждали, что местное трудовое население, особенно рабочие заводских поселков, настроены большевистски, революционно. Рабочие готовы по призыву подпольных большевистских организаций взяться за оружие и самоотверженно бороться до полной победы над белогвардейцами.

Златоуст, Аша-Балашовский, Миньярский, Симский, Юрюзанский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Кузинский заводы, Сатка, Вязовая занимали и важное стратегическое положение в районе железнодорожной магистрали на подступах к Челябинску — «воротам Сибири».

После освобождения Уфы, Реввоенсовет 5-й армии, с которым Сибирское бюро имело тесную связь, рассчитывал с наступлением весны развить новое наступление. Армия готовилась к броску на восток вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги. В план разрабатываемой операции органически вплетался план подготовки и проведения вооруженного восстания в ближайшем тылу противника¹. В докладе Сибирского бюро Центральному Комитету партии, написанном в начале февраля, отмечалось: «Особое внимание нами в данный момент уделяется району Уфа-Златоуст, где расположен ряд заводов, рабочие которых вполне на нашей стороне. Усиление внимания и работа в этом районе диктуется и тем, что фронт близко подходит к этим заводам и со стороны рабочих может быть оказана большая помощь войскам пятой армии (разведка, партизанские отряды в тылу, восстания, взрывы, предотвращение взрывов неприятелем в узком коридоре железной дороги между Аша-Балашовской и Мурзулимской), для этой работы мы подбираем рабочих этих заводов, которые делают дорогу по тропинкам, им одним известным, связываются с заводами и организуют руководящую ячейку в этом районе»².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, лл. 10—11; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, лл. 1—2; д. 584, лл. 20, 30—31, 56; д. 636, л. 8; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9; д. 1252, лл. 74—75.

² «Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)», стр. 335—336.

В течение января 1919 года Сибирское бюро подобрало для посылки на Южный Урал целый ряд рабочих-коммунистов, главным образом миньярцев. Помимо К. М. Туманова, а также И. М. Антонова в их числе были Ф. Фатеев, В. П. Заикин, Е. Е. Энтальцев, М. В. Летучев и др. Большую помощь в этом бюро ЦК оказал Ф. И. Локацков, один из руководителей миньярской, затем уфимской подпольных организаций в 1918 году и некоторые другие видные уфимские партийные работники¹. После переправы через линию фронта К. М. Туманова, спустя дней 10—15, в Миньярский завод направляется Ф. Фатеев. Ему поручались те же задачи, что и К. Туманову. В случае ареста последнего, Ф. Фатеев должен был решить вопрос с пересылкой денежных средств миньярцев в уральские города и в Сибирь². Но узнав, что К. Туманов находится в Миньярском заводе и возложенную на него задачу выполнил, Ф. Фатеев с группой рабочих вернулся в Уфу³.

14 февраля бюро проводит совещание с находившимися в Уфе южноуральскими рабочими. В результате принимается решение организовать штаб, который всеми мерами должен был содействовать боевым успехам 5-й армии⁴. Для формирования штаба и организации всей работы по подготовке благоприятных условий для наступления 5-й армии решили послать в Миньярский завод группу коммунистов во главе с В. П. Зайкиным. Вместе с ним должны были пойти Е. Е. Энтальцев и М. В. Летучев⁵.

Группе В. П. Заикина поручалось встретиться с К. М. Тумановым, руководителями Миньярской подпольной организации и совместными силами создать штаб. Задачи штаба определялись следующим образом: 1) установить постоянную связь с Сибирским бюро; 2) объединить в боевые единицы скрывающихся в лесах молодежь, дезертиров колчаковской армии и рабочих; 3) наметить пункты сбора этих боевых единиц и разработать систему сигнализации; 4) создать ряд продовольственных и снабженческих пунктов; 5) точно выяснить коли-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 85; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 8.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 582, л. 2; д. 584, л. 15.

³ Там же, д. 584, лл. 15—16.

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 8.

⁵ Там же, д. 593, л. 105; оп. 6, д. 120, лл. 70, 75, 77.

чество, вид оружия, места его хранения подпольщиками и вооружить им создаваемые отряды; 6) всеми мерами мешать отправке мобилизованных из района южно-уральских заводов¹. 16 февраля группа В. П. Заикина, вооруженная наганами и бомбами, выехала к линии фронта поездом. Доехав до станции Тавтиманово, В. П. Заикин, Е. Е. Энтальцев и М. В. Летучев кратчайшим путем благополучно пришли в Миньярский завод². Попутно они доставили большой транспорт литературы — 15 тысяч только что изданных Сибирским бюро листовок, много номеров газет «Правда» и «Известия»³. Эта литература была быстро распространена на южно-уральских заводах, в селах и среди солдат.

К моменту прихода в Миньярский завод группы В. П. Заикина местным подпольным комитетом и К. М. Тумановым была проделана большая организационная работа по сплочению коммунистов и скрывающихся рабочих как Миньярского, так и Аша-Балашовского заводов. Подпольные организации решили рабочую молодежь, подлежащую мобилизации, по согласованию с Сибирским бюро, отправлять через линию фронта в 5-ю армию. Через неделю после прибытия в Миньяр К. М. Туманова был организован и направлен в 5-ю армию отряд коммунистов и беспартийных рабочих-миньярцев в составе 39 человек, вооруженных 9 винтовками и 12 бомбами. 14 февраля отряд находился уже в Уфе, его представители в тот же день встретились с членами Сибирского бюро ЦК⁴.

Спустя неделю вслед за этим отрядом отправляется в Уфу группа миньярцев в полтора десятка человек. В нее входили преимущественно коммунисты, бывшие ответственные советские работники. Новая группа миньярцев вместе с Заикиным, Е. Е. Энтальцевым и М. В. Летучевым 20 февраля прибыла в Уфу.

Бюро ЦК обогатилось новыми и самыми разнообразными сведениями о положении во вражеском тылу, причем не только в Миньяре, но и на многих других заводах

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 8.

² Там же, д. 593, л. 30.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 9; оп. 6, д. 120, лл. 70, 75, 77; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 505, л. 9.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 77, л. 232; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 7—8. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 140.

и в городах, в том числе и Златоусте. Миньярцы рассказали о дислокации и составе войск противника, настроении солдат и населения. Они дали более точные сведения о количестве оружия под Миньярским заводом, отметив, что помимо 2 орудий в лесу и на квартирах имелось 13 пулеметов, около 500—700 винтовок, 800 бомб, до 40 тысяч патронов, много взрывчатых веществ, снаряды. Все рабочие, как один, горячо просили направить их в ряды Красной Армии и быстрее послать в бой. Но бюро решило привлечь их к выполнению задуманной операции по организации восстания в тылу белых¹.

Выяснив, что в Миньярском заводе белогвардейская мобилизация сорвана (из нескольких сот человек явилась лишь горстка конторщиков), успешно разворачивается работа по организации штаба, но на других заводах дело идет значительно хуже, бюро ЦК направляет обратно всю группу В. П. Заикина с новым заданием. Им вновь поручается доставка большой партии революционной литературы. Но главными их задачами являлись следующие: «1) связаться с Симским заводом (т. е. местной подпольной организацией.— *Авт.*); 2) организовать в Симе небольшую группу человек в 10, занимающуюся подготовкой к приходу наших, заготовкой провианта, перехода к нам организованными отрядами, разведкой, 3) выяснить кратчайший путь в Ашу от нас; 4) организовать там запасы, такую же группу, поручив обратить внимание главным образом на разведку (охрана Липовой горы, местонахождение штаба); 5) организовать небольшие отряды, чтобы следить за минированными местами и в нужный момент помешать взрыву их; 6) закупить 150 пудов муки и дать напечь сухарей и спрятать их в определенном месте»².

Таким образом, в 20-х числах февраля Сибирское бюро уточняет и конкретизирует план действий подпольных организаций в Симском горном округе, ставит задачи усилить революционную боевую работу не только на Миньярском, но и Симском и Аша-Балашовском заводах. Одними из главных задач подпольщиков являлись подготовка для наступающей 5-й армии благоприятных условий при продвижении по железной дороге и заготов-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, лл. 8, 15—16; д. 592, л. 6; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 40.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 16.

ка больших запасов продовольствия. В случае успешного выполнения этих задач в ближайшем тылу врага, на важнейшем направлении была бы создана мощная база для развертывания массового партизанского движения, а по освобождении района — оперативного снабжения 5-й армии продовольствием и пополнения ее рядов добровольцами.

Преодолевая огромные трудности, во исполнение указаний Урало-Сибирского бюро подпольные организации Миньярского, Симского, Аша-Балашовского заводов проводили эту работу в феврале и марте 1919 года. Для коммунистов более легкой оказалась задача по обеспечению перехода скрывающейся от мобилизации молодежи в распоряжение 5-й армии более крупными отрядами¹.

В 20-х числах февраля на Миньярском заводе развернулась бурная деятельность коммунистов при участии К. М. Туманова по формированию отряда. В эту работу включилась подпольная организация Аша-Балашовского завода². Симских коммунистов подключать к ней не стали из-за спешности выполнения задания. Состоявшееся в Миньяре совещание руководителей подпольной организации с участием К. М. Туманова наметило план действий. Многим коммунистам, настаивавшим на разрешении перейти в 5-ю армию и сражаться в ее рядах, решили категорически отказать, так как они нужны были для работы во вражеском тылу. Практическое выполнение плана возлагалось на молодого коммуниста, бывшего члена Уралобкома Союза социалистической рабочей молодежи Василия Грачева. Вместе с другими коммунистами и комсомольцами Грачев проделал порученную ему работу быстро и успешно.

Стали создаваться десятки. Десятскими будущих групп назначаются активные молодые рабочие. Они должны были вокруг себя сплотить верных товарищей, умеющих, что называется, «держат язык за зубами». Вся работа проводилась строго конспиративно. Руководящий центр поддерживал связи только с десятскими, а последние — со своим десятком. При организации отряда широко использовался бесценный опыт нелегальной деятельности в тылу белогвардейцев. Каждый боец-доброволец будущего отряда был обязан иметь при себе

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 16.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190.

лыжи, 4-дневный запас пищи и оружие, хранившееся в тайниках. Строго конспиративное проведение мобилизации позволило избежать провала, несмотря на то, что белогвардейцы квартировали в домах рабочих.

Подготовка к походу шла быстро и в то же время осмотрительно, осторожно. У большинства рабочих парней лыж не имелось. Их изготовление особенно сложным делом оказалось для тех, у кого в доме находились солдаты. Приходилось делать лыжи по ночам в глухих конюшнях, сараях или у знакомых, в безопасных местах. Наконец подпольный центр получил сообщение всех десятских о готовности их групп к походу. К. М. Туманов, взявший на себя роль проводника и руководителя отряда, в назначенный срок указал сборный пункт на углежженных Моховых печях¹. С мерами предосторожности, применяя хитрость, рабочие уходили небольшими группами и в одиночку. Пряча в саях лыжи, продукты, оружие, миньярцы и ашабалашовцы лесными тропами и по бездорожью стали стекаться к Моховым печам. Собралось до 180 человек. Часть рабочих была отправлена обратно из-за отсутствия у них лыж. Осталось около 170 бойцов². Командиром отряда становится К. М. Туманов, а комиссаром — В. Грачев. Примерно каждый второй рабочий отряда имел винтовку. Некоторые были вооружены револьверами, гранатами. Многие бойцы, рассчитывая на быстрый и легкий переход через линию фронта, продуктов питания взяли не более чем на сутки-двое. 26 февраля отряд тронулся в путь³.

Погода не благоприятствовала переходу. Вначале стояла оттепель, непрерывно падал мокрый снег. Пробираясь на лыжах по бездорожью, по глубокому снегу, через крутые горы и чащобы, в обход сел и деревень, бойцы вымокли. У подавляющего большинства лыжи были не охотничьими: не обиты шкурами. При подъеме в гору они тянули лыжников назад. Приходилось то и де-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 92—105.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 94; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 92, 105, 140; д. 1213, л. 136. Точных сведений о численности отряда в документах и материалах нет. В некоторых воспоминаниях говорится, что в отряде было только около 150 человек.

³ Агенты контрразведки, штаба 6-го белогвардейского корпуса сообщали, что за два часа до их прибытия в Терпелинские казармы к фронту прошел отряд лыжников-рабочих (ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 94).

ло лыжи снимать, идти пешком, проваливаясь по колено, а порой и по пояс в снег. Мокрый снег набивался в набухшие от сырости валенки, за ворот. Одежда вымокла так, что хоть выжимай. И вдруг ударил 40-градусный мороз. Одежда лыжников покрылась ледяной коркой. Мороз обжигал лицо, сковывал дыхание. Коченели руки и ноги, сводило суставы. Промерзали до костей. Не спасала и быстрая ходьба. К тому же на нее не хватало и сил: шли несколько суток, не заходя в деревни, не отдыхая. Бичем отряда стал не только мороз, но и голод: через два дня похода кончились продукты. Положение отряда стало ужасным.

Несколько суток продолжался этот стодвадцатикилометровый переход! Молодые рабочие шли голодные, без отдыха, без сна, полузамерзшие, но полные упрямой решимости встретиться с родной армией-освободительницей. Многие, сраженные голодом, морозом, усталостью, падали. Но их поднимали не менее уставшие товарищи и, прилагая нечеловеческие усилия, увлекали за собой. За отставшими посылались наиболее сильные. Только в революционном энтузиазме, пламенном советском патриотизме, неутолимой жажде победы над контрреволюцией можно найти истоки героизма и мужества молодых южноуральских рабочих.

Белогвардейцы в тылу и на фронте получили сведения, что из района Моховых печей на соединение с Красной Армией идет большой отряд рабочих. Так, путем допроса группы молодежи, переходившей 28 февраля фронт и захваченный дозорными 12 Оренбургского казачьего и 43 Верхнеуральского белогвардейских полков, было выяснено, что отряд должен перейти линию фронта 2 марта. Но точного направления движения отряда колчаковцы установить не могли ¹.

В районе деревни Тереклы авангардная группа отряда неожиданно наткнулась на белогвардейцев. Начался неравный бой. Некоторые изможденные, замерзшие рабочие не в состоянии были даже снять с плеча винтовку и стрелять. Отдельные из них, шедшие за товарищами в состоянии полузабытья, бреда, падали в снег, теряя сознание. Врагу удалось захватить в плен несколько человек. Часть авангарда сумела скрыться в лесу. Услы-

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, лл. 82—83.

шав шум боя, отряд свернул в сторону и избежал столкновения с белогвардейцами¹. Героический поход отважных продолжался. Произошла долгожданная встреча с войсками 5-й армии в селе Никольском.

Но не всем суждено было пережить радость этой встречи: в дороге погибло или попало в руки врага около 15 человек, а 10 лыжников настолько сильно поморозились, что почти все стали инвалидами². 4 марта во фронтовой сводке по 5-й армии отмечалось, что из Миньярского завода перешел вооруженный отряд рабочих в 150 человек. Всего в февральские дни в Уфу прибыло более 200 миньярцев, десятки ашabalашовцев, симцев и других рабочих, а также крестьян³. В дальнейшем почти всем им довелось вместе сражаться в рядах героической Красной Армии.

В феврале 1919 года под руководством Сибирского бюро ЦК началось формирование специального отряда лыжников. По замыслу бюро такой отряд, состоящий из южноуральцев, хорошо знающих местность, мог выдвинуться далеко вперед, зайти в тыл врага, стать опорой и ядром повстанческих войск в случае успеха вооруженного восстания в тылу белогвардейского фронта. Все это позволило бы прорвать вражеский фронт, внести панику в белогвардейские войска, отрезать им путь отступления в Сибирь, предотвратить разрушение железной дороги⁴. С отрядом лыжников для действий в тылу врага бюро намеревалось послать одного из своих членов⁵.

В отряд лыжников решили включить добровольцев, главным образом рабочих Миньярского, Аша-Балашовского и Симского заводов. Командиром отряда был на-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1810, л. 4.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, лл. 82—83; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 92, 106; д. 1760, лл. 11—12; «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», стр. 256.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10; ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 94. Белогвардейцы отмечали, что на сторону Красной Армии мелкими отрядами переходили и крестьяне. Так, из дер. Ивановка за линию фронта ушел отряд в 23 человека. Всего в феврале в связи с проводившейся белыми мобилизацией на этом участке фронт перешло до 400 человек (ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, лл. 82—83, 94).

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 10; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 20; д. 636, л. 8.

⁵ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 30.

С. Д. Павлов

значен С. Д. Павлов¹. Численность отряда в начале марта достигала 270 человек. Он был хорошо вооружен, располагая не менее чем 8 пулеметами².

Отряд спешно и усиленно готовился к выполнению особого задания. Бойцы ежедневно с энтузиазмом совершенствовались в боевом мастерстве. Учились действовать в особо тяжелых условиях. В лесу, по глубокому снегу, на особо приспособленных санных из лыж, перевозили, развертывали к бою пулеметы, боеприпасы. Отработка тактики партизанской борьбы шла успешно.

В тыл колчаковских войск отряд лыжников должен был пройти на участке 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии 5-й армии. 8 марта отряд прибыл на указанный ему участок. Ночью ему предстояло пройти в горы. Но выяснилось, что вражеская Западная армия, перешедшая за два дня до того в наступление, вынудила соседнюю 27-ю стрелковую дивизию отступить. В тяжелом положении находилась и 26-я дивизия. В связи с нависшей угрозой прорыва противника на участке 2-й бригады отряд С. Д. Павлова был спешно брошен на подкрепление и передан в распоряжение командования 26-й дивизии³. В упорных оборонительных боях отряд понес огромные потери и к 9 апреля в нем осталось только 60 человек⁴.

Положение осложнилось на Восточном фронте, в марте началось отступление 5-й армии и других соединений. Сибирское бюро было временно ликвидировано. Судя по некоторым документам, на этом настоял Троцкий, который в то время был председателем Высшего военного Совета республики. Члены бюро, находившиеся в

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 9.

² Там же, оп. 6, д. 97, л. 28.

³ ПАНО ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 20.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11.

Белебее, в 20-х числах марта получили телеграмму. В ней сообщалось, что в ЦК РКП(б) принято постановление всех работников бюро влить в армию впредь до изменения положения на фронте, после чего они могут возобновить свою деятельность¹.

Член бюро ЦК Ф. И. Голощекин был назначен членом Реввоенсовета Туркестанской Армии². Другие сотрудники получили направление на военно-политическую работу в 5-ю армию, например, Д. К. Гончарова стала работать в одном из запасных полков³. С этого времени Сибирское бюро, как коллективный орган, в течение двух с лишним месяцев не функционировало. Некоторая работа в этот период проводилась лишь Смирновым — членом Реввоенсовета 5-й армии⁴.

При отступлении советских войск Сибирское бюро и Реввоенсовет 5-й армии по договоренности с местными партийными комитетами оставляли в Уфе и других городах, в поселках и селах группы коммунистов и сочувствующих Советской власти рабочих и крестьян для нелегальной работы в тылу противника. Например, Белебеевский комитет РКП(б) во второй половине марта разработал свои предложения о задачах коммунистов, готовящихся к работе в тылу врага, определяя формы и методы их действий. Предложения были переданы в бюро ЦК⁵. Их успешную деятельность вынуждены были признать и колчаковцы, причем белогвардейцы указывали на трудности борьбы с подпольщиками Уфы, так как их поддерживало и укрывало население города⁶.

После временной ликвидации Сибирского бюро поднялась роль его отделения, которое стало именоваться (с начала апреля) Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б). В этот период работа отделения не только не прекратилась, но стала более разносторонней и плодотворной. Особое внимание по-прежнему уделялось Среднему и

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11; Л. М. Спирин. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 101.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11; ф. 124, оп. 2, д. 672, лл. 3—14.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11; ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 13.

⁵ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 58.

⁶ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 122.

Северному Уралу, одновременно отделение стало готовить группу работников и для посылки в его южные районы — Златоустовский уезд.

Получив указание от Сибирского бюро ЦК РКП(б) о подготовке восстания в масштабе всего Златоустовско-Симского района, симцы вновь усиливают агитацию. Зимой была сорвана очередная мобилизация на заводе и в ближайших селах.

С размещением зимой на заводе огромного гарнизона большое значение приобретала работа по разложению белогвардейских частей. Но она была крайне опасна, так как на Симском заводе находились части каппелевского соединения, слывшие наиболее стойкими и верными Колчаку. В феврале 1919 года симцы стали свидетелями следующих событий. С фронта, по некоторым данным, самовольно снялся один из полков и с оружием в руках двинулся в тыл. В полку велась большевистская пропаганда. В районе Симского завода солдаты были задержаны; каппелевцы выявили «зачинщиков» — 27 солдат, — и 19 февраля расстреляли их из пулеметов в 3-х километрах от завода, на поляне около Глиняного ключика. Остальные солдаты были мелкими группами распределены по другим полкам. Так в общих чертах освещается это событие в воспоминаниях группы симских коммунистов на основе материалов воспоминаний 14 подпольщиков¹.

Много общего с работой симских коммунистов было у миньярской большевистской организации, которая особенно тесно была связана с Сибирским бюро ЦК РКП(б).

В зимне-весенний период миньярцы расширили связи со многими южноуральскими подпольными организациями Аша-Балашовского, Усть-Катавского, Юрюзанского, Катав-Ивановского, Симского и других заводов. Этим заводам в соответствии с распоряжением бюро ЦК оказывалась значительная денежная помощь. Денежные средства выделялись подпольщикам сел Ерал, Муратовка, Илек. Коммунисты этих сел получили возможность оказывать денежную помощь семьям красноармейцев². Поддерживалась связь и с челябинской организацией.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, лл. 21—22.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89.

Весной 1919 года туда для связи выехал председатель комитета Г. П. Новиков, не зная о происшедшем там провале. Он был арестован, увезен в Уфу и там расстрелян¹.

Вместе с представителями Урало-Сибирского бюро ЦК Миньярский комитет принимал меры к согласованию работы подпольных организаций в подготовке вооруженного восстания. Не переставали готовиться к восстанию сами миньярские коммунисты и рабочие. Работа кипела и в лесах, и непосредственно на заводе. Коммунистов не испугало то, что завод наводнили войска, причем специально подобранные — польские, башкирские, чешские. Белогвардейское командование надеялось, что подпольная организация не сможет наладить в национальных частях революционной работы, что в конце концов миньярцев удастся сломить. Но ничего из этого не вышло. Хотя в январе на Миньярском заводе произошли многочисленные аресты, контрразведка, осмелевшая после того, как Миньярский завод был перенасыщен войсками и чуть ли не в каждом домике рабочих разместилось по несколько солдат, действовала почти вслепую.

Среди большого числа рабочих арестованными оказались и коммунисты, в том числе Ф. Е. Фатеев, А. Н. Коковихин, Ф. Ф. Фатеев. Всех их подвергли жестоким пыткам, допытывались главным образом о местонахождении оружия. Арестованные заявили, что ничего о нем не знают. А. Коковихину — председателю заводского профкомитета — не поверили. Его убили. Фатеевых же в конце концов освободили, полагая, что сведения о их причастности к хранению оружия были ложными². А между тем им было более чем хорошо известно, что оружие хранилось в районе пасеки Ф. Е. Фатеева, который и являлся главным хранителем этого оружия. С наступлением весны Ф. Е. Фатеев с помощью двух других подпольщиков очистил оружие от ржавчины, смазал и вновь его спрятал, замаскировал³.

Миньярцы не испытывали страха перед колчаковцами. В момент январских обысков и арестов они сами пытались навести на карателей панику. Контрразведчи-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1426, л. 11; д. 1252, л. 140.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 139—140; ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 91.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 141.

ки доносили: «В Миньярском заводе утром после серии обысков и арестов, производившихся военным контролем по ордерам коменданта штаба бригады, было произведено два выстрела. Стрелявшие не обнаружены»¹.

В ходе работы среди солдат выяснилось, что настроения они по-разному. Уже зимой значительная часть солдат, в том числе и белополяков, заявляла, что готовы прекратить войну против Красной Армии, но не знают, что делать, как поступить². Миньярцы разъяснили, как следует поступать солдатам, сочувствующим Советской власти. Стремясь обезопасить себя от провалов и собирать сведения для передачи Урало-Сибирскому бюро, командованию советских войск, миньярская организация, по признанию колчаковцев, на заводе и в его районе «прекрасно поставила подпольную контрразведку»³. Своих людей, подпольщиков, организация имела в войсках и в конторе завода, среди почтовых работников и железнодорожной администрации. Так, важные разведывательные сведения организации доставлял помощник начальника разъезда Казаяк Н. Салов. Когда была раскрыта его подпольная работа и произведен обыск на квартире, то белогвардейцам удалось обнаружить замурованные между русской печью и капитальной стеной 15 винтовок и одну шашку⁴. Некоторое представление о размахе работы организации, причиняемом ею беспокойстве колчаковцам дает сообщение военного контроля штаба 6-го корпуса от 30 января 1919 года: «Прифронтной тыл в настоящее время представляется в следующем виде: наиболее опасным... Миньярский завод, по выражению Ленина, «солнце Урала». Здесь имеется правильно организованная боевая группа до 250 человек при винтовках, бомбах, 18 пулеметах «Максим», по 7—15 лент на каждый, одном горном орудии, 150 снарядах к нему, весьма много взрывчатых веществ и большой неприкосновенный запас винтовок и патронов. Точное местонахождение оружия пока неизвестно. Во главе миньярской организации стоит штаб в количестве 20 человек, в состав которого входят комиссары Симского

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 584, л. 15.

³ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89.

⁴ Там же, лл. 89, 91.

горного округа... При удивительной сплоченности населения завода и сочувствия большевизму легко было миньярскому штабу организовать многочисленную контрразведку»¹. Опасными колчаковцам представлялись не только миньярская, симская, но и другие большевистские организации Симского округа, некоторых станций Самаро-Златоустовской железной дороги, расположенных восточнее и западнее Уфы. В частности, белые отмечали, что рабочие-железнодорожники станций от Аксеново — Шафраново — Уфы до Миньяра — Кропачево сочувствуют большевикам и ведут подрывную работу: искусственно замораживают паровозы при эвакуации, задерживают или совсем срывают ремонт паровозов и вагонов².

Не меньше беспокойств белым причиняли и рабочие заводов. В феврале 1919 года они признавались: «Выясняется, что рабочие горнозаводского округа, в частности уральских заводов, относятся в высшей степени сочувственно к большевикам. Есть неоднократные заявления, что если будут наши наступать, рабочие вступят добровольцами в ряды Красной Армии»³. Одной из таких заводских организаций большевиков, работавшей вместе с миньярцами, была аша-балашовская. Ею руководили коммунисты Г. К. Фокин, А. Г. Иванов и другие. Организация несла постоянные потери уже с осени 1918 года. Но особенно тяжело стало работать зимой, когда завод-станция оказался в прифронтовой полосе и здесь расположился штаб 6-го белогвардейского корпуса. На заводе свирепствовала контрразведка. Но подпольная организация, порой сокращавшаяся до размеров небольшой группы, продолжала борьбу.

Подпольщики организовали подрывную работу, саботаж на заводе, срывали мобилизацию, принимали участие в организации переправы рабочей молодежи в распоряжение Сибирского бюро ЦК. Уклоняющихся от мобилизации рабочих, распропагандированных солдат направляли в горное ущелье Гремячки. Там возник пар-

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 89. В данном документе относительно числа пулеметов, орудий, названия руководящего подпольного штаба и т. д. допускаются неточности.

² ЦГАОР, ф. 293, оп. 1, д. 6, л. 1.

³ Там же, д. 31, л. 45.

тизанский отряд. По плечу коммунистам оказалась и задача обеспечения скрывающихся в ущелье, в лесах рабочих и солдат продуктами. Вокруг завода были расставлены заставы, улицы патрулировались ночью и днем. И все же под руководством Г. К. Фокина, прикрывавшего свое участие в подпольной деятельности работой в завкоме, организуется выпечка хлеба и доставка его в партизанский район¹. Заводской профсоюзный комитет выдавал скрывающимся различные документы, дающие право на переезды и т. п.²

Большое значение имела и информация о высылке карательных войск на Миньярский, Симский заводы, передававшаяся туда подпольщиками с Аша-Балашовского завода. Крепкой была усть-катавская большевистская организация. Ею руководили член партии с 1904 года И. И. Векшин, бывший председатель местного Совета Ф. Е. Бахарев, значительную часть времени вынужденный скрываться в районе села Серпиевки, и другие коммунисты. Организация обеспечивала своих членов фиктивными, но надежными документами, паспортами. На этой важной работе был занят коммунист П. И. Селиверстов, устроившийся писарем в земскую управу.

Из числа молодых коммунистов активностью выделялись члены партии с 1917 года К. Борцов, Г. Дудин, И. А. Скрябинский и др.³ Как и многие другие подпольщики, Ваня Скрябинский значительную часть времени вынужден был скрываться вне Усть-Катавского завода. Он проживал в Златоусте, в селах Серпиевка, Орловка. Работая под руководством И. И. Векшина, Скрябинский собирал различную информацию, выполнял функции связного. Зимой он выезжал на Миньярский, Аша-Балашовский, Юрюзанский заводы и неоднократно в Вязовую. Встречался с местными подпольщиками, передавал записки руководителей подполья и т. д. Накопив опыт конспиративной работы, он стал одеваться в форму прапорщика, имея соответствующие на это документы (разумеется, «липу»). Молоденьких прапорщиков к

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 90; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 343, л. 41; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; д. 1252, л. 88.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 289.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1898, л. 2; ф. 221, оп. 2, д. 348, лл. 48—50.

весне 1919 года в колчаковской армии было множество. Опасность быть задержанным по подозрению в подпольной работе была невелика. Ему, как «офицеру», можно было проезжать в вагоне с белогвардейцами и получать необходимые сведения. «Офицеру» можно было иметь револьвер и в случае опасности пустить его в ход. В подпольной работе участвовали комсомольцы и молодежь завода¹. Коммунисты Саткинского завода, оказавшиеся в тылу белогвардейских войск, также вели подпольную работу. В конце 1918 года организация охватила подпольной работой все цехи завода. В электроцехе ею руководил И. И. Вилисов, в механическом — И. П. Тяпкин, столярном — А. Д. Курилов. Подпольщики-рабочие установили связь с революционной группой учебной пулеметной команды 6-й Уральской пехотной дивизии. Команда была сформирована осенью 1918 года в Златоусте. Здесь и начали подпольную работу Нютин, И. А. Мульченко, П. И. Михайлюк и другие солдаты. Через саткинца каптенармуса Т. И. Вилисова подпольщики Нютин, Сухоедов, Ярушин и другие встретились с рабочими И. И. Вилисовым, А. Г. Мехоношиным, И. П. Тяпкиным и другими.

К марту 1919 года в пулеметной команде подпольная группа насчитывала уже около 30 человек. Особое значение придавала она вовлечению в революционную работу первых и вторых номеров пулеметных расчетов, которые в восстании могли сыграть большую роль. Саткинские коммунисты, имевшие связь с большевистскими организациями Златоуста, Усть-Катавского завода и другими, в феврале взяли четкий курс на подготовку вооруженного восстания, получив директиву Сибирского бюро ЦК. К восстанию готовились и рабочие, и солдаты-пулеметчики. Последние пытались вовлечь в революционную борьбу солдат других частей. Саткинская организация ждала сигнала о начале восстания из Златоуста.

Работа в учебной пулеметной команде осложнялась тем, что состав ее солдат часто менялся. Периодически группы обученных солдат посылались на фронт. Часть из них перешла на сторону советских войск. Так было с подразделением в районе села Байки: почти все 30 пулеметчиков, прибывших туда из Сатки, перешли на сто-

¹ ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 348, лл. 48—52.

рону красных. С вновь поступающими в команду солдатами оставшиеся на Саткинском заводе подпольщики также развертывали революционно-пропагандистскую работу¹.

Несомненно, зимой и весной 1919 года достаточно активное большевистское подполье имелось в Бакале, Верхних Кигах и других населенных пунктах Златоустовского уезда, куда для выявления подпольных групп засылалась агентура. «Контрразведкой выяснено скопление большевистских деятелей,— говорится в одном из документов, составленных в конце марта 1919 года,— в районах Рудничной, Бакале, Верхние Киги и Мидьярах, посланными в рудники отрядами захвачено 57 большевиков, найдено оружие, бомбы... Отряды продолжают производить ликвидацию в других пунктах»². В связи с усилением большевистской агитации на Ново-Никольском заводе туда из Златоуста также были «командированы агенты»³. Таким образом, приведенные материалы красноречиво свидетельствуют о наличии и активной деятельности в горнозаводском районе Уфимской губернии многочисленных подпольных большевистских организаций и групп.

До некоторой степени руководящей для подполья горнозаводского района была златоустовская организация. К концу 1918 года подпольные большевистские группы в Златоусте численно увеличиваются. Однако четко обозначившейся единой организации еще не было. К этому времени организационно оформили нелегальную группу молодые железнодорожники во главе с Надеждой Астафьевой, Юлией и Львом Орловыми, В. Горбачевым, С. Андрушкевичем. После того, как к ним присоединились Белоусов, Ягупов, Власов, Мурзин и другие, избрался комитет в составе нескольких человек. Председателем его стал Белоусов, секретарем — Ю. Орлова⁴. В разное время в комитет входили или играли в организации видную роль Н. Астафьева, Л. Орлов, И. Ситников, А. Сазонтов, В. Горбачев и другие⁵. В подпольной

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 343, лл. 115—125.

² ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, лл. 23—24; ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 2, л. 50.

³ ЦГАОР, ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 2, л. 37.

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 592, л. 14; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1317, л. 1.

⁵ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, лл. 40—41; д. 592, л. 15.

работе железнодорожников принимали участие и пожилые рабочие и работницы.

Как указывалось выше, в феврале 1919 года в Златоуст по заданию Сибирского бюро ЦК приехал И. И. Антонов. Он имел поручение — создать в Златоусте единую организацию, установить связь с Челябинском. И. И. Антонов связался с руководителями златоустовского подполья. Вскоре возникает инициативная группа, призванная объединить разрозненные подпольные группы города. Был создан единый подпольный комитет в составе трех коммунистов, позднее в него кооптируется еще два человека. В соответствии с указаниями Сибирского бюро ЦК по предложению И. И. Антонова формируется военный штаб из 5 человек, включая 3-х членов подпольного комитета. Имевшаяся ранее связь с отдельными подпольными группами закрепились. Она устанавливалась и с вновь возникавшими группами.

Городским подпольным комитетом большая организационная работа проводилась на предприятиях. Подпольные группы создаются на всех участках Златоустовского механического железоделательного завода, в местном батальоне, среди политзаключенных местной тюрьмы. Комитет вдохнул новую жизнь в полуразвалившуюся к весне группу железнодорожников. Весной состоялось собрание этой группы, на котором присутствовало, примерно, 15 человек. По сообщению Сибирскому бюро ЦК подпольщика И. Ситникова членами партии среди них было 3 человека, остальные — сочувствующие. На собрании присутствовал один из членов городского комитета, предположительно И. И. Антонов, который рассказал о том, как строятся конспиративные организации, как они ведут революционную работу. Выбирается новый состав комитета во главе с Белоусовым¹. Работа группы вновь оживилась.

К весне 1919 года дооформляется и численно растет подпольная организация среди военнопленных мадьяр и немцев, которой руководил опытный немецкий комму-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, лл. 1—3, 40; д. 592, л. 15. Прежний состав комитета в связи с отъездом из города Ю. Орловой и другими причинами фактически распался. В новый состав, помимо Белоусова, по одним сведениям, входили Л. Орлов и И. Ситников, по другим, — П. Сазонтов и Чариков (ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, лл. 40—41).

нист. Последний поддерживал связь с городскими коммунистами через И. И. Антонова. Всего военнопленных насчитывалось до 800 человек. Влияние подпольной организации среди них было безраздельным. Выходила нелегальная рукописная газета. Среди военнопленных, посылавшихся на работу на центральные печи, вели агитацию и русские подпольщики — Ф. П. Зайкин, И. А. Бодряков, М. Г. Зайкина и другие. Они главным образом распространяли среди военнопленных, как и среди русских рабочих, листовки¹.

Златоустовская подпольная организация насчитывала несколько сот членов партии и сочувствующих рабочих, военнопленных, солдат. Кроме того, под руководством большевиков работала комсомольская группа во главе с Виктором Геппом. Конспиративные ячейки в Златоусте были сравнительно большими — по 10 и более человек каждая. Их руководители имели связь с городским подпольным комитетом. Наиболее многочисленными и активными были организации на железодельном заводе, в лагере военнопленных и среди железнодорожников. Златоустовские организации поддерживали достаточно широкие связи с южноуральскими заводами, а также с Челябинском и Троицком.

Вследствие бурного роста златоустовского подполья городскому комитету и военному штабу становилось все труднее осуществлять руководство деятельностью отдельных организаций и групп. Тогда были созданы районные комитеты².

Готовя вооруженное восстание, Златоустовский подпольный комитет проводил установку Сибирского бюро ЦК на единовременность выступления рабочих южноуральских заводов, договаривался с подпольными организациями Сатки, Юрюзани, Вязовой (последние две обещали златоустовцам связаться и с некоторыми другими заводами) о сигналах, плане действий и т. д. Не удалось только связаться со ст. Бердяуш, которой в планах Сибирского бюро ЦК уделялось особое место³.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 2; д. 592, лл. 5, 15; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 327, л. 97.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 2.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 2; ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 342, лл. 119—125.

Для улучшения всей подпольной работы, особенно приобретения ими оружия и т. д., потребовались средства. И. И. Антонову было известно, что в Златоуст с Миньярского завода было доставлено 150 тысяч рублей. Они были переданы малоинициативной группе, которая израсходовала более 50 тысяч, но мало что сделала. Подпольный комитет забрал оставшиеся 96 тысяч, составил смету расходов на революционную работу, передал значительную часть денег штабу¹. В апреле 1919 года златоустовская организация располагала уже большим запасом оружия, боеприпасов². По решению комитета и штаба была организована и отправлена за город дружина (отряд), обеспечивавшаяся оружием, продуктами питания. В дружину были включены нелегально проживавшие в городе подпольщики, рабочие и, главным образом, бывшие солдаты. Златоустовские коммунисты вели постоянную агитацию в местном гарнизоне и не упускали возможности организовать дезертирство солдат также из следовавших через станцию белогвардейских частей. Так, когда в конце января 1919 года на станции Златоуст остановился эшелон 46-го Исетского стрелкового полка, то, как потом докладывал один из офицеров, «под влиянием агитации частных лиц группы стрелков... стали шумно заявлять о своем нежелании ехать». Командование полка только в 3-м батальоне недосчиталось трех десятков солдат³. В партизанский отряд вступила, вероятно, и часть этих солдат.

В Златоусте выпускалось большое число листовок, чаще всего рукописных. Часть из них доставлялась из Челябинска. Начальник военного контроля 6-й Уральской дивизии 17 марта сообщал, что в Златоусте «большевистские агитаторы продолжают пропаганду, распространяя прокламации, писанные от руки, призывающие к неспровержению существующей власти»⁴. В апреле выпуск листовок, воззваний продолжался⁵.

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 1; оп. 2, д. 617, л. 2.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 592, л. 15. Коммунист В. Горбачев, член подпольной организации, 3 июня 1919 г. Сибирскому бюро ЦК сообщал, что организация имела не менее 300 винтовок и 3 пулемета. Представляется, что он допустил некоторое преувеличение.

³ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 86.

⁴ ЦГАОР, ф. 293, оп. 1, д. 6, л. 3.

⁵ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, л. 2, 40—41; д. 592, л. 15.

Группа подпольщиков или отдельные коммунисты и сочувствующие им зимой и весной 1919 года имелись не только в Уфе, Златоусте и горнозаводском районе, хотя конкретных и значительных сведений на этот счет найти не удастся. В белогвардейских сводках за март — апрель 1919 года говорится об арестах большевиков в Бирске¹. Можно предполагать, что организованная подпольная работа имела место в Стерлитамаке, ибо 23 апреля контрразведка белых отмечала: «По слухам в Стерлитамаке осталось значительное количество красноармейцев, советских работников, шпионов», и что «рабочие недовольны приходом белых войск... и сочувствуют красным»². В Стерлитамакском уезде Уфимской губернии и смежных районах Оренбургской губернии колчаковцы встречали большие препятствия в проведении мобилизации. В районе действия Стерлитамакского сводного корпуса велась усиленная агитация. Одной из причин отказа вступать в армию со стороны заводского и сельского населения были грабежи и бесчинства солдат и офицеров. «Наши передовые части,— отмечала контрразведка Западной армии,— занимаются грабежами... мирных жителей»³. Многочисленные отказы подчиниться приказу о мобилизации отмечались в селах Златоустовского уезда: в Первухино, Александровке, Тюлюке, Меседах, Екатериновке и др.⁴

В селе Метели смелую агитацию за срыв мобилизации и участие крестьян в активной борьбе с Колчаком вел бывший член сельского Совета, коммунист Н. С. Теплых. Крестьянам он говорил, что в свое время был свергнут царь Николай, наступит время и та же участь постигнет Колчака.

8 февраля 1919 года Теплых был арестован и отправлен в златоустовскую тюрьму⁵. Исчезла былая стена, имевшая место между трудящимися крестьянами и солдатами, в подавляющей части насильно мобилизованными. Армия Колчака с каждым днем все больше подавалась большевистской агитации и разложению. Это особенно ощутимо чувствовалось во время ее отступле-

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 28, л. 29.

² ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 153.

³ Там же, ф. 236, оп. 1, д. 16, л. 64.

⁴ Там же, ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 2, лл. 37, 40.

⁵ Там же, ф. 209, оп. 1, д. 18, лл. 1—17.

ния и успехов Красной Армии. По данным белогвардейской контрразведки, многие солдаты 23-го полка, отступавшего в конце декабря 1918 года, во время остановки в деревне Тавтиманово не скрывали своего революционного настроения. Беседуя с местными крестьянами-башкирами, они говорили, что «за Колчака воевать... не намерены, что теперь нужно воевать не с красными, а вместе с ними бить чехов, добровольцев и офицеров». Их беседы оказали большое влияние на крестьян¹. Солдаты десятками дезертировали из частей. Следует подчеркнуть, что разложение войск Колчака продолжалось и в период их весеннего наступления. 15 марта 1919 года начальник Златоустовского контрразведывательного пункта направил комендантам всех пунктов уезда указание о принятии мер к задержанию и отправке в Златоуст дезертиров, количество которых возросло². Бегство мобилизованных из колчаковской армии русских, башкир, татар и других трудящихся становилось все более значительным и в других уездах Уфимской губернии.

Следует, однако, отметить, что в начале весны, когда колчаковцы добились крупных военных успехов и продвинулись к Волге, им удалось несколько сбить волну дезертирства. Но в целом оно было велико и не прекращалось даже в период наибольших успехов армии Колчака. Оно было симптоматично. При первой же серьезной неудаче дезертирство из армии Колчака приобретает катастрофические размеры: между контрреволюцией, эксплуататорами и армией, в которую были набраны сотни тысяч людей от плуга и станка разверзлась и ширилась пропасть различия классовых интересов. Армия переставала быть опорой колчаковской диктатуры. В. И. Ленин отмечал, что Колчака «погубила» поголовная мобилизация. «Пока его армия была, классовая, пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна. Но когда он стал делать поголовный набор, он, конечно, мог набрать армию быстро, но эта армия, чем она больше, тем она менее будет классовой и тем она слабее»³.

¹ ЦГАОР, ф. 1453, оп. 1, д. 20, л. 48.

² Там же, ф. 224, оп. 1, д. 1-а, л. 153.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, 34—35.

Колчаковщина, внешне казавшаяся внушительной силой, добившаяся весной 1919 года больших военных успехов, на деле была подвержена гниению «заживо», разложению.

*
* *
*

В связи с приходом к власти Колчака условия деятельности и задачи большевистского подполья Уфимской губернии, как и других районов, крайне усложнились. Это было учтено Центральным Комитетом партии, создавшим Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) и его отделение и усилившим помощь подпольным организациям.

За линию фронта направляются десятки опытных партийных работников, ходоков и разведчиков. Часть из них развернула работу в восточной части Уфимской губернии. Подпольные организации стали получать в массовом количестве большевистскую литературу, в том числе специально выпущенные бюро ЦК листовки, что создавало крепкую основу для политической работы в массах. Оживлению подпольной работы способствовали денежные поступления, информация. Неоценимое значение имели поступающие от бюро ЦК партии директивы, инструкции и различные указания. Бюро ЦК зимой и весной 1919 года большевистскому подполью Уфимской губернии оказывало особенно большую помощь, поддерживало с ним наиболее тесную связь и направляло в борьбе с Колчаком со строгим учетом оперативных планов Красной Армии.

Для этого этапа революционной борьбы коммунистов, сочувствующих им в Уфимской губернии, особенно в Уфимском и Златоустовском уездах, направляемой бюро Центрального Комитета партии, был характерен поступательный рост. Его не смогли остановить провалы отдельных организаций и гибель десятков коммунистов. Исключение составляли лишь отдельные города и уезды, где по разным причинам, главным образом в связи с их временным освобождением Красной Армией и восстановлением Советской власти, подпольная работа коммунистов временно прекращалась.

Большевистское подполье вступило в зрелый период своей деятельности. Оно брало на вооружение более совершенную, отвечавшую задачам времени тактику. При ее разработке и совершенствовании уфимские коммунисты исходили из директивных установок ЦК, его Сибирского бюро, сибирско-уральского подпольного центра и решений нелегальных конференций. Главное внимание уделялось подготовке вооруженного восстания трудящихся в горно-заводском районе губернии, начало которого приурочивалось к приближению к нему 5-й армии.

В революционную борьбу коммунисты вовлекали не только рабочих, являющихся наиболее передовой политической силой, но и трудящихся крестьян и солдат. Большевики-подпольщики смелее и шире разворачивают работу вне городов и заводов — в селах и войсках противника, включая фронтовые части. Подпольные организации учитывали дальнейшее революционизирование рабочих и крестьянской бедноты, большевизацию среднего крестьянства, поворот его на сторону Советской власти и, соответственно, нарастание антиколчаковских настроений в войсках.

Исключительно важным по значению результатом деятельности большевиков было успешное разоблачение контрреволюционной сущности эсеров и меньшевиков, их изоляция от широких слоев трудящихся. Глубокий кризис мелкобуржуазных партий, разброд и шатания в их рядах, вступление левых элементов в подпольную борьбу с Колчаком были использованы большевиками для расширения влияния на массы и усиления революционного натиска на реакцию.

В Уфимской губернии впервые после летнего периода 1918 года складываются и начинают действовать небольшие партизанские отряды и группы. Повсеместной становится борьба за срыв мобилизации в колчаковскую армию, бегство новобранцев со сборных пунктов и дезертирство солдат.

В результате большевистской агитации, под воздействием успехов Красной Армии, а также под влиянием контрреволюционного колчаковского гнета и репрессий усиливается разложение белогвардейской армии, происходят восстания солдат, учащаются случаи перехода их на сторону советских войск. Исключения не составили

и части корпуса башкирского буржуазно-националистического правительства, вынужденного пойти на переговоры с Советским правительством и разрыв с Колчаком.

Успехи коммунистов-подпольщиков в руководстве революционной борьбой трудящихся масс Уфимской и других восточных губерний существенно повлияли на исход сражения Красной Армии с белогвардейскими полчищами, содействовали провалу весеннего наступления Колчака.

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ИЗГНАНИЯ КОЛЧАКОВЦЕВ

В середине весны 1919 года на Восточном фронте был достигнут коренной перелом, подготовленный героической борьбой всего трудового народа Советской России под руководством Коммунистической партии и прежде всего бойцов и командиров 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армий. Наступил последний период колчаковщины — ее разгром. Достойный вклад в ослабление сил врага внесли боровшиеся в тылу подпольщики, партизаны.

Размах борьбы стал нарастать и роль ее в подрыве белогвардейского режима резко повысилась в связи с тем, что к этому времени произошли решающие сдвиги в урало-сибирской деревне. Середняцкие массы в Уфимской губернии и других восточных районах, не говоря уже о бедняках, встали на сторону Советской власти. К концу весны 1919 года сложился прочный союз пролетариата с середняком при опоре на бедноту. Это обстоятельство позволило более успешно развивать и наступление Южной группы Восточного фронта.

Южная группа (командующий М. В. Фрунзе) по плану советского командования наносила по врагу главный удар. Учитывая, что в районе Бузулука и Самаро-Златоустовской железной дороги между 3-м и 6-м вражескими корпусами выявился разрыв в 50—60 километров, принимается окончательное решение направить острие удара именно в этом направлении с тем, чтобы разгромить белых по частям, а затем развить наступление в направлении Уфы¹. Удар должна была наносить Туркестанская армия Южной группы. Другие армии также получили важные для общего исхода наступательных операций задачи.

Наступление Туркестанской армии началось 25 апреля². Вслед за ней в бой шли и другие соединения и части Южной группы Восточного фронта. В результате блестящего осуществления плана разрыв между 3-м и 6-м корпусами западной армии Колчака увеличился. В пролом устремились советские части. Ломая сопротивление колчаковцев, войска Южной группы 4 мая заняли Бугуруслан, 13 мая — Бугульму, спустя 4 дня — Белебей. Началось освобождение Уфимской губернии. Западная, наиболее мощная армия Колчака вынуждена была отступать на Урал. В то же время Колчак и интервенты в начале июня двинули в наступление Сибирскую армию, действовавшую севернее Западной, 3 июня части Сибирской армии захватили Глазов, продвинулись вперед на других участках. Но в результате принятых мер наступление противника удалось остановить, вскоре он начал отступление и здесь.

Как же в это время — в период освобождения Красной Армией Уфимской губернии — разворачивалась подпольная работа коммунистов, революционная сила масс?

Во второй половине весны 1919 года по-прежнему отсутствовало Сибирское бюро ЦК. Центральный Комитет в руководстве деятельностью большевистского подполья продолжал опираться на его отделение, находившееся в Вятке и действовавшее как бюро. Главное внимание оно уделяло районам Пермской губернии,

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. 1, М., 1957, стр. 176.

² Гражданская война 1918—1921 гг. 1930, стр. 191.

продолжало направлять туда коммунистов на подпольную работу, партизанские группы и целые отряды. Отделение приступило также к созданию в Перми, Кунгуре, Екатеринбурге и Омске постоянных разведывательных центров. Руководители отделения в конце весны отмечали, что «Средний и Северный Урал, отчасти и Южный, нами теперь обеспечены хорошими партийными силами»¹. Примерно к концу мая число коммунистов, посланных для постоянной работы в 9 различных районов Урала составило 50 человек².

И. С. Белостоцкий

Отделением направлялись частично работники и в Уфимскую губернию. В Златоустовский район были посланы И. С. Белостоцкий, член партии с 1904 года, и Д. Т. Богатов. Однако в связи с быстрым продвижением Красной Армии и освобождением Златоуста выполнить задание им не довелось. Для работы в том же районе получили подготовку И. П. Маликов, П. А. Фофанов и Н. А. Фофанов³. Со специальным разведывательным заданием в апреле 1919 года проник в тыл врага ответственный сотрудник отделения С. А. Килин. За полтора месяца он успел покрыть расстояние во много тысяч километров. Возвращаясь из Сибири, С. А. Килин побывал в Уфе, Бирске, Мензелинске, близ которого перешел линию фронта, и прибыл в Вятку в 20-х числах мая. Доставленная им информация была обширной и ценной: в его докладе имелось 12 разделов, в одном из них отражалось положение в Уфимской губернии, перемещение через Уфу контингентов колчаковских войск⁴.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 885, л. 42.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 32.

³ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 580, л. 1; д. 636, л. 15.

⁴ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 506, лл. 1—6.

В целом же внимание Южному Уралу, в частности Уфимской губернии, со стороны отделения было эпизодическим. Несмотря на это, подпольная работа здесь не затихала.

В период наступления советских войск активизировалось уфимское большевистское подполье, поддерживавшее связи с Челябинском и некоторыми другими городами. Массовые аресты, обыски не дали колчаковцам желаемых результатов¹. Уфимские подпольщики настойчиво продолжали агитацию среди населения и солдат, призывали молодежь отказываться от службы в колчаковских войсках, скрываться от мобилизации.

В мае — июне 1919 года рабочие Уфы стали совершать диверсии на железной дороге, выводить из строя подвижный состав. Больше того, железнодорожники-движенцы отказывались от обслуживания поездов и от поездок. Сломить их сопротивление даже под угрозой расстрела колчаковцам удавалось далеко не всегда. Например, насильно приведенный на паровоз машинист Лазарев у разъезда Ерал под пулями охранников бежал в лес, бросив состав². Характеризуя положение в Уфе, один из колчаковских контрразведчиков писал, что там часто происходит отвод или порча проводов от штаба к фронту, на центральном телеграфе выводятся из строя механизмы, есть случаи подслушивания разговоров. Он же отмечал, что при аресте одного из большевиков найдена копия телеграммы военного содержания. В другом белогвардейском документе указывалось, что в Уфе подожжено помещение обоза 43-го полка³.

Имеются свидетельства о помощи уфимских рабочих, в том числе подпольщиков, Красной Армии разведывательными сведениями. В передаче этой информации коммунисты Уфы оказывали содействие и Челябинской большевистской организации. В мае 1919 года, например, попытка переправить через линию фронта данные о прибытии под Уфу трех новых полков белых была сделана П. Н. Сомовым, который приехал из Челябинска

¹ ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 13-а, л. 5; ф. 176, оп. 1, д. 60, л. 24.

² «Красная Башкирия», 9 июня 1929 г.

³ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 426.

и встретил у уфимских подпольщиков полную поддержку¹.

Навсегда сохранится в истории борьбы с Колчаком подвиг безымянного уфимского рабочего, который поздно вечером 8 июня 1919 года чудом пробрался через вражеские позиции в легендарную 25-ю Чапаевскую дивизию, находившуюся на подступах к Уфе. Он сообщил, писал Д. А. Фурманов, что рано утром на один из чапаевских полков пойдет в атаку два офицерских батальона и один каппелевский полк. Белогвардейцы намеревались осуществить здесь прорыв и при поддержке других частей окружить и уничтожить 25-ю дивизию. «Мучительно долго тянулась ночь,— писал Д. А. Фурманов.— В эту ночь из командиров почти никто не спал... Все были оповещены о том, что рассказывал рабочий. Все готовы были встретить врага. И вот подошло время...

Черными колоннами, тихо-тихо, без человеческого голоса, без лязга оружия шли в наступление офицерские батальоны с каппелевским полком...

...Встреча была ужасная... Батальоны подступили вплотную, и разом, по команде рывкнули десятки готовых пулеметов... Заработали, закосили... Положили ряды за рядами, уничтожали... Повскакали бойцы из окопов, маленьких ямок, рванулись вперед. Цепями лежали скошенные офицерские батальоны, мчались в панике каппелевцы — их преследовали несколько верст... Этот неожиданный успех окрылил полки самыми радужными надеждами.

Рабочего... с почестями отправили в дивизию, из дивизии, кажется, в армию...»²

Развивая успех, чапаевцы на плечах противника, громя, добывая его, в тот же день, 9 июня 1919 года, освободили Уфу.

Соппротивление колчаковскому режиму на заключительном этапе борьбы за освобождение Уфимской губернии продолжало шириться во многих местностях, причем наиболее ярко это, как и прежде, проявлялось в горнозаводском районе. Но, прежде чем продолжить рассмотрение деятельности большевистского подполья

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 546, лл. 16—23.

² Д. А. Фурманов. Сочинения в 3-х томах, т. 1, М., 1951, стр. 260—261.

в этом районе, кратко остановимся на положении в других уездах, в частности Бирском.

В Бирском уезде не утихла борьба за сохранение земель, полученных от Советской власти. Так, башкиры села Байтурово Усы-Степановской волости упорно отказывались отдавать свою землю кулакам. Они уничтожали межевые знаки, оказывали сопротивление властям, а 10 мая собрались на сельский сход и единодушно постановили распределить землю «между всеми домохозяевами по наличным душам мужского пола»¹. 12 мая 1919 года начальник Бирского гарнизона с тревогой телеграфировал в Уфу: «Настроение волостей Анастасьевской, Ельдьякской, Исмаиловской, Андреевской, Тюинской явно большевистское. Они ведут противогосударственную агитацию. В Асяновской волости много оружия»².

Большевистская агитация и, по всей видимости, организованная подпольная работа проводилась в деревне Ново-Ишметово Московской волости Бирского уезда. Общеизвестными руководителями крестьян здесь были Г. Латыпов и Л. Шарипов, по данным колчаковцев, коммунисты. Г. Латыпов до прихода белых являлся «председателем сельского комитета» (вероятно, председателем Совета или комитета бедноты). В связи с намерением бирской контрразведки его арестовать Латыпов длительное время скрывался, но, очевидно, связи с односельчанами не порывал. Шарипов оставался в деревне, будучи ее старостой.

Крестьяне проявляли большую сплоченность и принимали «приговор, чтобы не выдавать большевиков». Когда колчаковцы стали производить допросы по поводу местонахождения Г. Латыпова, его революционной деятельности и т. д., то они ничего не смогли добиться и пришли к выводу, что «в деревне Ново-Ишметово форменно все жители большевики» и ждут красных. В середине мая 1919 года Г. Латыпов и Л. Шарипов были арестованы. У Латыпова удалось обнаружить вызывавшую у белых подозрение переписку и газеты на татарском и русском языках. В момент ареста жители деревни собрались и, проявляя к наряду колчаковской милиции «враждебность», стали требовать освобождения своих од-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 46, лл. 82, 84.

² ЦГАОР, ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 2, л. 80.

носельчан. Абдулхан Габдулгазизов говорил, что он соберет сход, на котором будет составлен о Латыпове и Шарипове «одобрительный приговор». Но вырвать арестованных из рук колчаковцев не удалось. Дело Г. Латыпова и Л. Шарипова, увезенных в Бирск, как «активных большевиков», 23 мая 1919 года уездной следственной комиссией было направлено в военно-полевой суд¹. Вероятно, оба они погибли. А когда Красная Армия вступила в Ново-Ишметово, то эта деревня, где было 60 дворов, дала своим освободителям 25 добровольцев.

Положение в Бирском уезде между тем в апреле — мае 1919 года настолько обострилось, что генерал Вишневский в своем докладе прямо признавал, что здесь начались открытые выступления крестьян против белогвардейцев². Не исключено и то, что перед приходом Красной Армии подпольщики действовали и в самом уездном центре — Бирске, где 12 мая колчаковской контрразведке удалось обнаружить склад оружия и боеприпасов³. Неблагоприятная обстановка для белогвардейцев складывалась во многих волостях и других уездах.

Под влиянием побед Красной Армии и большевистской агитации летом 1919 года колоссальных размеров достигло дезертирство из белогвардейских частей. Перед уходом из районов Уфимской губернии колчаковские власти вновь и вновь проводили насильственную мобилизацию. Но это лишь дальше ослабляло и без того дезорганизованные полки, так как из них бежали прежде всего выходцы из прифронтовой Уфимской губернии. Так, повально разбегались солдаты 48-го Туринского полка, набранные в основном в башкирских и татарских селах⁴. Начальник контрразведки 6-го Уральского корпуса доносил начальнику штаба в мае 1919 года со станции Аксеново, что «в связи с отступлением частей... дух солдат начал падать, особенно среди

¹ ЦГАОР, ф. 209, оп. 1, д. 17, лл. 7—17.

² З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 429.

³ ЦГАОР, ф. 276, оп. 1, д. 32, ч. 2, л. 80.

⁴ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 17, ч. 2, л. 169; ф. 1453, оп. 1, д. 65, лл. 6—27.

влившихся в части пополнений... Они переходят к красным при первой возможности»¹.

Рассмотрим положение в горнозаводском районе Уфимской губернии. Еще до освобождения Уфы подпольщики Миньяро-Симского района изыскивали пути и средства по оказанию помощи наступающей Красной Армии. Важно особо отметить, что именно в это время была сделана попытка объединить усилия всех заводских организаций в деле подготовки вооруженного выступления.

В мае 1919 года с Катав-Ивановского завода для связи к симским подпольщикам прибыли коммунисты К. Борцов и Г. Дудин. Они просили побывать на их заводе и договориться с руководителями подпольной группы о единстве действий. Симская организация выделила М. И. Яковлева и П. М. Усачева, которые благополучно добрались до Катав-Ивановского завода. Здесь состоялось совещание представителей симской и руководителей катав-ивановской организаций. Приняли решение подготовить и созвать в районе Симского завода межзаводскую подпольную партийную конференцию для обсуждения вопроса о единовременном проведении вооруженного восстания. Предполагалось пригласить на конференцию подпольные организации Симского, Миньярского, Аша-Балашовского, Усть-Катавского, Юрюзанского и других заводов².

Оповестить коммунистов южно-уральских заводов о предстоящей конференции вызвались К. Борцов и Г. Дудин. Однако колчаковцам, вероятно, что-то стало известно. Им удалось выследить этих двух молодых подпольщиков. Укрывшись в крестьянской бане, будучи окруженными, они начали отстреливаться. Убили и ранили нескольких белогвардейцев. Когда осталось по одному патрону, К. Борцов и Г. Дудин, не желая сдаваться, застрелились. Решаясь на этот мужественный шаг, они кричали: «Да здравствует Коммунистическая партия!», «Смерть белогвардейцам!» Так оборвалась жизнь замечательных катав-ивановских коммунистов.

¹ ЦГАОР, ф. 1428, оп. 1, д. 13, л. 155.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 102.

Гибель К. Борцова и Г. Дудина повлекла за собой то, что организации оказались неоповещенными. Конференцию созвать не удалось ¹.

Несмотря на продолжающуюся несогласованность в работе, каждая из заводских подпольных организаций и групп продолжали вносить свой вклад в общее дело борьбы за разгром колчаковщины.

Подпольщики, перешедшие на положение партизанских групп, совершали нападения на мелкие воинские обозы, группы солдат, угоняли кавалерийских лошадей и т. д. Например, во время такого налета около Симского завода, которым руководил Г. Рокутов, удалось пленить двух солдат, которые потом честно партизанили, а в июле добровольцами вступили в Красную Армию. В июне П. Усачев, М. Яковлев и В. Назаров сделали попытку совершить новый налет. Обнаружив дивизионный обоз в 50—60 подвод, охраняемый отрядом солдат, боевики не смогли отказаться от соблазна захватить его, хотя и чувствовали рискованность операции. Быстро разработали план: стороной объехать (они были на конях) обоз, бросить в переднюю подводу гранату и создать тем самым пробку и замешательство в рядах солдат и возниц, быстро разоружить их и угнать подводы. Ставка делалась на внезапность и создание видимости окружения обоза партизанами. Но случилось так, что переезжая одну поляну, П. Усачев и его товарищи неожиданно столкнулись с тремя конными белогвардейцами, одного из них ранили. Белогвардейцы помчались к обозу. Подпольщикам, обнаружившим себя, пришлось от задуманного плана отказаться ².

Решительно и самоотверженно действовали подпольщики Кропачево, Усть-Катавского завода и других заводов и железнодорожных станций. Только с 1 по 17 мая 1919 года в районе Кропачево — Усть-Катавский завод произошло 2 крушения эшелонов с колчаковскими войсками, в результате которых погибло много солдат и офицеров ³.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, лл. 102—103; д. 1898, л. 2.

² Там же, л. 104; «В борьбе за власть Советов», стр. 230.

³ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 426.

Подпольная борьба в тылу колчаковцев резко обостряется и ширится после освобождения Уфы. Это было связано, прежде всего, с восстановлением ЦК РКП(б) в в первых числах июня 1919 года Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК.

Бюро ЦК, как и раньше, находилось при Реввоенсовете 5-й армии, первые шаги проделало в Бугульме, затем долгое время работало в Уфе и т. д.

ЦК партии создал для работы Урало-Сибирского бюро еще более благоприятные материальные условия, нежели зимой 1919 года. В его распоряжение были переданы огромные денежные суммы. На 21 августа на руках у секретаря бюро Д. К. Гончаровой имелось около полумиллиона рублей, в Самаре хранилось 500 тысяч, да в банке полтора миллиона рублей¹. Следует также учесть, что к 21 августа бюро уже успело направить подпольным организациям значительную сумму.

Одним из первых мероприятий Урало-Сибирского бюро ЦК явился выпуск новой листовки, четвертой по счету, — «Солдаты белой армии!». Она была выпущена за подписью бюро и, будучи распространенной на фронте, сыграла важную роль в разложении колчаковской армии.

В числе важнейших задач Сибирского бюро вновь стала организация восстания и развертывания партизанского движения на Южном Урале, в его горнозаводском районе. Еще в мае 1919 года, предлагая восстановить бюро, его бывшие члены считали необходимым «послать в глубокий тыл на Урал группу товарищей для организации связи с армией, освещения тыла противника, разрушения мостов и подготовки восстания»². Члены бюро, таким образом, не отказались от реализации того плана, который они разработали в феврале 1919 года и которому тогда не суждено было осуществиться.

В июне бюро с помощью Реввоенсовета 5-й армии сформировало кавалерийский отряд. Он состоял в основном из миньярцев и ашabalашовцев; в архивных материалах встречаются упоминания и о том, что в отряд входили и матросы³. Это вполне возможно, ибо Ревво-

¹ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 585, л. 11.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 82.

П. В. Гузаков

енсовет 5-й армии ждал прибытия из Петрограда моряков-балтийцев, которых вместе с южноуральскими рабочими намерен был послать в тыл врага¹. Сформированный отряд насчитывал 57 человек², его командиром назначается член партии в 1905 года, делегат VI съезда РСДРП(б) П. В. Гузаков, помощниками — К. М. Туманов и А. С. Коржаков³. В начале 20-х чисел июня бойцы отряда, переодетые в белогвардейскую форму с «офицером» во главе, на пароме переправились через реку Уфу и вышли во вражеский тыл⁴. Несмотря на то, что колчаковцам стало известно об этой операции, партизаны смело и бес-

препятственно достигли Миньярского завода и остановились на Воробьиных горах, в 7 километрах от поселка. Выход в тыл врага стал возможным в результате тщательной разработки операции, знаний командирами и бойцами местности, руководства ими талантливыми организаторами. Следует заметить, что П. В. Гузаков был не только старым коммунистом. Летом 1918 года он являлся помощником командующего 2-й армией, принимал активное участие в гражданской войне в последующий период.

Командование отряда через бойцов — бывших участников подпольной работы А. В. Брагина и В. П. Заикина (дважды посылавшегося ранее Сибирским бюро ЦК из Уфы в Миньярский завод) и других установило связь с подпольными организациями Аша-Балашовского, Миньярского и Симского заводов. От имени бюро они дали

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 35, л. 11.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 2, д. 541, л. 5.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 93.

⁴ ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 636, л. 15; оп. 4, д. 1052, л. 78; д. 1079, л. 2.

Группа симских подпольщиков

указание местным коммунистам провести тайную мобилизацию добровольцев и незаметно прибыть с ними в пункты сосредоточения для формирования боевых единиц¹.

Поставленный в известность о прибытии отряда П. В. Гузакова Ф. Е. Фатеев вызвал на свою пасеку подпольщиков-миньярцев И. Е. Фатеева, В. Т. Воропанова, П. И. Чертова и А. Е. Сулимова. Двое из них вернулись в Миньярский завод для оповещения рабочих о мобилизации, остальные вместе с Ф. Е. Фатеевым начали извлекать оружие из тайников и готовить его к отправке. Рабочие-добровольцы из Миньяра и Аша-Бала-

¹ ПАСО. ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; д. 1252, лл. 77, 93—94.

шове пробирались к Воробьиным горам, где находился отряд П. В. Гузакова. Шли небольшими группами с топорами и пилами, под предлогом заготовки дров. Человек десять из числа ашабалашовцев колчаковцам удалось захватить и бросить в тюрьмы; некоторые из них, увезенные затем в Сибирь, погибли¹.

Для установления связи с симцами отправился боец отряда П. В. Гузакова — А. И. Нечаев. В сопровождении мальчика — сына пчеловода Федюкова — он добрался до района «Второго ключа», что в 6 километрах от Симского завода. Здесь произошла встреча с партизанской группой в 6—7 человек во главе с Н. А. Масленниковым. Для связи и переговоров к П. В. Гузакову был послан Д. Шишкин². Не дожидаясь возвращения Д. Шишкина, Н. А. Масленников, А. М. Харчевников и другие подпольщики разработали план организации отряда из симских рабочих. Местом его формирования установили «Кувшинов родник», расположенный близ Мишьярского завода и удобный на случай объединения с мишьярцами. А. М. Харчевникову и Саблину поручалось немедленно отправиться в Большак, Куряки и другие места для розыска и привлечения в отряд скрывающихся там разрозненных групп подпольщиков и уклонившейся от мобилизации в белогвардейскую армию молодежи. Остальные члены группы во главе с Н. А. Масленниковым должны были организовать встречу прибывающим рабочим.

При проведении этого плана были предусмотрены меры предосторожности на случай предательства или провокации со стороны отдельных лиц: место сбора отряда — «Кувшинов родник» сразу не назывался, к нему можно было попасть лишь через район землянки, в которой прежде скрывалась группа Н. А. Масленникова³. Словно цепная реакция, через связных от одной группы к другой распространилась весть о формировании отряда. В лес потянулись рабочие и с Симского завода, крестьяне окружающих поселков и деревень.

Пока собирались рабочие, а также крестьянская молодежь, П. В. Гузаков и К. М. Туманов принимают ре-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 141.

² Там же, лл. 72—73.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 72—73; д. 1255, л. 21; ф. 221, оп. 2, д. 474, лл. 2, 51—58.

шение начать диверсии в районе железной дороги, чтобы внести замешательство в ряды противника и тем самым помочь Красной Армии. Под командой матроса Гаранина через село Леузы открыто на подводах под видом солдат 8-го кадрового Тюменского полка к железной дороге направился отряд в 15—20 человек для взрыва Кусинского моста. В тот же день два других отряда подрывников под командой П. В. Гузакова выступили в сторону станций Кропачево и Усть-Катав. Их целью было произвести взрыв крупного железнодорожного моста через реку Юрюзань (под Усть-Катавским заводом) и организация в этом районе восстания. Через «доверенных лиц» и крестьян-подводчиков поддерживалась связь с рабочими окружающих поселков и революционно настроенными крестьянами¹. Но выполнить задачу по уничтожению указанных мостов не удалось из-за большого скопления колчаковцев. В стычке с ними погиб матрос Гаранин. Тогда П. В. Гузаков с одним из отрядов направился к станции Симская и в трех верстах от нее взорвал железнодорожный мост через реку Ерал, сняв и обезоружив белогвардейский караул. И хотя мост был восстановлен сравнительно быстро, но панику в тылу врага партизаны наделали большую². Они также разрушили железнодорожную линию и телеграфно-телефонную связь. Затем подрывные отряды вернулись к Миньярскому заводу.

Как действия отряда П. В. Гузакова, так и формирование новых частей проходили в исключительно сложной обстановке. С каждым днем к Миньярскому, Аша-Балашовскому, Симскому заводам приближался фронт. В этом районе создавалось огромное скопление войск противника. Враг был осведомлен как о задачах отряда П. В. Гузакова, так и о формировании новых партизанских групп в районе Миньярского и Симского заводов. Белогвардейцам удалось захватить бойца отряда П. В. Гузакова — радиста Сверлова. Он должен был установить связь со златоустовскими подпольщиками (а через них с партизанами Килатово, Кусы, Миасса) и пе-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, лл. 82, 96—97; ЦГАОР, ф. 286, оп. 1, д. 1-г, ч. 1, л. 76.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; д. 1252, лл. 78, 97.

редавать им указания об активизации боевых действий¹. Бюро ЦК возлагало большие надежды на златоустовское подполье, в котором, по имевшимся сведениям, насчитывалось около 300 человек².

Вследствие ареста Сверлова намеченный план осуществить не удалось. Однако некоторым подпольным организациям и партизанским отрядам через других лиц директива об активизации действий все же была доставлена. Попытки колчаковцев разгромить отряд П. В. Гузакова, отыскать места, где собирались рабочие, и захватить их к успеху не привели. Рабочие Миньярского и Аша-Балашовского заводов, крестьяне села Биянки объединились в отряд численностью до 300 человек³.

Командиром отряда назначается миньярский рабочий М. Т. Фатеев, а помощником — И. Г. Соколов. Отряду было выдано свыше 200 винтовок, до 40 ящиков патронов, 4 пулемета с лентами из лесных тайников⁴. Некоторые рабочие прибыли со своим оружием. Также успешно шло и формирование Симского отряда. Он насчитывал до 200 человек, более чем на половину вооруженных винтовками, имел один пулемет⁵. Командиром отряда избирается член партии с 1917 года Н. А. Масленников. Стремясь к соединению с отрядами П. В. Гузакова и М. Т. Фатеева, симцы послали в район Воробьиных гор группу бойцов во главе с коммунистом

¹ ЦГАОР, ф. 236, оп. 1, д. 1-г, ч. 1, л. 76. «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», стр. 327.

² ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 1052, л. 78.

³ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 97; «Коммунисты Урала в годы гражданской войны», стр. 325. Встречаются сведения о том, что в отряде было 250 человек (см. ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 64). В источниках нет прямых указаний, что рабочие Аша-Балашово вступили в один отряд с миньярцами. Возможно, они вступили в отряд П. В. Гузакова.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1702, л. 4; ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1252, л. 141.

⁵ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1255, лл. 21, 73; д. 1071, л. 48; ф. 221, оп. 2, д. 474, лл. 2, 51, 58. В воспоминаниях бывших партизан численность отряда указывается от 120 до 300 человек. В оперативной сводке штаба 3-й кавалерийской бригады 26-й дивизии говорится, что «при подходе к заводу Симскому к частям Верхне-Уральского казачьего полка присоединился отряд рабочих Симского завода, скрывавшийся до сих пор в лесах и горах, силою около 100 человек при одном пулемете» («Гражданская война на Южном Урале», стр. 319).

К. В. Рандиным¹. Но симцы несколько затянули с организацией своего отряда. Миньярцы в конце июня уже вели военные действия и отклонились на запад.

Первоначально предполагалось совместными силами всех трех отрядов начать наступление на Миньярский завод и освободить его. Но, как выяснилось, в поселке сосредоточились весьма крупные силы белых. К тому же отряд П. В. Гузакова в ходе боевых действий, стремясь помочь наступающей Красной Армии, двинулся к Аша-Балашовскому заводу. В том же направлении стал продвигаться и отряд М. Т. Фатеева. Отряды одержали победу в ряде боев, следовавших один за другим. Около Гремячихинских казарм был разгромлен конный казачий отряд. Продвигаясь далее на запад, партизаны устроили засаду и отбили у отступающих белогвардейцев обоз с оружием, обмундированием, телефонной аппаратурой, кухни и т. д. Получив сведения от разведчиков, что части 5-й армии продвинулись и заняли Нижний Казаяк, партизаны П. В. Гузакова и М. Т. Фатеева развернулись фронтом, обошли с флангов отступающую часть противника и стремительно ударили. Часть белогвардейцев была уничтожена, около 150 человек захвачено в плен. Партизанам и здесь достался огромный обоз с оружием, продовольствием, обмундированием, а также скот, который угоняли с собой белогвардейцы. На другой день произошла встреча с Красной Армией. Вместе с красноармейцами партизаны приняли участие в освобождении Миньярского завода, в дальнейших боях, но из района Кропачево были возвращены на завод².

Симский отряд Н. А. Масленникова 1 июля лесом направился к фронту. Вперед выслали разведку. Прошли несколько километров, ожидая столкновения с отступающими колчаковцами. Вдруг увидели своих разведчиков, радостных, возбужденных. С ними вместе был красноармеец. Отряд спешно двинулся на трактовую дорогу и присоединился к одному из полков 3-й кавалерийской бригады 26-й дивизии. Бригадой командовал И. Д. Каширин. Знакомыми тропами партизаны провели красных казаков на исходные позиции для штурма Симского завода, который обороняли части противника,

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 107.

² ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1213, л. 190; д. 1252, лл. 97—100.

имевшие артеллерию. 2 июля совместная атака каширинцев и партизан, наступавших по фронту, привела к освобождению Симского завода.

Успешные боевые действия отряда П. В. Гузакова в тылу врага способствовали росту численности и активности целого ряда партизанских отрядов, которые были созданы еще до июня 1919 года, в частности, Златоустовского, Тюбелясского, Усть-Катавского, Юрюзанского.

Таким образом, меры, предпринятые Сибирским бюро ЦК РКП(б) по формированию отряда П. В. Гузакова и использованию его в организации вооруженного выступления южноуральских рабочих и активизации коммунистов-подпольщиков дали прекрасные результаты. Партизанские отряды, нанося удары в тыл врага, помогли частям 5-й армии сделать быстрый бросок в Златоустовском направлении, захватить много пленных, огромные трофеи и не дать белогвардейцам эвакуировать оборудование и даже сырье и продукцию заводов.

Сибирское бюро ЦК большие надежды при наступлении Красной Армии возлагало на выступление в Златоусте. Однако вооруженного восстания здесь не произошло.

Городская подпольная организация в Златоусте в апреле 1919 года была многочисленной и крепкой. Под ее руководством успешно прошла первомайская забастовка рабочих: Златоустовский механический железодобывательный завод в этот день стоял¹. Но в начале мая над организацией нависла угроза. Усилилась слежка колчаковской контрразведки за руководителями подполья, в частности за И. И. Антоновым. (Он был прислан Сибирским бюро ЦК в город, как указывалось выше, еще в феврале 1919 года). По решению городского комитета И. И. Антонов поселился в лесу близ Златоуста. Многие подпольщики, которым угрожал арест, город также покинули; из них создается партизанский отряд. Однако провал организации все же произошел: аресты начались в первых числах мая (до 10 мая) и продолжались несколько дней. Отдельных подпольщиков арестовывали и в июне 1919 года². В тюрьме оказались десятки членов подпольной организации, главным образом из

¹ ПАНО. ф. 5, оп. 2, д. 590, лл. 3, 41; д. 592, л. 15.

² ЦГАОР, ф. 224, оп. 1, д. 2, лл. 7—14.

городского и железнодорожного районов. В числе арестованных были И. В. Теплоухов, В. Гепп, Позолотин, Волков, Белоусов, Н. И. Астафьева. Начались допросы и пытки. Колчаковцы требовали называть всех известных им подпольщиков, допытывались, где находится И. И. Антонов, где хранится оружие и т. д. Военно-полевой суд приговорил 18 человек к расстрелу. Приговор над ними приведен в исполнение. В числе казненных были И. В. Теплоухов, В. Гепп, Белоусов. Остальных приговорили к различным срокам заключения и отправили в Сибирь.

Колчаковцы раскрыли и местонахождение партизанского отряда, сформированного из златоустовских рабочих. И. И. Антонову и многим другим подпольщикам, избежавшим ареста, пришлось скрываться. Часть из них, например И. Ситников, П. Сазонтов, В. Горбачев, Л. Орлов, перешли линию фронта и явились в Урало-Сибирское бюро ЦК, другие вступили в партизанские отряды.

Оставшиеся в Златоусте подпольщики восстановить организацию не смогли. Но сохранившиеся небольшие ячейки организовали рабочих станции депо, на подрывные действия и дезорганизацию тыла белогвардейской армии. Одним из руководителей этой революционной борьбы железнодорожников стал член партии с 1905 года литовец С. А. Скачковский¹. Что касается И. И. Антонова, то он связал свою судьбу с Юрюзанским и Тюбелясским партизанскими отрядами. Вступив в Юрюзанский отряд, И. И. Антонов предпринял попытку укрепить его: для вооружения добровольцев не хватило оружия. С целью достать его он выезжал в Сатку, встречался с руководителями местного подполья. Саткинцы обещали достать оружие и взрывчатые вещества, доставить их в условное место. Однако обещание свое они не смогли выполнить. Между тем Юрюзанский отряд совершал ряд диверсионных операций на железной дороге, выводил из строя связь, нападал на мелкие группы солдат. И. И. Антонов вскоре перешел в Тюбелясский отряд и в его составе сражался вплоть до прихода частей Красной Армии².

¹ ПАЧО, ф. 596, оп. 1, д. 323, л. 152.

² ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 590, лл. 2—3.

К середине июля 1919 года Красная Армия успешно завершила Златоустовскую операцию. 13 июля колчаковцы в панике оставили Златоуст, вся территория Уфимской губернии, затем вскоре всего Южного Урала, навсегда стала свободной. Газета «На Красный Урал», характеризуя последние бои в Уфимской губернии, писала: «В Златоустовском направлении нами сломлено упорнейшее сопротивление противника, бросившего на это направление все силы, группировавшиеся в Уфимском районе... Потери противника огромны. Наша операция облегчается тем, что не только рабочие, но и крестьяне относятся к нам доброжелательно и вступают в Красную Армию по первому зову и организуют партизанские отряды, сеющие панику в тылу противника»¹.

На южноуральских заводах состоялись многолюдные митинги сразу же по вступлении в них частей Красной Армии и партизан. Участники пели революционные песни. Шла запись в Красную Армию. Командование многим отказывало, так как заводы могли остаться вообще без рабочих рук. Революционный энтузиазм рабочих был исключительно высоким. Женщины в Миньярском и других заводских поселках отдавали последнее и лучшее, что имели их семьи из продуктов и одежды для красноармейцев, заботливо ухаживали за ранеными².

Высоко оценил революционный подвиг уральских рабочих, коммунистов-подпольщиков В. И. Ленин. В начале июля 1919 года он писал: «Красная Армия, героически продвигаясь на Урале при помощи восстающих поголовно уральских рабочих, приближается к Сибири...»³.

*
* * *

Таким образом, деятельность коммунистов-подпольщиков Уфимской губернии, как и всего Урала, со второй половины весны 1919 года проходила под знаком разгрома интервентов и колчаковцев и очищения от них родного края.

¹ «На Красный Урал», 15 июля 1919 г.

² «Правда», 10, 16, 20 июля, 1919 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 44.

На завершающем этапе борьбы коммунисты губернии работали особенно активно и плодотворно. Этому благоприятствовали, во-первых, блестящие победы Красной Армии, ее стремительное наступление, во-вторых, возобновление деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б), вновь особое внимание уделившего Южному Уралу, помогавшего большевистским организациям и возглавлявшего их борьбу, в-третьих, крах мелкобуржуазных партий, небывалый рост политического сознания и революционной активности широчайших трудящихся масс, в том числе среднего крестьянства, поражения и разложение армий Колчака. «Эта история с Колчаком показывает,— отмечал В. И. Ленин,— что как гражданская война ни бесконечна, как ни тяжела, какой безысходной она ни кажется, но в тупик она не приводит. Она приводит народные массы, наиболее оторванные от большевиков, собственным опытом и убеждению в необходимости перехода на сторону этой власти»¹. Особое значение Ленин придавал повороту на сторону Советов основной массы населения — середняцких слоев крестьянства страны: «Я не буду говорить о военном значении победы над Колчаком, но я скажу, что, если бы не опыт крестьянства, которое сравнивало власть диктаторов буржуазии с властью большевиков, этой победы не было бы»².

Борьба масс в мае — июле 1919 года стала неизмеримо организованней, чем прежде. В Уфимской губернии, особенно ее восточной части, массовый характер приобрело партизанское и повстанческое движение, охватывающее рабочих и крестьян различных национальностей. Решающей и сплошь да рядом преобладающей в количественном отношении силой этого движения были рабочие. Партизанским движением непосредственно или через подпольные организации руководило Сибирское бюро ЦК РКП(б). Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала в тылу врага получила высокую оценку В. И. Ленина. Она вносила тревогу в лагерь контрреволюции, подрывала моральное состояние войск интервентов и белогвардейцев, приковывала к себе часть их сил, оказывала помощь Красной Армии. В целом ряде слу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 129.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 299.

чаев устанавливалась непосредственная связь командования частей Красной Армии с руководителями партизанских отрядов, их действия координировались и в результате достигались наибольшие успехи в борьбе с врагом.

По результатам, эффективности работы, уровню организации революционных выступлений, размаху партизанского движения, силе ударов по врагу и значению их для достижения победы, незначительности срывов и просчетов большевистское подполье губернии летом 1919 года достигло наиболее крупных успехов за все время деятельности.

Своей самоотверженной работой в массах, руководством их революционной борьбой коммунисты-подпольщики внесли неоценимый вклад в разгром врага, освобождение Уфимской губернии и восстановление здесь Советской власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба коммунистов и трудящихся Уфимской губернии против интервентов и белогвардейцев в их тылу была составной частью общей борьбы трудящихся Советской республики в годы гражданской войны, которая, в свою очередь, была продолжением Великой Октябрьской социалистической революции, *«продолжением политики свержения эксплуататоров, капиталистов и помещиков»*¹. Победа трудящихся над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции имела всемирно-историческое значение. Советский народ, которому пришлось сражаться не только против «своей» буржуазии, но и против многочисленных интервентов, показал трудящимся всех стран, как надо защищать завоевания социалистической революции, отстаивать честь и независимость своего государства.

Общественный и государственный строй, утвердившийся в стране в результате Октябрьской революции, явился главнейшим источником силы и непобедимости советского народа в борьбе с интервентами и белогвардейцами. Вдохновителем и организатором победы тру-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 406.

дящихся Советской республики в годы гражданской войны выступала тесно связанная с массами, вооруженная революционным марксистско-ленинским учением Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным. Она мобилизовала революционную энергию трудящихся масс на превращение страны в боевой лагерь, подняла народные массы на победоносную борьбу с жестоким врагом.

Организирующая и направляющая деятельность Коммунистической партии складывалась прежде всего из напряженной и героической борьбы ее местных организаций. Каждая из них решала общепартийные задачи, рассчитанные на достижение полной победы над силами контрреволюции, применительно к конкретным условиям и масштабам деятельности. В их числе были подпольные организации и группы в тылу врага, в том числе в Уфимской губернии (Башкирии).

В практической деятельности подпольные организации руководствовались указаниями ЦК и Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б), общепартийными решениями и марксистско-ленинским учением в целом. Они постоянно обращались к опыту нелегальной деятельности партии в условиях царизма, широко применяли и обогащали его. Вождем широких трудящихся масс города и деревни выступили рабочие, руководимые коммунистами-подпольщиками. Как ни труден и длителен был путь формирования союза пролетариата и трудового крестьянства в Уфимской губернии, страны в целом, борьба за него в конце концов увенчалась успехом.

Анализируя причины победы над интервентами и белогвардейцами, В. И. Ленин говорил: «Несомненно, мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса»¹.

Единый фронт рабочих и трудящихся крестьян в борьбе с общим врагом — международной и внутренней

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 320.

контрреволюцией — дополнился и укрепился союзом трудящихся всех национальностей, населявших губернию. Наряду с русскими, подлинный революционный энтузиазм проявили трудящиеся башкиры, татары, удмурты, марийцы, чуваш и другие нации и народности.

Опыт подпольной работы коммунистов и революционной борьбы трудящихся масс Южного и всего Урала в годы гражданской войны имеет непреходящее историческое значение. Он учит коммунистов нынешнего поколения, всех трудящихся самоотверженности, неукротимости в борьбе за идеалы коммунизма. Никогда не изгладятся из памяти народа героические дела большевиков-подпольщиков, боевые подвиги партизан в борьбе за власть Советов в Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике, родившейся в тяжелую годину борьбы с Колчаком.

Башкирия из отсталой в прошлом за полувековой период развития в братской семье областей, краев и республик Российской Федерации достигла поистине грандиозных успехов в экономическом и культурном отношении. Она стала краем нефти, машиностроительной и химической промышленности, краем хлеба, краем высокой культуры, которая включает в себя и развивает лучшие национальные традиции башкирского и других народов.

Трудящиеся Башкирии под руководством Коммунистической партии успешно ведут борьбу за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки, за новый величественный вклад в коммунистическое строительство.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СТАНОВЛЕНИЕ И НАЧАЛО ПОДПОЛЬЯ	7
ПОДПОЛЬЩИКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ КОЛЧАКА	59
БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИ- ЖЕНИЕ В ПЕРИОД ИЗГНАНИЯ КОЛЧАКОВЦЕВ	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130

ПЛОТНИКОВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ

В ТЫЛУ ВРАГА

Редактор *Г. А. Осташевская*
Художественный редактор *А. А. Астраханцев*
Художник-оформитель *С. А. Фадеев*
Технический редактор *Н. Я. Сайфуллина*
Корректор *З. А. Самигуллина*

Сдано в набор 22/VII 1971 г. Подписано к печати 21/XII 1971 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4,5. Условн. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 6,70. Тираж 5000 экз. П 00018. Бумага тип. № 3. Заказ № 444. Цена 16 коп.

Башкирское книжное издательство
Управления по печати при Совете
Министров БАССР, г. Уфа-25,
улица Советская, 18.

Уфимский полиграфкомбинат
Управления по печати при Совете
Министров БАССР, г. Уфа-1,
проспект Октября, 2.

**В БАШКИРСКОМ
КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ И БРОШЮРЫ:**

Коллектив авторов.	Республики шаг трудовой. 119 стр., 75 коп.
Ахунзянов Т.	Печать Советской Башкирии, кн. 2-я, 363 стр., 46 коп.
Коллектив авторов.	Ленин и Башкирия. 327 стр., 83 коп.
Кузеев Р.	Рабочий класс — создатель коммунизма. 254 стр., 45 коп.
Коллектив авторов.	Товарищ песня, мы тебе докладываем. 252 стр., 87 коп.
Еникеев И.	Фронт за фронтом. 103 стр., 11 коп.
Коллектив авторов.	И летопись, и призыв. 190 стр., 34 коп.
Швецов Д.	Смерть комиссара. 61 стр., 8 коп.
Кизин Ю.	Николай Павлович Брюханов. 84 стр., 10 коп.
Коллектив авторов.	Солдаты победы. 198 стр., 38 коп.

- Хвостов Л. **Братья Кадомцевы.** 149 стр., 18 коп.
- Коллектив авторов. **Его именем названы.** 415 стр., 40 коп.
- Муратов Х.,
Липкина А. **Тимофей Степанович Кривов.** 173 стр., 24 коп.
- Алибаев С. **Страницы дневника** (на башкирском языке). 186 стр., 38 коп.
- Коллектив авторов. **Могучая сила.** 125 стр., 17 коп.
- Алексеев Д.,
Голубых М.,
Калмыков В. **Главком Красноустьской, комбриг Чонгарской.** 159 стр., 17 коп.